

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

3. 2022

21 мая: День памяти адыгов – жертв Кавказской войны

12+

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители
(соучредители):

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Моттаева
Александр Мусукаев
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакуашева
Пётр Хатуев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

3. 2022 МАЙ–ИЮНЬ

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДИЛОГИИ
«ВЕРШИНЫ НЕ СПЯТ» АЛИМА КЕШОКОВА
(К 100-летию государственности КБР)

А. П. Кешоков

Проза А. Кешокова давно стала не только ориентиром, но и мерой в оценке развития национальной и советской многонациональной культуры. Этапное для северокавказских литератур произведение А. Кешокова «Вершины не спят» типологически близко историко-революционным романам, тяготеющим к эпопее и появившимся в литературах народов СССР в конце 50 – начале 60-х годов (А. Нурпеисов «Кровь и пот», С. Курилов «Ханидо и Халерха», Г. Ходжер «Амур широкий»). Такая эпопея ещё стремится к синтезу родового сознания и личностного опыта, традиционной этики и новой реальности, чем и определяется синтез двух типов художественного сознания – генетические связи мифоэпического сознания с литературным. Следовательно, и на этом этапе кабардинская литература подчинялась закономерностям развития всемирной литературы, где эпопея предшествовала зарождению и становлению романа как жанра и рождалась на основе «эпического состояния мира».

Если в поэме-эпопее Али Шогенцукова ощущалась некоторая «разорванность» нового национально-литературного мышления с эпическим сознанием народа, то А. Кешоков в следующем для кабардинской литературы этапном произведении «Вершины не спят», определил движение литературы к эпическому синтезу, который вернул кабардинской литературе целостное мировосприятие, озвучил все мифоэпические звенья традиции и художественный опыт кабардинской и русской литератур первой половины XX столетия.

В первой части произведения А. Кешокова «Чудесное мгновение» нельзя не заметить генетической близости устному народному повествованию: эпопея состоит как бы из отдельных хабаров (устных народных рассказов). В той или иной форме последовательное сопряжение практически самостоятельных фабульных блоков возможно обнаружить в самых различных хронопространственных ареалах, порой весьма далёких от Северного Кавказа и советской культуры в целом.

Так, если обратиться к европейской предыстории романа, то можно вспомнить, скажем, приём «нитки и бусинки», согласно которому

строился «Декамерон» Боккаччо. Казалось бы, разрозненные сюжетно и не связанные одна с другой, отдельные главки этого произведения составляют единое целое, позволяют раскрыть героев в совокупности личных и общественных отношений. Плодотворность обозначенной традиции особенно проявилась в том, что писатель наполнил этническое по форме повествование новым содержанием, органически соединив в структуре эпопеи инонациональную и национальную традиции. И, как справедливо заметил Л. Арутюнов, «писатель использует её (национальную форму повествования – Ю. Т.) не ради её специфичности. Он размыкает приём для современных целей. Автор входит в мир своего романа и стягивает в себе, в повествователе, идею единства мира». Повествуя о поворотных этапах истории и жизни кабардинского и балкарского народов – предоктябрьской, революционной и послереволюционной эпохи – А. Кешоков художественно исследует закономерности исторического движения, связывая воедино большие исторические события с судьбами своих героев.

Художественное открытие А. Кешокова Л. Арутюнов увидел, прежде всего, в том, что писатель «находит некую равнозначность между детским сознанием своего героя и "детским" – с точки зрения действительной истории – сознанием своего народа, только находящегося на пути к ней. Два близких вида сознания развиваются и обогащаются параллельно, неудержимо и с нарастающей быстротой». Такая, в сущности своей эпическая, постановка писателем художественной задачи позволяет увидеть в произведении новые проблемные пласты, до этого еще не отмечавшиеся в работах литературоведов, посвященных эпопее А. Кешокова, выполнившей, в то же время, функцию первого историко-революционного произведения в кабардинской литературе. К таким аспектам, прежде всего, принадлежит социально-детерминированное переосмысление народно-эпических традиций на всех возможных уровнях – от бытия до элементов быта, – через этикет уходящих своими корнями в народно-мифологический слой (Е. Г. Яковлев) произведения.

Мифозэпические традиции, преображённые современностью, зачастую трудно уловимы, но их функции в организации художественного текста, поначалу кажущиеся незначительными, а порой и вовсе случайными, на самом деле несут в себе формообразующую и содержательную нагрузку в создании художественной целостности жанра. Прочтение текста и произведения с учетом эпических мотивов и структур способствует осознанию путей и закономерностей развития жанра, явно тяготеющего к эпопее. Об этом свидетельствует произведение А. Кешокова «Сабля для эмира», изданное много позже, но органично вписывающееся в дилогию.

Категории времени и пространства абсолютно чётко высвечивают культурно-историческую память народа в формах, трансформированных

новой общественной, социальной и идеологической атмосферой. Категории времени и пространства наиболее точно способствуют выявлению эпического центра повествования в «Вершинах не спят», находящегося в точке пересечения литературно освоенного и фольклорного хронотопа.

Изображение в произведении обновления мира, эволюции народа на пути к осознанию своего исторического предназначения убедительно прочитываются в произведении на «языке» четырех основных мировых стихий (Вода, Земля, Огонь, Воздух).

Значимость этих элементов, структурирующих художественный текст и организующих ритм повествования, можно наблюдать с первых же страниц «Вершин...» А. Кешокова.

«Сотворение мира», художественное постижение его бытийных основ открывает стихия Воды, которая в космогонических мифах и различных религиях понимается как мировая стихия, организующая новый миропорядок: «День рождения мальчика Лю был отмечен событием, памятным для всего аула... хлынул страшнейший ливень. Он заглушил все-все голоса селения». Разбушевавшаяся река Шхальмиовко, «служившая на пользу славному ремеслу» (средством существования жителей этого аула была выделка жерновов из камней, приносимых паводком) структурирует пространственно-временный континуум новой жизни. Как замечает М. Ахундов, «живучесть представления о воде в качестве первоосновы объясняется именно её бесструктурностью... вода олицетворяет неопределенное начало, которое в процессе структурирования... трансформируется в Космос, упорядоченный в пространстве и времени».

Новое время, уже стихийно ощущаемое жителями аула, «измеряется рекой», образующей «горизонтальное» строение мира. Эта «горизонталь» сразу же получает «чужую» социально-этическую окраску, как обретение новых ценностных ориентиров.

Аналогичная ситуация возникает и во второй части диалогии – «Зелёном полумесяце», где повествуется о свершениях и трудностях становления новой личности. В строительстве новой жизни нашлось место и бывшему абреку – конокраду Жираслану, выразившему желание служить новой власти. Неизвестно, как бы сложилась эта новая жизнь Жираслана, если бы не политический максимализм «народного вожака» Инала Маремканова, не поверившего в перерождение Жираслана. Снова, как и в начале произведения, возникает символический поток: разбушевавшаяся стихия снесла плотину, строительством которой самоотверженно руководил Жираслан. Далее писатель соотносит стихию потока с ростом в народе недовольства Иналом, решения которого теперь идут вразрез с интересами народа. Наметившийся волюнтаризм Инала Маремканова первой ощущает семья Баташевых, являющаяся «нравственным центром» (Н. Джусойты) произведения. Перевернутый

бушующей стихией трактор, символизирующий новую, созидательную жизнь народа, как бы отрицает оба институтирующих компонента этой стихии – Инала и Жираслана, пребывающих ещё в эпическом измерении мира. Примечательно, что созидательная водная сущность – основа жизни – так или иначе, всегда связана с Астемиром Баташевым – носителем традиционной адыгской этики: разлив реки, совпадающий с рождением сына – продолжателя рода Баташевых; история с глобусом, который становится для Астемира символическим воплощением по-новому понимаемой основы мироздания, законы которого он должен теперь объяснить ученикам.

Заключаящим аккордом в изображении стихии как органического потока бытия звучат слова Астемира: «Вот, посмотри, Казгирей, какой быстрый, многоводный арык! Вот, пустили первую струю в арык – куда девалась эта вода? Ушла в землю, в расщелины – вот куда ушла первая вода. Так и мы все, Казгирей! Мы – первая вода. Мы – первая струя, и мы должны напоить собою сухое дно арыка. Не так ли?». Так своеобразно определяет Астемир появление народного вожака нового типа, способного подняться над собственным «я».

Перейдём к другой универсальной первооснове, характерной для эпической системы художественного мышления А. Кешокова – к Земле: «Местность, на которой лежит старый аул, очень красива. Кабардинская равнина начинает переходить здесь в предгорья Главного Кавказского хребта. Отсюда ведут дороги в дикие ущелья, отсюда пролегает путь на Эльбрус... Поросшие лесом, тёмно-зелёные холмы дугой охватывают долину, в которую стекают горные реки. За грядами холмов, поднимающихся все выше, встают головы вечно-снежных вершин».

Такова изображённая писателем перспектива обновления жизни народной – не прямой и трудный путь на Эльбрус (Гору Счастья), рассматриваемая А. Кешоковым как закономерность утверждения новых веяний и вовлечения народа в новую жизнь. Социально-нравственные искания аульчан, поначалу ещё неосознанные, служат изображению исторически обусловленного процесса. В этом плане весьма любопытна далеко не эпизодическая фигура странника Нургали. «выпавшая» из поля зрения многих исследователей. Нургали в поисках земли обетованной исколесил чуть ли не весь мир, побывал даже в Америке, но счастья (в его представлении – золота) так и не нашел. Трагическая жизнь Нургали и её печальный итог – жажда наживы в итоге приводит его к безумию – свидетельствуют о губительности собственнических инстинктов. Индивидуалистический характер, по природе своей искажённый формирующейся капиталистической средой, лишает личность Нургали возможности эволюционировать в новых условиях коллективизма. Это замечает жена Астемира Баташева Думасара: «В сложном и смутном её (Думасары. – Ю. Т.) чувстве было больше всего удивления. Вот, Нургали побывал так далеко, отсутствовал дольше Астемира, а

вернулся таким же, каким ушел. Астемир, подметила Думасара, вернулся каким-то совсем другим, не таким, каким ушел. А какой другой теперь Астемир – этого она сказать не могла бы».

Стихии Воды, Земли, Огня всегда взаимосвязаны между собой и переходят друг в друга, воссоздавая «космический танец» мироздания. Поток приносит дерево, а оно превращается в огонь в горне кузнеца Бота, хранителя родового огня, сравниваемого с легендарным Тлепшем – кузнецом из адыгского героического эпоса «Нарты». Подчеркнув роль базовых первооснов бытия, писатель раскрывает их мифологическую амбивалентность. Глава «Остановись, светило» раскрывает двойственность стихии огня – Солнца. «Остановись, светило» – эти слова произносились при встрече кровников. Солнце, якобы, освящало предписанный веками эпический закон: «Остановилось светило, остановилась луна. Покуда не прольется кровь, светило не двинется дальше». Именно в такую ситуацию попадает Инал Маремканов, встретившись со своим кровником – братом Казгирея Нашхо, отец которого в состоянии аффекта некогда убил отца Инала. И, слыша архаичный призыв, назойливо повторяющийся парнем, поборником родовой чести – «Светило не двигается, жизнь остановилась» – Инал не без усилия преодолевает самого себя и оставляет жизнь кровнику. Размыкая события во времени, писатель заключает: «И трудно было сказать, чья звезда, чьё светило остановилось в эту минуту, померкло, а чья звезда разгорелась».

Как видим, огонь выступает в двойной символической функции: огонь как символ веры в новую жизнь этноса и живой «огонь возмездия». Результаты этой народной борьбы, её итоги в первой части диалогии А. Кешокова выражены словами Инала Маремканова: «Великий свет разливается по всей земле. Все вы знаете нашу легенду о чудесном мгновении. Исполняется мечта того, кто узрел в какое-то мгновение свет над горами. Старик Валяно постиг это, но важно не это, а важно другое – последнее, что беспокоило умирающего, о чём говорил он: "Я узрел свет чудес, но чудесное мгновение перестало быть чудом одного человека, а стало чудом для всех. Все могут видеть свет счастливой жизни, приобщиться к нему"».

Вернёмся к истокам, к «первоначальному» состоянию мира Шхальмивоко. Разбушевавшаяся во время ливня в день рождения Лю, сына Астемира Баташева, река Шхальмивоко – точка отсчёта перипетийной последовательности диалогии. Причем время, организуемое потоком истории, не течёт однонаправленно, а разделяется им на прошлое и будущее. Писатель, развёртывая вполне реальную картину событий, вместе с тем, как бы выверяет по мифологическим законам течения Хроноса связь прошлого, настоящего и будущего; темпоральный симбиоз – круговорот, вечное-возвращение – характерный для поэтики

мифа, представляется важной специфической чертой художественного мышления А. Кешокова.

Иногда прошлое может оказаться впереди настоящего – дело Мурата Пашева, которого «унёс поток», становится будущим для его сына Эльдара. Углубляясь в ушедшее, писатель подчёркивает его неоднозначность в главе «Воздержанные и невоздержанные», раскрывающей путь рода Баташевых – как социально и исторически детерминированный.

Вначале мир Шхальмивоко носит природно-зависимый характер. Он направлен извне как по «горизонтали» – «полной своей силы река Шхальмивоко достигла только во время таяния горных снегов», так и по вертикали – «либо после длительных ливней». Следовательно, благополучие жителей села, искони служивших древнему ремеслу жерновщиков, прямо зависело от даров «щедрого потока». Динамика мифологической картины мира, созданная стихией воды, трансформируется затем в устойчивый символ – Гору Счастья (Ошхамахо), вершина которой замыкает на себе пространственное измерение прошлого, настоящего и будущего. Е. Мелетинский пишет: «Переход от бесформенной водяной стихии к земле выступает в мифах как важнейший акт, необходимый для превращения хаоса в космос». Подобный «переход», но только кардинально трансформированный, явно реализован в художественном сознании писателя.

В дилогии его актуализирует идейно-художественная трансформация стихии Огня – от «всегда пахнувших очагом» рук Думасары, огня в кузнице Бота, до огня как символа новых надежд народа. Писатель обращается также к мифу о Гобжагоше – божестве света и добра. «"Гобжагош", по представлениям адыгов, появляется только ночью, лишь на мгновение, и тут же исчезает. Его появление сопровождается ослепительной вспышкой на небе, лучезарным всплеском ночной темноты. А человек, сумевший уловить этот миг и обратиться к сиянию Гобжагоша с любой просьбой, будет счастлив, просьба его будет выполнена небожителями». С этим чудесным сиянием и сравнил Инал Маремканов свет революции. Свет над вершинами гор становится для него ориентиром в духовной эволюции народа, строящего новую действительность.

Эпиграф ко второй книге дилогии – «Зелёный полумесяц в начале весны – предвестник урожайного лета» – при всей кажущейся аутентичности трансформируется в структуре произведения: он символизирует переустройство мира, свободу и независимость от стихийных начал природы. Названия частей дилогии «Чудесное мгновение» и «Зелёный полумесяц» служат ориентирами этапов движения народа к собственному будущему и сопряжены с финалом «Вершин...», что делает сюжет дилогии открытым.

Какое же место в духовном пространстве народа занимает Инал Маремканов, организатор «восхождения» на Ошхамахо? Подобный

герой известен по многим произведениям историко-революционного жанра в русской и национальных литературах. Инал Маремканов, как и его литературные предшественники (прежде всего в русской советской литературе 20-х годов) – из героев, «не кончавших никаких академий», но, вместе с тем, он уже многим и отличается от них. При всей монументальности характера Инал изображён намного полнокровней своих предшественников. Детализированность и обоснованность его мотивов и внутренних эмоциональных движений – новое слово в прозе новописьменных литератур. Но подлинной удачей А. Кешокова, конечно же, стал Казгирей Матханов – идеологический противник Инала. Для народа, тогда и сейчас, Матханов остаётся устойчивым ориентиром духовной стабильности.

Действительно, Казгирей Матханов – большая удача писателя, но где же истоки этого самого загадочного в адыгской авторской словесности героя? По всей видимости, мы должны констатировать, что А. Кешокову удалось воссоздать диалог различных по своему содержанию традиций в конкретно-исторических условиях. И типологический прототип Казгирия Матханова – реальная историческая личность, сыгравшая огромную роль в становлении кабардинского этносоциума – Жабаги Казаноко. Помимо интуитивного ощущения их духовного подобия, в тексте романа возможно найти и нарративные аргументы в поддержку этого утверждения. Например, меты постижения ментального пространства Жабаги Казаноко и Казгирия Матханова идентичны: Северный Кавказ – Москва – Мекка. Я привел этот пример ради не только внешней, но и более глубоких аналогий, потому как генетические корни «Вершин...» – это, прежде всего, «История...» Шоры Ногмова, к которой восходят сюжетно-композиционные особенности произведения.

Казгирей – не рефлектирующий интеллигент, склонный к идеям пацифизма, что отличает его от Андрея Старцова («Города и годы» К. Федина), от Мечика из «Разгрома» А. Фадеева. Это герой, способный и на самопожертвование ради своего народа. Однако счастье своё Казгирей видит в возрождении нравственно очищенного прошлого. Это на какое-то время сближает его с большевиками, но под зелёным знаменем шариата.

Приведу ключевой спор Казгирия и Инала в финале первой части диалогии «Чудесное мгновение». Поскольку мысль, раскрываемая этим эпизодом, для нас очень важна, позволим себе процитировать полностью диалог Инала и Казгирия:

– Если ты темнее старика из Шхальмивоко, – говорил Инал, – хотя и был в академии, то вот, смотри сюда, ты, учёный человек! Видишь ручей? Он вытекает из-под камня. Какой древний и мудрый камень! А дальше, смотри, ручей разделился, из одного ручья стало два, текут в разные стороны: вот этот, – Инал показал плёткой, – дальше станет рекою Батога. А вот этот – исток Шхальмивоко. Ты бывал на этом месте.

Из-под одного камня вышли воды, но пойдут в разные стороны и наполнят собой разные реки. Так и мы с тобой, Казгирей! Не думай, что я забыл своё детство. Я помню его. Помню, как два соседских мальчика с любовью торопились друг к другу, как один из них с восхищением слушал другого, когда тот читал стихи и тексты... Об этом я уже говорил тебе. Но я помню, верховный кадий, и тот день, когда за плетнем, у соседнего дома, лежал мой окровавленный отец...

Горячая речь Инала привлекла внимание спутников. Он не делал тайны из того, что волновало его.

– Но ты знаешь, Казгирей, что не эта кровь разделяет нас с тобой...

– Да, это я знаю, – негромко отвечал Казгирей.

Инал продолжал:

– И теперь я уже не скажу: «Наши пути могут слиться». Нет! Они не сойдутся никогда, как не сойдутся вновь эти два ручья.

Казгирей, как бы вновь обдумывая речь Инала, искал возражения.

– Эти ручьи опять сольются, если убрать вон ту скалу, которая их разделила, – проговорил он. – Видишь её?

Картина мира, воссозданная диалогом героев – символическое воспроизведение пути, пройденного народом; скала разделяет Инала, обращённого в «светлое будущее», и Казгирея, обращённого в «светлое» прошлое. Слова Инала гораздо многозначительней, чем это кажется ему самому: этот момент – начало его падения. Он не может перерасти «эпическое состояние мира», которым рожден, и не чувствует, что перестает быть «головным журавлем». Ему так и не удаётся «убрать скалу», разделяющую прошлое и настоящее народа. И, таким образом, до нравственных и идеологических высот нового состояния мира, диктуемых временем, кабардинский народ поднимется без Маремканова, и это свершат такие, как Астемир и Лю Баташевы – люди, снявшие противоречие прошлого и настоящего на уровне преемственности этнических и национальных этико-эстетических ценностей.

¹Арутюнов Л. Н. Развитие эпических традиций в современной советской литературе // Взаимодействие литератур и художественная культура развитого социализма. М. 1981. С. 223.

²Арутюнов Л. Н. Развитие эпических традиций в современной советской литературе // Взаимодействие литератур и художественная культура развитого социализма. М. 1981. С. 224.

³Ахундов М. Д. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М. 1982. С. 49.

⁴Быков Дм. Четыре стихии «Войны и мира», лекция в ютубе.

⁵Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М. 1988.

⁶Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М. 1976. С. 207.

КЛАССИК БАЛКАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(К 110-летию Керима Отарова)

К. С. Отаров

Народный поэт Кабардино-Балкарии Керим Сарамурзаевич Отаров родился у самого подножья Эльбруса, в маленьком балкарском ауле Гирхожан, который издревле славился своими сказителями, певцами, мастерами прикладного искусства.

В 30-е годы прошлого века, когда по всей необъятной стране строилась новая жизнь, как и многие литераторы того времени, Керим Отаров писал ожидаемые идеологически значимые произведения, выражая признательность новому строю. Но в то же время из-под пера молодого поэта вышли и чудесные, чарующие лирические строки, посвящённые воркующей птице во дворе, звону горных речушек, стремглав бегущим мимо облакам, рождающимся и клубящимся над скалами, неугомонности ветерка, что несётся по всем закоулкам округи, деревьям, стоящим в сказочном, неувядающем цветку:

*За окном у меня колокольцы весны,
Всё звенят и звенят, гоня зимние сны.
Всё звенят и звенят, а глядящим сквозь стекло –
В светлом инее сад и, как прежде, бело.*

В 1934 году выходит его первая книга рассказов для детей «Поймали», потом сборник «Стихи и песни». Молодого поэта принимают в Союз писателей СССР, в 1938 году избирают председателем правления Союза писателей Кабардино-Балкарии.

Керим Отаров – нередкий гость изб-читален в отдалённых балкарских аулах, но чаще всего его привлекает туда возможность общения. Со своим близким другом Кайсыном Кулиевым, он любит бывать в Шики у знаменитого кузнеца и стихотворца Кязима Мечиева. Отаров первым из национальных литераторов той нелёгкой поры почувствовал, осознал, понял, какое огромное, знаковое значение имеет для только что зарождающейся балкарской литературы мыслитель из Безенгиевского ущелья. Керим Сарамурзаевич многое сделал – не для популяризации творчества народного стихотворца: слово Кязима-Заки и так осознавалось народом в качестве откровения, – но для придания имени основоположника этнической литературы официального статуса. Он способствовал изданию первого советского сбор-

ника стихов Мечиева. И вскоре, в торжественной обстановке, вручил основоположнику балкарской литературы удостоверение члена Союза писателей СССР.

В то далёкое время заниматься такими делами было очень сложно. Мы, к тому же, не должны забывать о происках некоторых недоброжелателей, которые неустанно продолжали писать в разные инстанции о будто бы нелояльности Мечиева к Советской власти. О том, что он, дескать, несколько раз посещал святые места Саудовской Аравии для совершения хаджа, что многие его стихи исламического, коранического толка... Однако Керим Отаров оградил своего учителя от всех этих наветов и нападок. И, думается, если бы не он, мы сегодня не досчитались бы многих шедевров балкарской словесности, которые вышли из-под пера великого шикинца.

Но, прежде всего, Керим Отаров – поэт. Самобытный, необыкновенный поэт. Его лирика, новаторская по своей сути – и в образном и в философском плане – зримо уходит своими корнями в народный, карачаево-балкарский фольклор, что, несомненно, резко выделяет его поэзию на фоне огромного объёма ангажированного, политически обусловленного творчества подавляющего большинства других авторов. Степень насыщенности его текстов сугубо художественными, этническими элементами роднит поэзию Керима Сарамурзаевича со стихами Кайсына Кулиева. Отаров – плоть от плоти своего народа, своей земли. Душа его – как слепок духа Отчизны. Когда он читал свои стихи, чувствовалось, что сокровенные, молитвенные слова ему доверили высказать и скала, и былинка, и дерево, и камень, и капелька дождя, и гроздь винограда, и вол, и колосок пшеницы, и пуля, найденная в борозде...

...В первые же дни Великой Отечественной войны он добровольцем уходит на фронт. Керим Отаров, можно сказать без преувеличения, создаёт целый героический эпос об этой страшной, беспощадной, всемирной трагедии. Он, как новый легендарный сказитель, былинный Баян новой формации: и воспевает, и осмысляет, и скорбит. Основу морального состояния бойца составляет, по твёрдому убеждению поэта, защита Отечества, родной Отчизны, ценою даже собственной жизни, собственного благополучия, это есть проявление гражданской сути человека: мужество на передовой, конечно же, обретается ценою беспримерных подвигов на поле брани, во имя свободы многострадальной, священной родимой земли:

*Я горю. А если б не горел,
Как бы я в твои глаза смотрел?
Если б трусом мчался от огня,
Разве ты любила бы меня?
Если б я с неправдою дружил,
Если б я солгал своей строккой,*

*Был бы нужен людям я такой?
Мужество, поэзия, страна –
К ним любовь в крови моей одна!*

Его стихи «В разорённой деревне», «Русские равнины», «Комиссар», «Седой майор», «Ласточка вьёт гнездо» и многие другие, стали классикой литературы народов Кабардино-Балкарии и всего Северного Кавказа. А поэма «Дороги», думается – одно из лучших произведений о войне во всей многоязыкой российской поэзии.

Человек, идущий по нелёгким дорогам жизни, оставляющий добрый след на земле, является главным содержанием и смыслом книг Керима Отарова – «Раздумья», «Родная земля», «Дороги», «Годы», «Утро мира», «Моя утренняя звезда», «Летние ветры», «Голос времени» и другие.

В произведениях, написанных во время высылки, поэт немногословен, лаконичен. Его стихи, словно открытые раны, кровоточащие язвы: кричат, вопиют о безжалостном беспределе властей того времени над ссыльными горцами. Эти удивительные строки одновременно являются обличительными документами той страшной эпохи, когда жизнь человека, благополучие целых народов ни во что не ставились:

*Сыновья и внуки пали на войне,
Защищая от врагов свой отчий край,
Беспощаден рок к народу, к ней,
Промычав им: «Враг!» – меня в ад их рай...
Как могильный камень, матушка – одна:
Во дворе лачуги – всё сидит, молчит.
Крик и боль, в глазах: погибла вся родня...
Смерть пошли мне, Боже – душа её кричит.*

Керим Отаров, бесспорно, является одним из самых ярких поэтов Северного Кавказа. Человек, перу которого принадлежат удивительные баллады, посвящённые трагическому быту безвинно депортированных балкарцев, чеченцев, карачаевцев, ингушей, калмыков...

Можно с уверенностью сказать, что до Керима Сарамурзаевича мир ещё не знал таких произведений о страшной поре, когда целые народы с корнем были вырваны из обжитых мест, раздавлены, расщеплены, раззяты, разбросаны по всей Средней Азии и Казахстану. Его тексты – грандиозное полотно, схожее с «Бедствиями войны» и «Капричос» Франсиско Гойи и «Герникой» Пикассо, сотворённое, правда, с помощью образного, праведного слова.

Данте Алигьери, чтобы показать порочность человеческой сущности, пришлось мысленно спуститься в придуманный им же самим, воображаемый, мнимый «Ад», ад же земной, не придуманный, а сотворённый сталинско-бериевской кровавой кликой, запечатлел в своих удивительных балладах-исповедях крупнейший поэт Кабардино-Балкарии Керим Отаров.

Выход балкарского поэта на новые уровни осознания бытия, на образность этнической генерации и, одновременно, на общемировые культурные универсалии получил в стихах Отарова очень чётко ощущаемое подтверждение и на уровне формы. Чеканность, отточенность каждого слова, филигранность огранки строки и рифмы, объёмная многоплановость образа и, в то же время, лёгкая воздушность мысли, без какой-либо вычурной нарочитости. Простота, доходчивость письма и – удивительная глубина, завораживающая читателя и очевидной этической бесспорностью:

*Готов я мёрзнуть и гореть,
В седых песках скитаться,
Лишь только б людям песню спеть,
Чтоб долго жить остаться.*

Стихи Керима Отарова обладают удивительной аурой света и жизненности, как будто они имеют осязаемые, чувствуемые нами собственные плоть и кровь, позволяющие быть рядом с тобой – чтобы в дальнейшем сопровождать нас, своих читателей, по жизни, оказывая поддержку и помощь в трудные минуты.

До такой высоты в поэзии, безусловно, мог дойти только подлинный чародей слова, мастер и многострадальный поэт: создатель и творец удивительных миров, которые никогда не дадут своему читателю пасть духом, потерять веру в справедливость, веру в человеческую честь. Ибо высшие нравственные, горские, нартские идеалы жили, были с Керимом Отаровым, помогая ему превозмочь, одолеть невзгоды и беды:

*В тяжёлый час сомненья и невзгод,
На всех путях, в работе и в бою,
Я свято верил в разум твой, народ,
Пусть не однажды круто мне пришлось, –
Сквозь непогодь, и грозы, и туман,
Я эту веру бережно пронёс,
Как самый драгоценный талисман.*

ЩЕДРАЯ ЛИРА КЕРИМА

Неповторимо лицо поэта Керима Сарамурзаевича Отарова. В его личности, в его поэзии есть всё то, что придаёт стихотворным строкам индивидуальный самобытный облик.

Он родился 3 мая 1912 года в селении Гирхожан Эльбрусского района. Отец ушёл из жизни, когда малыш ещё не достиг года. В автобиографии Керим с благодарностью вспоминал о маме, которой пришлось в одиночку растить троих сыновей. Бывало и голодно, и холодно, случалось, что зимой вода, стоявшая у входной двери, промерзала насквозь. Спасало небольшое личное подсобное хозяйство и умелые руки мамы, ухитрявшейся вязать, шить, скрашивать сиротство мальчишек предоставлением определенной свободы, когда можно было и поиграть, и в окрестных горах погулять, и к реке Баксан спуститься. Все это впоследствии соединится в причудливую и манящую счастьем картину детского мира Керима.

Стало полегче, когда старший брат нанялся пасти чужих овец. Стало ещё интереснее жить, когда Керим пошёл в школу. Знания вливались в него, словно вода горного ручья, вызывая восторг и формируя радость от познания мира.

Вот он читает лермонтовское «Ночевала тучка золотая на груди утеса великана...». Все это читали, все знают эти строки, но образ опечаленного покинутого утёса навсегда остаётся в памяти мальчишка. Когда ему будет двадцать шесть, он напишет стихотворение «Облачко», посвятив его М. Ю. Лермонтову: «...Я не думал, что встречу такое и сам. // На отвесной скале, что у речки Баксан, // Белоснежное облачко дремлет, // Не роняя ни капли на землю. // Но полоска зари заалела чуть-чуть, // И, проснувшись, оно отправляется в путь, // По просторам лазурного края // Пролетает, резвясь и играя. // Что ж ты, ветер, забаву у старца унёс – // Смотрит вслед одинокий утёс, // И скользят торопливо и странно // Две слезы по щеке великана».

И мама, и окружающие замечают тягу Керима к знаниям. Его отправляют учиться в Нальчик в педагогическое училище. Жизнь покажет, насколько был оправдан именно этот выбор образования. Закончив училище, Керим остаётся в нём преподавателем. Его знания и педагогические наклонности замечены, он работает ещё и в медицинском училище. Но стихи уже завладели его душой, он много пишет и публикуется в республиканской прессе. Первая книга «Стихи и песни» выходит в 1936 году в Нальчике. Его принимают в Союз писателей, а через два года избирают председателем этой организации. Все свои силы он направляет на поддержку юных талан-

тов, на творческую помощь становящимся на ноги национальным литературам. Он безмерно благодарен Кязиму Мечиеву, заложившему основы балкарской письменной литературы, приглашает его в Нальчик, сам поднимается в высокогорный аул Шыки, где в кузне Кязима беседует с патриархом о поэзии и жизни.

Все изменилось 22 июня 1941 года. Керима призывают на фронт. И оба его родных брата воюют, и почти все собратья по литературному цеху тоже на войне. Впечатлений, переживаний, мыслей не унять, хотя рядом рвутся снаряды. Пишется стихотворение «В разорённой деревне», в котором картина пепелищ и отсутствия живых людей нагнетает и без того обострённую тоску, но вот встречается на пути оглохшая собака, и «Так и врезался в сердце солдат сиротливый собачий взгляд». В этом же 1942 году Керим пишет стихотворение «Ласточка вьёт гнездо», здесь иная тональность, здесь надежда на скорую победу над нацистской Германией: «Ласточка вьёт гнездо // На потолке блиндажа, – // Лепит спокойно, словно // В мире – мир, тишина. // Я смотрю на неё // Пристально, не дыша. // Сердце громко поёт: // Это – весна, весна!».

Как далеко до весны Победы!.. Керим идёт дорогами войны, мужает, ценит солдатскую дружбу, глубоко осознаёт единство народов, населяющих Родину: «Твои, Россия, боль и доброта // Соединили нас в рывке едином, // Последний крик обугленного рта – // За право называться верным сыном. // Услышь меня, Россия! Я – твой сын. // И кровью и душой я твой навеки. // И радости надел, и горя клин // Сошлись во мне – обычном человеке».

Душой тянется в довоенное время, беспокоится о братьях, родных и близких по духу нальчанах. Пишет в том же 1942-м небольшое стихотворение «Соловьи», посвящая его Алиму Кешокову, который тоже на войне, который тоже ежеминутно рискует жизнью: «А время мчится пулей распаленной, – // Не воскресишь ушедших мирных лет... // Ах, соловьи свистят средь мглы зелёной, // Как буд-то ни войны, ни смерти нет!»

Безжалостная смерть настигает его воюющих братьев, одного на Дону, другого в районе Харькова. Сам Керим получает тяжёлое ранение, после которого ему по колено ампутируют ногу. В 1943 году он возвращается в Нальчик, но и здесь горькая правда накрывает его с головой: недолгая фашистская оккупация разрушила экономику, разорила колхозы и погубила множество мирных граждан. Привязанный к костылям, Отаров осваивает повседневный быт, наблюдает восстановление разрушенных фашистами зданий и привычной жизни в республике. А потом наступает любимая весна, но 8 марта 1944 года оборачивается подлинной трагедией для его народа – всех балкарцев загоняют в вагоны и отправляют на чужбину.

И тогда никто не знал, как долго продлится изгнание, и когда снимут все обвинения и наветы.

Кайсын Кулиев в это время служит в дивизионной газете, бои идут в Крыму. Он получает письмо, подписанное неким Османовым. Он такого не знает, но, прочитав послание, понимает, что письмо от Керима. Весть о депортации всего народа повергает его в ужас, он не в состоянии в это поверить и тем более осмыслить. Но Керим не может написать неправду. Он пытается разузнать подробности, а через время получает письмо от матери и сестры. Показывает его Алиму Кешокову, они вместе идут на старое кладбище крымских татар в Симферополе и оба, как пишет Кайсын Шуваевич в автобиографии, падают на землю и плачут. Святые слёзы... В тот момент они ничего иного сделать не могли.

Семья Керима живет в Киргизии, сам он работает на фабрике. Пишет горькие стихи, пишет в стол, как говорится. Боль переполняет его, несправедливость душит... Он использует любую возможность встретиться с соплеменниками, обменяться переживаниями, и когда в марте 1953 умирает Сталин, Керим Сарамурзаевич пишет письмо в Москву. Пишет подробно и обстоятельно, прося пересмотреть судьбу своего народа и вернуть его к родным очагам, к родным горам. Поступок мужественный, продуманный, поистине гражданский. Он больше не мог молчать, а как человек образованный, понимал, что меняется эпоха, что настал момент истины для депортированных народов. Через три года, наконец, балкарцам разрешили вернуться домой.

Отаров заочно заканчивает обучение в Кабардино-Балкарском пединституте, по-прежнему много работая с молодежью. Его поэзия наполняется зрелостью, он воистину выстрадал своё призвание пробуждать светлые помыслы и порывы души художественным словом. В том же 1956 году рождается стихотворение «Мальчики на берегу Баксана», где соединяются прошлое и современная Кериму явь, его изумление перед жизнью и понимание ее бесконечности: «Мы здесь телят пасли когда-то, // Баксан был чистым как слеза. // Над ним с восхода до заката // Звенели наши голоса. // ...А детство наше сказкой стало. // Там, среди гор, где все как встарь, // Оно поспешно // Отлистано // Истёртый сказочный букварь. // ...Река, влекомая волною, // Бежит и моет берега. // А боль моя // Всегда со мною – // Не унесёт ее река // ... Бреду я берегом Баксана, // И ловит изумленный взгляд: // Как прежде // Солнцем осиянны, там двое мальчиков сидят».

Выходят его новые книги. Но педагог в нём не позволяет вышаташаться самому, он по-прежнему печётся о развитии балкарской словесности, как основы сохранения национальной культуры. Он

идёт и едет туда, где нужны его помощь, совет и поддержка. Он дружит с кабардинскими поэтами, общается с признанными в стране переводчиками на русский язык, однако отнюдь не форсирует продвижение собственных произведений, системно занимаясь популяризацией нового поколения писателей. Керим Отаров глубоко осознаёт, что привлечение в литературу новых имён создаёт целый пласт современного и своевременного багажа духовной культуры.

Болезненно воспринимает уход собратьев по перу. На смерть замечательного поэта и светлого человека Бетала Куашева сердце его отзывается не случайными, не стандартными строками: «Ты был воспитан временем суровым, // Ты в битвах юность не щадил свою, // Твоя строка оборвалась на полуслове, // Как жизнь бойца, сражённого в бою! //...Поэтами мы были и бойцами // И юность свою прожили не зря! // Но сердце твоё, боль вобрав людскую, // Не выдержало. // Пал как воин ты. //...Мы все не можем вспомнить без волнения // Задумчивых и ясных глаз твоих...// И словно сердца твоего биение, // Живет средь нас твой умный, добрый стих!».

Написано в 1963 году. И сказано было, словно о самом себе. 13 октября 1974 года, внезапно для всех, его сердце остановилось – преждевременно и по кавказским, и по общечеловеческим меркам. Судьба отпустила ему только 62 года.

Непереведённым на русский язык оказалось практически семьдесят процентов его поэтического наследия. В последние десять лет дочь поэта Римма Керимовна, кандидат филологических наук, много сделала и делает для того, чтобы к широкому читателю пришли стихи и поэмы Керима Отарова. Поэта милостью Божьей. Поэта, чьим пером говорила правда, чьими глазами опознавалась красота родной земли, родной культуры. Он страстно хотел, чтобы миру людей явилась чёткая граница добра и зла, ушли в прошлое войны и унижение народов, воцарились милосердие и творческие искания. Он и не мог быть другим, получив от родных это имя, означающее в переводе с арабского щедрость. Таковым он и был, отдавая всего себя не только творчеству, но миру людей. Он был страстным поборником всего нового, развивающегося, пробуждающего в человеке новые силы, новые надежды, и поэтому так любил весну – время, дарящее крылья человеческому духу.

Семьдесят лет назад он написал небольшое стихотворение «Идёт весна», которое видится и программным, и просто хорошим, и очень нужным сегодня и всегда:

*По горам весна идёт, как девушка,
И смеётся звонко над зимой.
Но пора придет, и – что тут сделаешь!
Ей придётся уходить самой.*

*Вскоре вновь ей суждено вернуться
И опять вступить в свои права.
Это все прекрасно. Только грустно,
Что людская жизнь не такова.*

*Наших лет весна не повторится,
Лето – зрелость – тоже не вернуть,
Поэтому и должен ты стремиться
Человеком свой закончить путь.*

*Пусть не все осилишь ты вершины,
Раньше оборвётся жизнь твоя, –
Подрастают новые мужчины,
Юные – мужают сыновья!*

*Пусть же сердце ввысь тебя торопит.
Не даёт ни отдыха, ни сна!
...По согретым солнцем горным тропам
Вновь идёт, как девушка, весна!*

СОЛНЦЕ

Солнце светит, солнце землю согревает,
Как дитя свое, – с землей оно в родстве!
Солнце светит, силу жизни отдавая
И лесам, и человеку, и траве.

Детям – яблоки, нектар – жужжащим пчелам,
Все дарит оно по щедрой доброте.
А без солнца бы планета камнем голым,
Мерзлым камнем бы носилась в пустоте.

А при нем – пускай грома гремят, как взрывы,
Пусть мороз трещит – земле угрозы нет.
Солнце шлет на поле боя и на ниву
Свой живительный, свой добрый, ровный свет.

Перевод Н. Коржавина

Как только Человек рождается,
В огромном мире этом новом,
Он слово вымолвить стремится,
И – «Мама!..» будет первым словом.

А упадет в бою суровом,
И среди смертного тумана
Последним шепотом и зовом
Последним словом будет: Мама!..

Перевод А. Заяц

ТРОПА

Ключьями овечьей шерсти полинялой,
Облепившей барбарис колючий,
Крепко уцепились за седые скалы
Серые растерзанные тучи.

Выше облаков подняв крутые плечи,
Вдаль глядит Бука белоголовый,
Словно старый воин после дымной сечи,
Думою охвачен он суровой.

Летний вечер крылья красные раскинул,
Ночь заполонит ущелье скоро.
И, подобна песне сумрачной, старинной,
Длинная тропа уходит в горы.

Потому ль, что тропы наши так отвесны,
Оттого ль, что долог путь на кручи,
Так томительно-печальны наши песни,
Так медлительны и так тягучи?

Падает в ущелье ночь орлицей синей,
Облака толпятся над долиной.
Горная тропа вздымается к вершине
Песней бесконечною, старинной.

Перевод Дм. Голубков

ПОКА ОГОНЬ ПЫЛАЕТ В ОЧАГЕ...

Пока огонь пылает в очаге –
Котел не будет ржавчиною тронут,
И так же вот у кузнеца в руке
Не будет тронут ржавчиною молот!

Вот так и с человеческой душой:
Пусть заболит и скиснет отчего-то,
Но, в мир зовя тревожный и большой,
От ржавчины спасет её работа!

И с песней так: тревожа нам сердца,
Ведя нас в путь распахнутый и дальний,
Она стучит, как молот кузнеца,
По жизни, как по звонкой наковальне!

Она звенит, она взлетает ввысь,
И знаю я: пока мы дружим с песней –

Вовеки будет светлой наша жизнь,
Ее не тронет ржавчина и плесень!

Перевод И. Харабарова

О, земля! Сладок мёд твой, а соль так горька.
Я немало прошел твоих трудных дорог,
И остались на них, навсегда, на века,
Капли крови моей и следы моих ног.

Перевод Н. Коржавина

ВОЙ ВОЛКА

Земля моих предков – о, как ты на карте мала!
Тебя и ребёнок ладошкой прикрыл бы спокойно.
Сейчас ты – как дом, что и света лишён, и тепла,
Грустны твои горы, а детям их душно и знойно.

Родная земля, как же счастлив с тобою я был!
Себя забывала ты в вечных заботах о сыне,
Работа моя мне дарила сияние крыл...
Я лишь в сновидениях вижу тебя на чужбине!

Мы знаем, что многих сурово карала судьба,
Дарила тоску, сожаленья, сомненья и муку,
Но ради Отчизны своей не щадил я себя –
За что же с родною землей обречён на разлуку?

Зачем, о, земля, превратилась ты в вымерший дом,
А я, как по матери сын, по тебе всё тоскую?
Смиряюсь со всем, безнадежно мечтая о том,
Что рано ли, поздно – узнаю планиду другую?

Когда бы, родная земля, я был рядом с тобой,
Твои ледники я сумел отогреть бы дыханьем!
Мои вопрошанья, на волчий похожие вой,
Смутили бы тех, кто всех нас наградил наказаньем...

Но ныне к стенам моим мир безжалостно глух!
Пусть каждую ночь я, как волк в полнолуние, вою –
Мой вой безответен, ничей он не трогает слух,
Как будто стена между миром возникла и мною.

Перевод Г. Яропольского

СЁСТРЫ-БЛИЗНЕЦЫ

Печаль и радость – сёстры-близнецы.
В чьё сердце не заглядывали сестры?
Их единенье гениально просто –
Равны по весу у сестёр венцы.

Им друг без друга никогда не жить,
Излечит радость, а печаль поранит...
Видать, не зря такими сотворить
Решил творец их той порою ранней.

Пред ликом убывающего зла
Её подруга головы не свесит –
Чтоб радость беспредельной не была,
Печаль её тотчас уравновесит.

Нам не дано печали убежать,
Когда порой от радости пьянеем.
Как схожи сестры, как равна их стать,
Как свет и тьма, как человека гений.

Никто на свете дважды не живёт,
У вечных истин есть земля и небо,
Печаль поборешь – радость расцветет,
Как равновесье меж водой и хлебом.

Перед бедою человек поник,
Нарушил, значит, истину на свете...
Так друга схоронив, сказал старик
Его куда малолетним детям.

Перевод А. Павлова

ДОЖДЬ

Дождь ликовал, река ревела,
Весенний ветер бушевал,
Как будто молодость кипела.
За валом – вал, за валом – вал!

Ковром зелёным расстилаясь
У перевалов на краю,
Он лил моей душе на зависть,
Он вспомнил молодость мою!

Дружками, кончившими скачку
И расседлавшими коней,
Он как бы тропку обозначил
К далекой юности моей.

И мне такое рассказал он,
Верша извечный вешний путь, –
Как будто по сердцу бальзамом,
Хоть молодость нельзя вернуть.

Река, сметая все преграды,
Хвалу гудела небесам...
А я стоял печально рядом,
Смотрел на пенистый Баксан.

Она звала меня в дорогу,
Манила юность повторить...
Как жаль, что мы идем не в ногу,
Кому – кипеть, кому – грустить.

Перевод А. Павлова

МОЯ МЕЧТА

Медовый запах молодой травы
Меня пьянит порою на рассвете...
Мечтаю: будут строки лучше этих,
Которые, возможно, не правы.
Надеюсь, что исполнится мечта –
Народу сослужить такую службу,
После которой помирать не нужно...

Уж вроде бы служил, да все не та.
Но если бы не вера в мой народ,
Когда бы я не жил с мечтою этой –
Мои бы затуманились рассветы,
Закаменело б сердце без забот.
Меня судьба не смела обмануть,
Хоть застилал дорогу пепел горя,
А самый светлый день увижу ль вскоре,
Иль позади он, где пролег мой путь?
И если прожит он, то, как по другу,
Душой соскучусь тихо по нему,
А если впереди он тянет руку,
То сердце я, как знамя, подниму.
Земля свидетель, что моя дорога
То тёмною была, то как рассвет.
Я – человек, не тур! И слава богу,
Что были в этой жизни тьма и свет.
И сталь порой от крутизны крошится,
От смерти откупиться не дано.
Но есть мечта, прекрасная, как птица,
Моя мечта бессмертна всё равно.
Она в наследство достаётся сыну,
О доброте, о красоте земли...
Когда-нибудь и я сей мир покину,
И ты, мой сын, моей мечте внемли.
Пусть люди скажут: «Не жалел он крови,
Он умирал и жил за свой народ,
Позор его не пачкал в тяжкий год,
И злоба не сидела в изголовье...»
Не жду, что мой положе станет путь.
Пускай уйду – мечта вселится в сына.
А значит, и народ я не покину
И прорасту строкою в ком-нибудь.

Перевод А. Павлова

ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА

Мы, радуясь, вступаем в этот мир,
Чтоб получить от жизни наслажденье.
А уходя, в последнее мгновенье,
Все оставляем радости с людьми.
Не кажется великим сроком век,

За осенью всегда зима приходит.
И смерть на мысли вечные наводит:
Истёк, мол, срок твой, вышел, человек.
В небытие уходит он, скорбя,
Растает у живых туман печали.
Следы, что остаются от тебя,
Найдут они, иль различат едва ли?
Да и следы следам – большая рознь,
Глаза опустят или возгордятся?
Какое сердце людям пролилось,
Какие звуки от него продлятся?
Какая слава об отце звенит?
Худая – сыновьям подрежет крылья,
А добрая – потомков окрылит,
Тепло сердец хорошим людям вылет.
Живя бесцельно, не смотря вперёд,
Не думая о будущем с заботой,
Запомни: дважды жизнь не расцветёт,
Не будет продолжения полета.

Перевод А. Павлова

ВЕЧЕРНИЙ ПЕРЕВАЛ

Лишь к вечеру осилил перевал,
Внизу, по скалам, тень орла скользила...
В Шики я звон железа услышал
И вдруг увидел кузницу Кязима.

Как в отчий дом, спускался я в село,
Дверь кузницы знакома и открыта.
Поставив посох, как в мечеть в былом,
Вошел я с головою непокрытой.

К груди меня, как сына, он прижал,
И завязалась долгая беседа.
Кязим давненько не ковал кинжал,
А правил косу доброму соседу.

Глядел с порога голубь на меня,
Я угли ворошил в горячем горне
И в свете угасающего дня
Вдруг ощутил свои земные корни.

Как мало был подручным я твоим,
Жестокая война нас разлучила.
И вот сквозь годы я пришел седым,
Растратив за года былую силу.

Уходят люди, а стихи живут,
Они в делах вершинами сияют.
А поколения видят вечный труд
И золотые судьбы повторяют.

Перевод А. Павлова

БАЛЛАДА ОБ ОТЦЕ

Я был отцом, а нынче дедом стал,
И долгий путь остался за спиною.
Воспоминанья прыгают со скал,
Ведут назад, беседуют со мною.
Как в киноленте, пущенной назад,
Просматриваю кадры из былого.
Весна моя – цветущий белый сад –
Собою обволакивает снова.
Я – пастушонок, надо мной орлы,
И, кажется, что сам лечу я с ними.
И, кажется: глаза отца светлы,
И, кажется: его я слышу имя.
Но я его не видел никогда,
В его объятьях молодых не грелся,
На памяти печальные года
И матери тоскующее сердце.
Я спрашивал её: «Где мой отец?»
И отвечала мне она: «В дороге». –
«Когда же он вернется, наконец?» –
«Не знаю, сын. О том лишь знают боги...»
Он в путь ушёл, когда гудел буран,
А я лежал спокойно в колыбели...
И не осталось ни следов от ран,
И ни тропинки в снежной канители.
И даже фото не было в дому...

Когда о нём я спрашивал у мамы:
«Как жил он?» – «Верь, сыночек, одному –
Он был любимым и прекрасным самым!»
И слёзы застилали ей глаза,
И я жалел, что задавал вопросы,
Ведь ранить сердце матери нельзя,
Хотя его поранить очень просто. –
«Чей сын?» Я отвечал: «Сарамурзы». –
«Да одарит аллах добром и счастьем!» –
Так говорили старцы мне в усы,
Исполнены заботой и участием.
И рос я с добрым именем отца,
Оно растило крылья мне в дороге.
При этом светлом имени сердца
Распахивались для меня у многих.
Я знал: из уважения к тебе
Мне люди в этой жизни помогали.
Какую роль они в моей судьбе
В дни светлые и в чёрный день сыграли!
Трёх сыновей твоих растила мать,
А на ноги подняв, ушла в могилу.
А нам войну досталось испытать,
Её лихую, бешеную силу.
Она двух старших братьев забрала
И мне крыло жестоко перебила.
И некому уж было горевать
На братских позатерянных могилах. –
«Чей сын?» – ко мне с вопросом старики. –
«Сарамурзы!» – я тороплюсь ответить.
И долго на меня из-под руки
Глядят они: «Живите с миром, дети!».
Так, значит, память об отце жива,
Я радуюсь, как в детстве, будто рядом
Со мною ты, а не одна молва,
Как будто ты меня ласкаешь взглядом.
Я тоже дедом стал, я ветеран,
Поклон тебе от нас, живых и многих...
Ты в путь ушел, когда гудел буран,
И нет конца твоей большой дороге.

ЗА ГРЕХИ ОТЦА

Повесть

Есть древняя истина: за грехи родителей порой приходится расплачиваться детям. И чаще этот тяжкий груз выпадает на долю самого слабого и невинного...

Лето в самом зените. Берег полноводной бурной реки сегодня многолюден, дети, взрослые отдыхают, купаются, радуются теплу и солнцу. На другом берегу зелеными волнами переливаются высокие травы, вдоволь напитавшиеся влагой. Пробегающий по ним ветерок рождает видимость то ли просторной рубахи из зеленого бархата, то ли колышущейся морской глади. Пора сенокоса близко. У каждой травинки своя жизнь. Те, что слабее, больше ощущают жажду и никнут к земле, но корни питают их и помогают подняться. Беда, если корень ослабнет – нет тогда спасения стебельку. Как и той травинке, что окажется одна на отшибе...

Все изменилось вмиг. Казавшаяся минуту назад безмятежной река сменила свой монотонный шум на устрашающий гул, и поток стал прибывать и убыстряться. Видно, в верховьях прошел ливень. К этому прибавились тревожные крики со стороны села, и купальщики в страхе бросились к берегу, не понимая, что происходит.

– Держите его, держите несчастного! – доносились истошные крики женщин, бегущих к реке. – Бедный сирота опять не в себе, топиться надумал! Кто хорошо плавает, держитесь ближе к воде, не дайте ему прыгнуть! Не подпускайте к водовороту!

Впереди всех бежал Вова, босые ноги были в кровь изранены дорожной галькой, а он и не замечал этого, боясь только, что его догонят и не дадут добежать до заветного омута. Никому не нужный сирота без пристанища, он желал лишь одного: поскорее нырнуть в самую пучину водоворота и утопить в нем всю горечь своей беспросветной жизни.

– Оставьте меня, я жить не хочу! – кричал он изо всех сил, ветер на лету подхватывал его крик и разносил по всей округе. – Зачем мне жить? Я никому не нужен, ни отцу своему, ни вам всем! Какое вам дело до меня! Я не имею права жить, как хочу, не могу жениться на той, которую люблю! Я Жанну люблю, слышите! – Последние слова, полные отчаяния, он выкрикнул во все горло, чтобы всем было слышно,

особенно той, ради которой он собрался покончить с жизнью: – Жанна! Жанна-а-а-а!

Кто знает, хотел ли бедный юноша и впрямь утопиться, или он бежал к реке, чтобы его услышала возлюбленная, которая жила как раз неподалеку...

Несколько мужчин подбежали к нему навстречу и сумели схватить в крепкие тиски. Постепенно парень обмяк, перестал вырываться, а когда его отпустили, упал ничком на землю и зарыдал.

– Бедняжка... ну что опять приключилось с ним? – вполголоса говорили обступившие его сельчане. – Что тут скажешь, если для родного отца стал лишним?..

Вова только подростком узнал, что Мадинат ему не родная мать. Они с Саадулом оба родом были из Кабарды, но так распорядилась военная судьба, что жили в российской глубинке. Потому, видно, Вове неведомы были строгие законы, запрещавшие мужчине вслух говорить о том, что творится у него на сердце. Великотерпению адыга он также вряд ли был научен.

Родная мать Вовы, первая жена Саадула, давно умерла, вырастила его вторая жена отца. Назвать Мадинат мачехой было бы большим грехом. Для нее он всегда был старшим из детей, а он и не подозревал, что не она его родила. Так было до тех пор, пока в семье не начался разлад.

Мадинат была женщиной доброго нрава, хлебосольная и улыбчивая, всегда с радостью привечала и одаривала родню мужа. Если кто-то из них приезжал, она никогда не отпускала гостей без щедрых подарков и полных сумок. Семья была вполне зажиточной, ни в чем не нуждалась, и было в доме согласие между супругами. Так и жили, радуясь троиm детям и друг другу. Конечно, скучали по родным краям, переживали, что дети толком не знают своего языка. Что поделаешь, если не с кем поговорить по-адыгски, всюду чужая речь. Вот и росли дети, не понимая ни языка своего, ни обычаев.

Но Мадинат и вдали от родины умудрялась оставаться настоящей кабардинкой. Дом – полная чаша, на столе всегда вкусная адыгская еда и махсыма собственного приготовления. Надо ли говорить, что Саадул жил в свое удовольствие, не зная, откуда ветер дует, и не заботясь о том, где добыть хлеб для семьи. Зато бахвалиться перед друзьями он любил больше всего. Не проходило одного выходного, когда он не приглашал большую компанию приятелей и соседей в дом, и жена хлопотала на кухне целыми днями, потчuya гостей. И хоть бы раз выказала усталость или неудовольствие. Ее и любили за легкий нрав и доброту. И на работе у нее все ладилось. Она заведовала большим магазином, пользовалась уважением у людей, были у нее и верные друзья и подруги.

Однако и друзья, и коллеги, и соседи повернуты к тебе лицом до поры до времени. Пока у тебя все хорошо, нипочем не узнаешь людей.

Все это время остаешься в неведении, думая, что у всех сердца так же распахнуты, как у тебя. Но стоит тебе споткнуться один раз – никто тебя не поддержит, и тогда спотыкаешься снова, потом снова, все будет наблюдать, как ты беспомощно скатываешься вниз по наклонной.

Безмятежность и постоянный достаток, который к тому же не тобой добывается, меняет человека, и не в лучшую сторону. Саадул становился все более привередлив к жене, придирался к еде, перебирал одежду, капризничал и даже устраивал скандалы. Мадинат не придавала этому большого значения, а только старалась еще больше угодить мужу. Дети всегда были сыты и ухожены, одеты лучше других. Обратись к ней кто-нибудь с просьбой одолжить денег – она и тут никому не отказывала.

Когда-нибудь должен был грянуть гром, и он грянул. По чьему-то доносу, не иначе, прибыла из Москвы группа ревизоров. И во главе были не те люди, которых Мадинат давно знала и которые ей доверяли. Это был новый, непреклонный сотрудник. При желании любого человека можно в чем-нибудь да уличить. Ей часто приходилось одалживать знакомым деньги из кассы, а то и отпускать товары в долг. Теперь все эти дыры надо было спешно латать, но как? Магазин закрыт, касса и бухгалтерия опечатаны. Проверка выявила и другие крупные недостачи. Оказалось, что сотрудники нередко подворовывали на складе, да и по деньгам недостача оказалась гораздо больше, чем знала заведующая. Так обернулось для нее бесконечное доверие к людям. При допросах они всю вину свалили на заведующую и даже не подумали погасить свою часть долга. Строгий ревизор потребовал от женщины не только выплатить недостающую сумму, но и отдал ее под суд за хищение в особо крупных размерах.

Адыги говорят, что войны и тюрьмы придуманы для мужчин. А для женщины попасть в тюрьму всегда было большим позором, тем более в те времена, о которых идет рассказ. Это могло быть крахом и для ее семьи. Да, большинство людей склонны в трудную минуту отворачиваться от вчерашних друзей. Но все же мир не без добрых людей. Нашелся человек, которому она сама когда-то помогла, он ссудил ей крупную сумму с тем условием, что она расплатится в течение пяти лет. Мадинат погасила недостачу, заплатила еще и сверху, чтобы дело замяли. И так ей удалось избежать позора. Но работы она лишилась.

Саадул видел, какие страдания вынесла его жена, и все же у него хватало совести обвинять ее во всех смертных грехах: и все эти деньги она проела и пропила в магазине с чужими мужиками, и с каждым из них она была в связи, и чего только еще она от него не наслушалась.

– Куда ты деньжищи такие подевала? Кому скормила-споила? И со сколькими спала? Ты в жизни меня ни разу досыта не накормила, всё работа и гулянки на уме! – После таких слов он нередко переходил от

слов к делу, стал распускать руки. Только и слышала бедная женщина с утра до ночи: – Ты хоть раз вовремя возвращалась домой? Ты за детьми хоть раз смотрела? Иди к тем, кому свои деньги отдала, уйди вон из моего дома!..

И тем более он не хотел слышать о том, что должен целых пять лет помогать жене выплачивать долг – а он-то при чем! Дошло до того, что стал требовать развод.

– Уйди и дай мне свободу, распутница! Мне жениться надо, не собираюсь погибать вместе с тобой, как та утка, что в куриный мор попала! А то и я по твоей милости под суд пойду. Вот дом продам, деньги в карман положу и к родне вернусь, а ты оставайся тут. Имею я право хотя бы на дом? Ты столько денег сожрала, что на три дома хватило бы. И дети твои, тобой воспитанные, мне не нужны.

Так отец отказался от детей, и даже от Вовы, рожденного в первом браке. Куда было деваться бедной женщине с тремя детьми и огромным долгом на шее? У самой никого нет. Из родни мужа есть разве что сосношница Нурхан, в ее дом они приезжали в те редкие разы, когда выбирались навестить родные места. Да и то, столы накрывала сама Мадинат и собирала всю родню, близкую и дальнюю. Нурхан оставалось только показывать подарки, привезенные дорогой гостьей, и раздавать именные гостинцы старшим. При этом она неизменно повторяла:

– Никогда нам за ними не угнаться. Уж так хорошо они живут, Саадул с Мадинат. Дом – полная чаша, работа в двух шагах, ну все есть у них – загляденье просто!..

Кругом шла голова у Мадинат. Мать Вовы умерла в родах, и ей выпало растить его с пеленок. И вырастила, никак не выделяя среди родных детей. А теперь что? Возьмет она своих двоих, а его оставит – на кого? И как она его бросит? С отцом оставить? Это она могла мужа сдерживать, где лаской, где лестью. А мальчику плохо придется с таким отцом. Да он и подрос уже, почти взрослый парень... Один вопрос следовал за другим, и не было у нее на них ответа. Только слезы без конца.

Все бы ничего, если бы не этот проклятый долг. Ей надо самой добывать деньги, помощи ждать неоткуда. Своих детей она возьмет с собой, пусть будут при ней, что бы ни случилось. А за Вову она не может нести ответственность. Наверное, ему лучше будет с родней.

Так она и сделала. Оформив развод с мужем, отвезла мальчика к его родственникам, сама уехала на заработки на Курилы, подписав договор на пять лет. Что ожидало ее с детьми впереди – она не знала. Но иного выхода не было. В трудную минуту муж и жена становятся опорой друг другу. Мадинат такого счастья, видно, не заслужила. Саадул, получив желанную свободу, лишился беззаботной сытой жизни,

что давала ему жена, и теперь только и знал, что рассказывал всем подряд, какой дрянью она была и сколько ему напакостила. Сына при себе оставить он не захотел и легко отправил его к родне, которая вовсе его не ждала. Легко распрощался и с другими двумя детьми, которых увезла с собой Мадинат. Теперь оставалось быстренько продать дом и положить деньги в карман, оставив без доли и детей, и бывшую жену. Это было ему не впервой. Когда-то он продал родительский дом и присвоил себе все деньги, хотя такие же права были у его сестры и брата...

Разделавшись с домом, он заявился к сестре с несчастным видом.

– Ты моя единственная сестра, больше меня пожалеть некому, помоги. Мне теперь жениться надо снова, так ты подыщи мне пару подходящую. Я работать буду, деньги в дом приносить, все буду для нее делать. Только пусть на сторону не смотрит – такого я уже навидался... – И он рассказал сестре все, что думает о бывшей жене, облил ее грязью так, что впору было расплакаться над его злосчастной судьбой...

Чего не сделает сестра ради брата. Надо выбрать ему жену хорошую, а что трое детей остались в чистом поле – это не ее забота. Саадул ей ближе. И не верить ему она не может. Так что сестра вторила ему и даже от себя приукрашивала, рассказывая знакомым о несносной и неверной жене ее прекрасного брата.

Найти жену – дело нехитрое, особенно если ты не бедный и свободный. Сестра приглядела ему невесту. Пыжина была симпатичная женщина, хотя не улыбочивая, и славилась острым языком – как скажет, так уколёт. Саадулу она сразу понравилась. Невеста же сразу поставила условия: у нее есть сын, а детей от других женщин она растить не намерена. Также она не желает, чтобы Саадул общался со своими детьми, и у себя в доме их привечать она не станет. Он был согласен на все. От детей отказался легко, да и нужны ли они ему были – тоже вопрос. Так и зажил с новой женой, а сына ее стал считать своим.

Вова жил в другом селе, и с отцом они совсем не виделись. Он тяжело переживал развал семьи, скучал по отцу. Живя у родственников, сполна почувствовал, сколько ласки и тепла давала ему Мадинат. Лучше бы он уехал с ней, все равно куда. Не вернись он в село – так и не узнал бы никогда, что она ему не родная мать... Теперь она далеко с его братом и сестрой. И он не знает, что они и как, и они о нем ничего не знают. Отец себе другую жену завел. Он вот тут, в доме у людей, которые не очень-то ему и рады. Всех по разным углам разбросала жизнь. Как же так?

Пробовал видаться с отцом, но в последний раз Саадул просто прогнал его, запретив открывать дверь его дома. Парень понимал, что дело все в мачехе, и решил хотя бы на работу сходить к отцу, чтобы увидеть

его, поговорить. Он отказывался верить, что отец совсем не желает его видеть. Но не тут-то было. Саадул прямо сказал: жене не понравятся наши встречи, оставь меня в покое, не разрушай семью.

Выходит, он не нужен никому. Отцу родному не нужен, что уже говорить о родственниках, приютивших его. Один он на всем белом свете. А что может быть горше одиночества. Теперь Вова осознал это в полной мере. Но жизнь продолжалась, и оставалось только смириться с участью круглого сироты. Он повзрослел и стал подумывать о женитьбе. И вот тут родственники потеряли терпение и сказали напрямик, что его самого еле терпят, а о том, чтобы он привел к ним еще и жену, речи быть не может. У него есть отец, вот пусть он его забирает к себе и сам решает его судьбу. «Свою Жанну можешь вести к отцу, а нам вас двоих не прокормить», – таков был ответ родичей. Они уже не скрывали, что приютили его из жалости, но это не значит, что он может творить в их доме что захочет. И будет лучше для всех, если он, наконец, уйдет от них...

Вова оглядел обступившую его толпу. Заплаканные глаза искали кого-то. Со дня возвращения в село ближе всех была ему Нурхан, сосношница мамы... Мадинат. Она всегда сироту привечала добрым словом, утешала как могла, но ничего более не могла ему дать – сама жила в крайней нужде. Раньше он часто оставался ночевать у нее, и она укладывала его в комнатенке вместе с детьми. В такие ночи он спал спокойно, никто его не попрекал куском хлеба, а тесная лежанка казалась ему мягкой периной. Теперь он уже юноша, и должен бы сам о себе позаботиться, но в добром слове тетушки нуждался не меньше. Вот и сегодня она могла бы помочь, не делом, так словом, но ее, как на беду, не оказалось дома. И Вова не придумал ничего умнее, как утешиться.

Эти люди вокруг – они чужие, хотя именно они уберегли его сейчас от смерти. Но чем они могут ему помочь дальше? Была бы Нурхан рядом – она бы вступилась, проявила участие в его судьбе, может, и с женитьбой помогла бы... Но где она? Юноша продолжал сидеть в дорожной пыли и плакал, не скрывая своих слез. Время от времени упрямо твердил свое: «Зачем мне такая жизнь! Я никому не нужен!» В груди парня не умещалась обида – на мир, на жизнь, на отца, обрекшего его на сиротство.

Долго ли в селе разлетаются слухи? Где бы ни была Нурхан, она услышала о случившемся и прибежала на берег. Раздвинула сгрудившихся над несчастным парнем людей и наклонилась к нему.

– Мальчик мой, что с тобой? О чем горюешь, отчего тебе жизнь постыла, а? У тебя всё впереди. Не ты один сирота, посмотри вокруг. Вставай, пойдем, – она погладила его по мокрой щеке, потянула за руку. Но он, увидев ее, зарыдал в голос и снова стал причитать:

– Никому я не нужен, родной отец меня к себе не подпускает! Родственники отвернулись. На своей девушке жениться не имею права. Как мне жить? – Вова приподнялся на колени и продолжал жалобным голосом: – Нурхан, хоть ты меня пожалей, позволь немного пожить у тебя. Я знаю, что лишнего куска у тебя нет, но...

– Ну что ты говоришь, мальчик мой! Ты же знаешь, как я тебя люблю. Давай, поднимайся, пойдем домой. Как мы, так и ты, проживем как-нибудь. Сядем и подумаем вдвоем, как дальше быть, глядишь, что-нибудь и решим.

– Я знал, что ты меня не оставишь, Нурхан! – растроганный юноша поднялся и обнял женщину. – Прошу тебя, не слушай никого, сама решай, как мне быть дальше. Ты ведь вместо матери у меня. Можно, я буду тебя матерью звать?..

Они вдвоем медленно пошли прочь от берега.

Нурхан была в раздумьях. Как помочь бедолаге? Сама она не вылезает из нужды, в ее домике нет не только отдельной комнаты для Вовы и его будущей жены, но даже отдельной кровати. Он все еще будет ютиться на лежанках с ее детьми. Если бы Саадул не продал дом своих родителей и не проел все деньги, было бы сейчас у парня пристанище. А теперь что? Сам он мало что может заработать, не прокормит даже себя, не то что семью. И с женитьбой мог бы повременить, так нет же, любовь у него! Что же делать? Чем помочь бедному мальчику? Этот Саадул, так называемый отец, совсем отвернулся от сына, только и знает, что в рот своей Пыжине заглядывать. Это он при Мадинат героем ходил – сыт и пьян, и грудь колесом... А теперь притих. О бедном сироте и не вспоминает, гад!..

Нужда гнет человека, сиротство гнет еще сильнее. Но человек выживает, снося все удары судьбы. А что делать, добровольно лишиться себя жизни он не может, да и права такого не имеет. Видно, грех на нем, за который надо расплачиваться. Пусть и не свой грех, а родительский, как у Вовы...

Так прошло полгода. Вова помогал семье, как мог, не роптал. С Нурхан вдвоем они долгими вечерами обдумывали, как дальше быть. Он все еще не расстался с мечтой жениться на своей возлюбленной Жанне. И однажды вечером он, казалось, нащупал какой-то просвет во всей этой безысходности.

– Нурхан, мне хорошо в твоём доме, и я благодарен тебе за доброту. Но так не может длиться вечно. Я не должен сидеть у тебя на шее, да и жениться мне надо, на Жанне жениться. А куда ее вести? К отцу, который меня на порог не пустит? Я вот что подумал. Может, меня бабушка примет, мать моей матери? Может и угол для меня найдется, куда жену привести? Как ты смотришь?

– Хорошо смотрию, мой мальчик, это ты хорошо решил. Ты мне

совсем не в тягость, знай, мы с тобой друг друга не потеряем. Но родня есть родня. Таков порядок, родные братья и то отделяются, чтобы своим домом жить... – Добрая женщина гладила сироту, подбадривая его и с болью в сердце вспоминая свое безрадостное детство.

Сиротство – оно всегда горькое, каким бы боком оно к тебе ни обочивалось. Когда умирает отец, меняется все – отношение людей, да и сама жизнь. Со смертью отца для Нурхан ушло все, что придавало ее жизни смысл. Мать снова вышла замуж, однако ее с собой не взяла, и девочка так и прожила, прислуживая тому, кто ее досыта накормит. Не потому ли она так сострадала бедному юноше, которому выпала такая же судьба, да еще при живом отце.

Они долго говорили тем вечером – о том, что роднее друг друга у них никого нет и, куда бы судьба ни направила Вову, он не должен терять связи с Нурхан, и будет сообщать обо всех переменах в своей жизни.

Ехать решили вместе. Оба никогда не были в тех местах, и отыскать дом родителей Вовиной матери оказалось не так-то легко. В пути обоих мучили сомнения: а вдруг не примут, вдруг там тоже укажут от ворот поворот? Дай бог, чтобы при живой матери признали, а тут – они его вообще не знают, не видели никогда, да и кому нужны бедные родственники?

Наконец, им указали дом. На зов вышла бабушка. Она знала, что у покойной дочери остался сын, и живет он где-то далеко. Но сейчас смотрела с недоумением на незнакомую женщину и парня. Тем не менее, она пригласила путников войти, и они с готовностью последовали за ней. А когда Нурхан рассказала, кто они, бабушка залилась слезами и кинулась обнимать Вову.

– Мой мальчик... впервые тебя вижу, ты – память о моей бедной дочери. Доехать до тебя у меня сил не было, а отвезти некому. Как ты родился, так я тебя и оплакиваю, и себя оплакиваю, что не могу внука увидеть. Теперь вот ты сам ко мне пришел, взрослый совсем. Радость-то какая мне привалила! Тебе спасибо, Нурхан, добрая душа, ты словно дочь мою воскресила сегодня да за ручку ее домой привела. Благослови тебя бог, спасибо! – не уставала повторять растроганная бабушка, и глаз при этом не сводила с Вовы, отыскивая в его лице черты своей дочери.

Нурхан была рада, и все же сомнения шевелились в ее душе: «Бабушка, конечно, рада всей душой, но вдруг есть в доме еще кто-то, кто вовсе не обрадуется новому нахлебнику? Если увижу что-то подобное, сразу же заберу его с собой». Не удержавшись, спросила напрямик:

– Ты одна живешь?

– Нет, с сыном, и сноха очень хорошая. Она давно знает мою боль, не тревожься, оставь со мной моего мальчика.

Вскоре вернулись сын с женой, бабушка познакомила всех. Успокоенная Нурхан пустилась в обратный путь, довольная увиденным и услышанным. На прощание взяла с Вовы слово, что он не забудет ее, а он обещал, что они будут часто встречаться и знать друг о друге все. Чувствовала ли она, что видит бедного мальчика в последний раз? И не потому ли оглядывалась все время и махала ему рукой.

Наконец, она исчезла из виду, и бабушка взяла вновь обретенного внука под руку и пошла с ним в дом. Привела его в комнату матери: теперь это было его место, откуда его никто не прогонит. Вова был счастлив.

А Нурхан оставляла его с тяжелым сердцем. Каково ему будет? Обретет ли наконец покой и счастье в жизни? И почему она так привязалась к этому чужому мальчику? Никогда бы его от себя не отпускала, но ведь не к чужим людям привезла, а к родне, ему здесь не должно быть худо. А у нее что – нищета беспросветная, чем она смогла бы ему помочь? А тут его определят как-то, может, работа найдется. В конце концов, здесь есть люди, которым он нужен, не то что его отцу-негодяю...

Время шло, от Вовы не было вестей. Значит, все у него хорошо, тешила себя Нурхан, иначе он бы сразу объявился. Да и пусть пока не объявляется. Ведь девушка его, Жанна, замуж вышла, родные и слышать не хотели о Вове – бездомный, безродный. Вдруг приедет и узнает – как же больно ему будет. И Нурхан сама к нему не ездила. Он непременно спросит про Жанну, а скрыть от него правду она не сможет.

А вскоре она узнала, что Вова женился. Вот и ладно, пусть счастлив будет, и ничего, что ей не сообщили, какие уж тут обиды. Вот поднакопит чуть денег, непременно съездит проведать.

Поехать она так и не успела. Услышала в пересудах, что жена Вове попалась пьющая и распутная, пропадала на несколько дней и заявлялась домой, как ни в чем не бывало. Отлеживалась, пока похмелье пройдет, и снова исчезала. Что тут скажешь, несчастный – он и есть несчастный. Кто его счастьем одарит, если родной отец ему дорогу перекрыл... Вскоре они разошлись, а Вова, долго не думая, нашел себе другую спутницу. Она была другой национальности, и у нее был сын. Тут родня взбунтовалась: «Где ты всех негожих находишь? Поищи себе достойную пару, а приводить в дом кого попало мы не позволим». Вова, как обычно, разобиделся: никому он не нужен, все только притворяются добренькими, на деле он всем надоед, никто его не слышит, не считается с его желаниями – и дальше в таком роде. Взял новую жену, ее сына и уехал на БАМ, куда уезжало в те годы много молодежи. Нурхан, конечно, встревожилось, но что делать, главное, что он жив и здоров, и не один уехал, а с семьей.

На БАМе дела у Вовы и вправду задались поначалу. Им дали се-

мейный барак, он начал получать неплохую зарплату. Вот теперь он считал себя вполне счастливым. Когда у него был свой собственный угол, свой заработок, на который он мог и семью прокормить? На радостях он любил в каждую получку приглашать к себе друзей и соседей по рабочему поселку – ведь это так по-мужски, и отец так делал! Отец... Постепенно Вова пристрастился к бутылке, а когда выпивал, на него наваливалась всей своей тяжестью горькая реальность: предательство отца, канувшие в безвестность брат и сестра, несчастная любовь, попреки родственников из-за куска хлеба...

Когда у супругов родилась дочь, жизнь, казалось, стала налаживаться. Сам лишенный отцовской ласки, Вова всю свою любовь и тепло отдавал ребенку. Всей душой он привязался и к сыну своей жены, считал его родным. И даже хвалился, что теперь он стал отцом сразу двоих детей. Жену он готов был носить на руках, освобождал от всякой работы, лишь бы она посвящала свое время детям.

В какой-то момент жена озаботилась тем, что дети и отец носят разные фамилии, и начала уговаривать его взять фамилию детей. Так адыгский мальчик Вова стал Владимиром Петровым.

Нурхан часто думала о нем, тревожилась из-за отсутствия вестей. Потом стала искать его, писала и родне его, и в места, где он теперь обитал. Поиски не принесли ничего, кроме новой тревоги: был бы жив – не пропал бы вот так, дал бы о себе весточку. Значит, что-то с ним случилось. На самом деле человека с прежними именем и фамилией просто уже не было.

С трудом проживала свою безрадостную жизнь и Мадинат. Ей хорошо платили, удалось в срок рассчитаться с долгами, после она решила остаться на той работе, чтобы накопить на дом. Дети подросли и радовали ее, так что, казалось, плохая страница жизни была перевернута. Но несчастья продолжали преследовать ее. Погиб в автоаварии сын, гордость и опора ее. За что же бог так жестоко наказывал ее?.. После этого жизнь потеряла бы всякий смысл, но приходилось держаться – ведь надо было ставить дочь на ноги...

Что делать человеку, если на нем словно проклятие вековое. Только вот за что – он и сам не знает. Не было в тех краях мусульманского кладбища, на родину везти тело сына – сил и возможностей нет. Да и кто бы ей помог. И Мадинат своими руками схоронила сына на христианском погосте на краю земли.

Это только кажется, что человек может вынести всё. На самом деле удары судьбы оставляют на нем кровоточащие раны, которые не каждый может пережить. Мадинат в конце концов сломилась – ее свалила неизлечимая болезнь. Ей бы теперь домой уехать, чтобы на родной земле проститься с жизнью, но как она бросит могилу сына? А если здесь помрет, то похоронят ее тоже на христианском кладбище. А са-

мое страшное – что будет с единственной дочерью? Девочка останется совсем одна на чужбине. Наконец Мадинат решила: надо возвращаться в Кабарду, пока силы есть.

Мать с дочерью приехали к Нурхан – больше у них никого не было. Первым делом спросила о Вове. Нурхан только руками развела – ничего о нем не известно, как в воду канул. У Саадула другая семья, и он слышать ничего не хочет о своих детях, тем более о бывшей жене.

После этого Мадинат прожила недолго. Закончились земные страдания бедной женщины. Пока она была жива, дочь несколько раз ходила к отцу. Наивная девочка надеялась, что сможет уговорить его вернуться. Но он ее даже на порог не пустил, даже накричал и прогнал.

Пришло время, когда дочь Мадинат и Саадула сосватали. Свадьба у сироты была очень скромной – матери уже не было, а отец и не подумал принять участие в судьбе дочери. Он прожил до старости. Возможно, ему уже самому нужна была поддержка дочери, но теперь она не хотела о нем слышать. Он был виной всех несчастий, случившихся с матерью, с братьями, с ней. Все они несли на себе тяжкий груз его греха, а уж он ответит за все на том свете...

Когда Саадул умер, дочери сообщили, но она отказалась идти на похороны: «У меня нет отца. Мой отец умер очень давно». Некоторые сельчане считали нужным соболезновать ей, но она упрямо твердила: «Это не мой отец. Для меня его давно нет в живых».

А Вове и сообщать было некуда, след его затерялся. Между тем жизнь его шла своим чередом, особо хвалиться было нечем. Ему все-таки не удалось расстаться с пагубной привычкой, он по-прежнему выпивал. Бывало, уходил в запой, а потом, когда уже сил не оставалось, прекращал и отлеживался. Как только приходил в себя, начинал снова. Иногда в минуты просветления он вспоминал о детях и вывозил их на рыбалку. В такие дни он был почти счастлив. Берега далекой реки напоминали ему родной Баксан, и он приходил сюда, как в родной дом. Он дышал и не мог насытиться влажным речным воздухом, невольно слезы наворачивались на глаза. Вова заново переживал все свои беды, все обиды возвращались с новой силой. Да и как иначе? Разве можно простить отца, из-за которого рухнула жизнь семьи? Он отказался от него, выбросил на улицу и других своих детей. И почему же нет в сердце Вовы ненависти к отцу, а только горечь. Почему он так нуждается в нем? Он наклонялся к воде, пытаясь скрыть слезы, и река их уносила и уносила, пока не наступало облегчение и временное очищение от тоски, что столько лет тяжелым пластом лежит на сердце и не дает ему дышать. Наплакавшись вволю, он возвращался к детям, они вместе чистили и жарили рыбу прямо на берегу, устраивали себе маленький праздник, а потом шли домой, держась за руки – адыг Владимир Петров и двое детей.

Нет, смена фамилии не сделала его русским, он оставался душой

там, в кабардинском селе. Он бы сорвался и уехал на родину, но кто его там ждет? Кому он нужен? Родному отцу, который отрекся от него? Есть только Нурхан, но жива ли она? А чего ожидать от чужих? Надломленная душа Вовы не давала ему покоя, и он заливал свое горе алкоголем. Конечно, в семье были постоянные ссоры, жена все время угрожала разводом. А что ей, она-то ничего не теряла. В любом случае она с детьми оставалась в бараке, а куда деваться Вове?

В конце концов, это случилось. Он расстался с женой и поселился в заброшенном бараке неподалеку. Казалось, оборвались последние нити, связывающие его с жизнью. По утрам он приходил на работу с опухшими красными глазами, вызывая жалость у окружающих. Женщины спрашивали, не заболел ли, хотя хорошо знали, что с ним. Мужчины судачили на свой лад: а кто не пьет? Все пьют, и они тоже, только жены их из-за этого из дому не гонят. А тут парнишка молодой совсем, да еще сирота, вот она и осмелела, сама-то, стерва, свободно теперь шляется... Вова старался не обращать внимания на такие пересуды – ведь это жена его, хоть и бывшая, мать его детей.

Так и прожил он целых тринадцать лет, до самой смерти, одиноким и заброшенным. Ни жене, ни детям не приходило в голову хоть раз приготовить ему горячую пищу, обстирать, досмотреть в болезни. То, чего так боялся Вова, – одиночество, все-таки настигло его и сопровождало до конца его дней. О кончине его в родном селе так и не узнали. Только у Нурхан о нем болело сердце все это время, и она несколько раз делала попытки его разыскать, просила детей писать в разные инстанции. Но все было бесполезно. Она корила себя, что отпустила его, своими руками отвела к бабушке. Надо было при себе держать сироту. Пусть самой приходилось выживать на крохах с детьми, он бы тоже с ними не пропал! А потом Нурхан вспоминала, как обрадовалась бабушка появлению внука, как сам он был счастлив, и уверяла себя: так было лучше для всех. Но где он теперь, что с ним стряслось? Был бы жив – непременно бы дал о себе знать... Так и не смирилась с этим Нурхан и до самой смерти считала себя виноватой.

Жаль, что она не дожидала до того дня, когда в село приехала дочь Вовы, чтобы разыскать родных отца. Но спрашивать было уже некого. И мало что сумела она узнать о его прошлой жизни. Кроме того, что был он самым несчастным человеком, от которого отказались все, и в первую очередь – родной отец.

Простится ли на том свете этому отцу все зло, что причинил он самым близким своим? Что разметал их по свету, что забытые могилы его сыновей поросли бурьяном на чужой земле, одна – на острове на краю земли, другая – на сибирском БАМе? Что никому на свете он не принес счастья, а только одни страдания? И что за его грехи расплачивались своей несчастной судьбой его дети? Кто знает... Всевышний ему судья.

Представляем нашим читателям подборку стихов из первой и – так уж получилось – последней книги Василия Школьного, вышедшей не так давно в нальчикском издательстве «Принт Центр». Мы хотим поблагодарить людей, усилиями которых это событие состоялось, – вдову поэта, Нику Школьную, и спонсора издания – друга и тренера по айкидо Евгения Парамонова.

Появление первой книги Поэта, так и не нашедшего своего читателя при жизни – недостаточная компенсация его безвременной потери, но это лучше, чем ничего. Классическая ясность мысли и тёмная готика, натурализм вагантов и чистота символистов первой волны, отстраненность русской философской лирики и подчёркнутая, жёсткая эмотивность средневековых ушкуйников, ещё много, много чего несут в себе строки Мастера – тем не менее, абсолютно узнаваемые, пропитанные индивидуальностью автора. Каждый его текст требует не только сложного и углублённого анализа. У Стругацких есть краткая характеристика одного из их литературных героев – «мальчик, с судьбой, достойной баллады». Таковы и произведения Василия Школьного. И мы не будем разбирать, оценивать их. Тексты его говорят сами за себя...

НЕПОБЕДИМЫЙ

Со странничьей котомкой за плечами,
В видавшем виды бархатном камзоле,
То чёрным лесом, то бескрайним полем,
Шагал он в никуда, и был печален.

А солнце равнодушными лучами
Палило шрамы, ратные мозоли,
И чистый меч, иззубренный до боли
В несчётных спорах с прочими мечами.

Он шёл, а сонмы женщин днём и ночью
Рожали сыновей для новых прочих
Мечей и тёмных дел... и в час урочный –

Он сгинул – не в тюрьме, не на престоле.
В истрёпанном, но бархатном камзоле.
В лесу бескрайнем... Или в чёрном поле.

ОХЛОС

Ночь в ключья раздирал звериный рёв –
Орала чернь, дорвавшись до свободы...
И вздрагивал кровавой кучей дров
Горящий замок, преклоняя своды

Перед последним рыцарем – а он,
Прижавшись к искорёженным воротам,
Швырял толпу, как раненый дракон,
Слабея, истекая смертным потом,

Оскаленный, в проломленной броне,
Он свято дорожил последним часом.
В размахе рук сметал он вся и всех
И на мече вертел визжащим мясом.

Последний... в рваном знамени плаща
Он навзничь пал, сжимая смерть в ладонях.
И вот толпа, рыча и вереща
Терзала замок стаею вороньей...

Вопя, ликуя, факелами жгла
Дотла, до тлена – всё, что сжечь под силу.
И грабила, хватала, волокла,
Валила, и топтала, и крушила.

На миг припрятав прирождённый страх,
Плясала на руинах благородства,
И бешенство смердело на устах,
И пеной поливало прах господский...

Младенцев поднимали на ножах
И об углы наотмашь головами,
И мозг, дрожащий болью на камнях,
Беснуясь, попирали башмаками.

И в винном погребке вознаградив сей труд –
С графини юной шёлк сорвавши белый,
Остервенело изливали блуд
В распятие рыдающего тела...

Качали, прославляя, жожаков,
Осанну изрыгая прорвой пасти –
И под полами холод топоров
Томил самих скорей вкусить от власти.

И ужаснулся, глядя, Сатана,
Пока Господь прикинулся ослеплым.
И серебристым саваном луна,
Скорбя, укрыла серый саван пепла...

Под утро, на костях поев-попив,
Кишащей муравьиною колонной,
Весёлым воем небо осквернив,
Ползла назад орда освобождённых.

На крепких шеях комьями земли
Глумливые, лоснящиеся рожи
Ухмылку победителей несли...
...Хвала тебе, хвала, великий Боже,

Что ты, тиран, скучающий в веках,
Не смог придумать ничего страшнее,
Чем буйство факела в руках у дурака,
Или мерцание меча в руках плебея!

Уходя от погони, я ушёл от награды.
Уходя от расплаты – я ушёл от себя.
На дорогу чужую листья падают градом,
О дороге забытой удивлённо скорбя.

Покрывается небо письменами созвездий
Обо мне там ни слова – я исчез без следа.
Но в крикливом наряде запоздалых возмездий
На дорогу чужую выбегает беда.

Суетливая, злая, бесконечно чужая,
Мне обидно с ней спорить, или что-то делить,

Но она неотвязна – страсти изображая,
Обещает за ласку – путеводную нить.

Подойдёт и обнимет, и неслыханной станет,
И в объятьях умелых спи хоть тысячу дней.
В них уютно и тошно, как в ночном ресторане,
Где вино с каждым часом всё мутней и скверней...

Опьянение духа... Простоватая шлюха
Воровато целует неприкаянность рук.
И скитается голос одиноко и глухо
Среди мёртвого эха неродившихся мук.

Я ушёл от расплаты в бесконечность утраты –
Непробитые латы виновато блещут...
В них кровавым отливом – не светло и не свято
Голосит хрипловато безголосый закат.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Грусть отчётлива и спокойна,
Как полночный огонь свеч.
И изысканность строк стройных
Есть в изгибах её плеч.

И печать, и печаль тайны
В перламутре её рук.
Взор засветится под вуалью
Молчаливой мольбой вдруг.

И тогда – опьянён, пленённый
Ароматом шелков мечты,
Брошусь к ней с неземным поклоном –
И объятия вновь пусты...

Ах, рассвет, ты сгубил скольких,
Мой неверный, мой злой друг?
Станет истина строк горьких
Вторить стону седых выюг.

Отблеск влаги в глазах строгих,
Пряди робко укрыли грудь –

Всё волшебный, как древние боги,
Сон, которого не вернуть.

ЧЁРНЫЙ ПЁС

Мой чёрный пёс – мечтательная тварь...
Подверженный припадкам наглой лени,
Он может в тишине, в уединеньи
Неделями дремать... Но вот, едва

Проснётся – жадно пьёт, грызёт сухарь
И – ловит хвост, захлёбываясь лаем.
Собой доволен, точно грешник раем...
Мой чёрный пёс – забавнейшая тварь.

А если слышен чей-то слабый крик –
На выручку стрелой метнётся вмиг,
Вонзят клыки... И, словно рыцарь встарь,

Спешит исчезнуть неприметной тенью,
Поскольку ненавидит восхваленья –
Мой чёрный пёс – воспитанная тварь.

ЗОВ

В навьих когтях чащи,
Средь голосов сов
Истовый и молящий
Долго звучал зов.

Ветви ломал в петли
Небо, томясь, грыз.
И в грозовом пепле
Тучей летел вниз.

Ливнем стегал поле
Вереска и воронья.
Поле чужой боли,
Где умирал я.

Где колыхал ветер
Мутную гарь,
Да горький смрад метил
Мёртвую тварь...

Насмерть рука сжала
Ржавую сталь –
Слышал я, как долетал он
В ближнюю даль.

Как среди трав сорных,
Пряча оскал,
Всадник в плаще чёрном
Деву ласкал.

Благословлял чрево,
И ускользал прочь.
Воином – от девы
Нетопырем – в ночь...

Месяц скользнул выше,
Сов оковал сон.
Ветер устал слышать
Древних ветвей стон.

Замер и зов молящий
Перед зарёй, когда
Пала с небес в чашу
Мёртвой слезой звезда.

ШЕСТВИЕ

Над кладбищами необъятными,
Над градищами изумлёнными –
Клубятся тучи предзакатные,
Плывут багровыми драконами.

Под месяцем недозатмившимся,
Под звёздами недогоревшими,
Неспешные, как после пиршества,
Кипящие, как будто бешенством.

Плывут они, неутомимые,
И хмурятся, неутолённые,
Над засухами и над зимами,
Над рубищами и коронами,

Над ворогами и над братьями,
Над вытянувшимися нитями,
Над хижиной безвестной матери,
Баюкающей победителя...

А где-то боги полусонные,
Смеясь, рассветом умываются.
А тучи шествуют драконами –
И, повинувшись, возвращаются.

ДЕКАБРЬ

Бродило небо мутной пеной
и опадало, нависая,
дожди выстраивали стены,
дорога ёжилась, босая.

А разбухающие тучи
стадами шастали по выси
и, богохульствуя беззвучно,
лениво жрали звёздный бисер.

Накрыли птиц седые пули,
метнулись птицы от погони,
ныряли в ветви и тонули
в бездонном хохоте вороньем.

Озёра смеживали очи,
леса выскрипывали стоны,
на мокрый мрамор серой ночи
луна косилась воспалённо.

ОРГИЯ

В потайном чулане вчерашнего дня,
воровато косясь на дверь,

сидели мы у стола, у огня,
под ногами бродил зверь.

Зло и неспешно вели речь
о чём-то и ком-то ещё,
пили вино под нимбами свеч,
сигаретам теряя счёт.

Умный и пряный хозяйский взор
укутывал, будто плед,
кто-то упрямо затеивал спор,
кто-то черкал сонет.

Зверь мурлыкал, ластился, льнул
на колени, поджав хвост,
зверя сажали, смеясь, на стул
говорили ему тост.

Кто-то к десятке тянул туза,
споры сменял рассказ,
вечер тенями лёг под глаза,
выплеснувшись из глаз.

Зверя дразнили, усы теребя,
зверь шипел и урчал,
кто-то обмолвился: «Вот бы – тебя...»
хозяин не отвечал.

Спичками шуток мелькала месть
всем потайным местам
и пьяный вопрос – «Для чего мы здесь?»
и смех – «А зачем мы там?».

Кто-то бокалом пролил страх,
пряча в зрачках нож.
Так сидели. Звучал Бах,
медленно шёл дождь.

И, воровато дверь приоткрыв,
кто-то скользнул назад,
кожей чувствуя, как нарыв,
долгий звериный взгляд.

Хозяин, провозвестив каламбур,
пряно и умно зевнул...
Зверь на обоях навёл маникюр
и убежал под стул...

Кто-то десятку тянул к тузу...
Баха сменял Бах...
Кто-то с похмелья пустил слезу...
его утешал враг...

Свечи трещали зло и морозно...
хозяин дремал... Что ж –
мы расходились. Было поздно
шёл задумчивый дождь.

СПЛИН

Ветер чёрен, ночь бездонна,
Лик усмешкою кривя,
Стынет лунная икона,
Фиолетово кровя.

Ослепившийся туманом
В нависающей тиши,
Затухает смутно-пьяный
Стон шагреновой души.

За лесной стеной, далёко,
Вьётся пламенем свирель.
Ветром выпиты до срока
Апельсины фонарей.

Чуя волю, ночь кочует,
И туман, беззвучно-сер,
Зло и дымно облюбует
Подоконники пещер.

От стекла не отнимая
Алебастровость лица –
Всё глядеть, глядеть до края
Лунным взглядом мертвеца.

В НАЧАЛЕ БЫЛО...

(Из цикла «Записки старика Борисыча»)

Я родился в Москве в 1950 году. Как сказал М. Анчаров, «дитя середины столетия...». А вообще мое появление на свет планировалось лет на десять раньше. Но тут – война... Моего будущего папу забрали на фронт прямо из аспирантуры Института языкознания и направили на самый что ни на есть Дальний Восток в такие части... И, можно сказать, прямо из-под венца.

В общем, из всех военных его документов нашёл я одну только бумажку о присвоении командиру некой части без названия Балкарову Б. Х. очередного воинского звания. А что за часть, чем она занималась? Некоторые соображения на род папиной военной деятельности возникают, когда сопоставляешь всё это с тем, что по специальности он был филолог. И, уже после демобилизации и моего появления на свет, в его речи нет-нет, да мелькали японские слова.

С моей будущей мамой тоже не всё было просто. Она работала инструктором в ЦК комсомола, и работа её была связана с постоянными засылками в тыл к немцам. И вот однажды её зимой так неудачно «выкинули» в Белоруссии, что пришлось почти сутки провести в снегу. Понятно, что если бы их группа себя обнаружила, меня бы вообще на свете не было.

Но когда они вернулись в Москву, ей пришлось обратиться к врачу, который категорически заявил, что детей у неё ну никак быть не может!

Папа же ничего об этом не знал и, как только вернулся в Москву, помчался к маме делать предложение. Точнее, он собирался подтвердить получение согласия, которое было дано ему мамой ещё до войны. И каково же было смятение его чувств, когда его отвергли, причем без объяснения причин.

Ну, не знаю, как я бы поступил на его месте, но наши терские кабардинцы отступать не привыкли. Папа дождался у подъезда маминого папы, сиречь моего деда, и сказал: «Мы вот тут с вашей дочерью решили пожениться. Вы не против?» Дед-то знал моего папу ещё до войны и откровенно ему симпатизировал.

– Конечно, конечно! – возрадовался дед и тут же выделил им комнату в своей двухкомнатной коммуналке в центре Москвы. Комната не блистала размерами, вмещая только кровать и трельяж, даже и не

трельяж, а шикарное примерочное зеркало, доставшееся деду с его театральных ещё времен.

Я в общем-то не верю в Бога. Но и к атеистам себя не причисляю. По-видимому, есть там наверху что-то не подвластное нашему пониманию. Иначе с чего бы, вопреки всем обстоятельствам и врачебным диагнозам, моя мама понесла. Врачи, насколько это можно было в те времена, определили, что плод здоровенький, крепенький и шустренький не по весу. Ну и кроме тщательного наблюдения, роженице был показан покой, обильные прогулки и немеряно положительных эмоций.

Следующие два сильно научных абзаца сочинил, разумеется, не я, но хочется блеснуть эрудицией. Тем более, по отношению к будущему самому себе.

Нынче же существует аж целая наука – перинатология, занимающаяся здоровьем плода еще до его рождения.

Так вот, эта самая перинатология гласит, что в процессе внутриутробного развития плод постоянно получает разные сообщения от матери. Кроме возможности слышать сердцебиение матери или музыки, при прикладывании к животу наушников плеера, плод также получает химические сигналы через плаценту.

Новое исследование, опубликованное в журнале Ассоциации психологических наук Psychological Science, показало, что плод может получать сигналы о психическом состоянии матери.

Мои родители и слов тогда таких не знали, но интуитивно...

Что касается прогулок, то тут всё было нормально. Мама ещё до войны увлекалась горным туризмом (собственно, в турлагере они с папой и познакомились со всеми вытекающими...), поэтому плод «гулял», что называется, «от пуза». С питанием тоже всё было в порядке благодаря кулинарным способностям деда. То есть плод был доволен есть то, что поставляла ему роженица.

А вот с положительными эмоциями... Понятно, что самые положительные эмоции порождает здоровый смех.

И вот в конце ноября для усугубления позитива мой папёнок ведёт мою будущую мамёнку в кинотеатр «Художественный», что на Арбатской площади. И ведёт он её на замечательную французскую комедию «Скандал в Клошмерле».

Много я бы дал, чтобы её посмотреть.

А сюжет был таков. В маленьком французском городке Клошмерле мэрия открывает общественный туалет. Вы представляете, как этот сюжет могли отнять французы в то время. Кто не представляет, постарайтесь найти и посмотреть хотя бы фильм «Не пойман – не вор» с молодым Фернанделем и столь же молодым Де Фюнесом. Так вот, «Скандал», по уверению моих родителей, был много круче!

Ну что... Идет сеанс на девять утра. Зал не просыхает от смеха. И тут!

В зале зажигается свет, за стенами кинотеатра слышится сирена, и в зал врываются...

Поймите правильно. Война закончилась пять лет тому назад, а холодная вот-вот собиралась начаться. Уж было чего пугаться.

Но в зал ворвались люди не в военной форме, а в белых халатах, и извлекли на носилках беременную женщину, которая то начинала сто-нать, то заходила в хохоте.

– Спокойно, – гаркнул один из санитаров. – Всё в порядке. У дамы роды начались! Вы что, никогда не рожали? Досматривайте кино спо-койно!

Нас троих – маму, папу и меня, рвущегося на волю, – перевезли через площадь в роддом, который и по сию пору открывает Новый Ар-бат. Вот там я и начал появляться на свет. А комедия, видать, была на-столько хороша, что я тоже, прорываясь наружу, смеялся так, что маме пришлось делать кесарево сечение.

Ну, не знаю, как всё это сработало, но и сейчас большинство моих знакомых считают меня человеком веселым, жизнерадостным и даже не лишённым чувства юмора.

ПИВО, ШАШЛЫК И АТОМНАЯ ФИЗИКА

А учили нас тогда не так. Пять лет и шесть дней в неделю, как с куста! День, когда были две пары, мы вообще считали выходным и за-вершали его употреблением пива с шашлыками или хинкали.

И даже в этом потогонном обучении лабораторные по атомной физике представляли собой нечто особенное. Так, одна работа могла длиться четыре часа. И самое гадство состояло в том, что нужно было сидеть у прибора и каждые двадцать минут считывать показания. И не просачкуешь.

Прибор соединялся со свинцовой «дурой» – таким цилиндром сантиметров 20 в диаметре и сантиметров 30 по высоте. В центре у этой «дуры» наличествовало отверстие, куда вставлялась тоже свин-цовая «дура», но меньшего диаметра – контейнер. А в углублении этой «дуры» и пребывал препарат – кусок радиоактивного цезия. Контейнер хранился в специальном свинцовом сейфе и переносился в прибор ме-тровыми щипцами.

Делали бригадами по двое. Тогда можно по очереди покурить, ну, прочее сделать. И вот, памятуя о том четырехчасовом «счастье», ко-торое нас ожидало, мы с Ленкой (Гансом) решили подзаправиться. Пошли в перерыв в нашу «стекляшку» и подзаправились шашлыком и пивом. И то и другое в те мифические времена было отменным, а полученная буквально на днях стипендия вполне позволяла оплатить

этакий маленький сабантуй. Всего было выпито и съедено в меру: ни о каком пьяном угаре и речи не шло. И настроение у нас было самым что ни на есть умиротворенным.

Ну что ж. Заряжаем прибор и приготавливаемся к свершению маленького научного подвига. И тут к нам подходит Татьяна и легким движением руки достает из прибора контейнер с препаратом. Так, мало того, она ничтоже сумняшеся заглядывает в этот контейнер, а потом поворачивает его к преподавателю и, невинно поблескивая голубыми глазками, спрашивает: «А это что за проволочка?» Дальше раздается грохот. Преподаватель валится под стол, пытаясь укрыться от радиации журналом. Кто-то говорил нам, что если эту проволочку поносить в кармане примерно сутки, то больничным такому отважному уж как бы и ни к чему будет!

Не буду приводить те слова, которые были сказаны нашей «любопытной Варваре», но контейнер был водружен на место, и никаких последствий не последовало (спасибо, я знаю, что такое тавтология). А мы с Гансом, наконец-то, начинаем эксперимент.

Работа, честно говоря, занудная. Пока сидели, все анекдоты пересказали, все истории вспомнили. Ну, ходим, перекуриваем по очереди – языки уже от табака как тёрки. Время от замера до замера ползет еле-еле. И тут мы обнаружили, что ящик лабораторного стола открыт.

Для настоящего ученого главное – что? Любопытство! Мы, разумеется, тотчас в этот ящик залезли. И ничего интересного в нем не обнаружили. Кроме... Таблетки были небольшими, круглыми, белыми и плотными. Это сразу навело кого-то из нас на мысль, что мы наткнулись на немеряные запасы сухого спирта. А в ту пору сухой спирт крайне ценился не только для проведения лабораторных экспериментов, но и как шикарное топливо в походах. Мы вытащили по одной таблетке, и тут кого-то из нас охватило сомнение – а спирт ли это? Дискуссия была жаркой. Причем в качестве важного довода служило пробивание этих таблеток на вкус. Но когда и после такой проверки мнения не совпали, решено было апеллировать к преподавателю. А тот, не отрывая головы от какого-то научного журнала, буркнул: «Да это радиоактивный препарат...»

Представляете, какое у нас было состояние, если каждый усосал уже по таблетке.

У Ганса ноги были длиннее моих, поэтому до туалета он добежал на секунду раньше. А потом мы с невыразимой скорбью следили, как вода смывает остатки такого, ах, какого шашлыка.

...А на следующей неделе тема лабораторной называлась «Подсчет количества кальция в костях человека методом сравнения с эталоном». В ответ же на вопрос об эталоне преподаватель открыл пресловутый ящик стола и раздал нам по одной таблетке. Экспериментальная установка вы-

глядела не так пафосно. На лицевой её панели имелась дырка для вкладки пальца экспериментатора и щель, куда следовало вложить вышеупомянутую таблетку. Ну, и отсчет вести всего-то два часа.

И каково же было наше удивление и разочарование, когда оказалось, что в этой «смертельной» таблетке – эталоне изотопа кальция, радиации оказалось меньше, чем у меня в мизинце!

Мы не стали Резерфордами, Капицами или Хокингами. Но как жалко было того шашлыка и того пива, вы просто не представляете!

КАК МЫ ИГРАЛИ В КВН

В те семидесятые в нашем городе регулярно проводился «матч века» – футбольная встреча между нальчикским «Спартакком» и «Спартакком» из Орджоникидзе. Нет, это конечно не чемпионат ФИФА, но накал страстей всегда был таким, что после четырех пополудни милиционеры на улице почти не встречались, а если и встречались, то двигавшиеся рысью в направлении стадиона. Туда же стекались и толпы болельщиков. Но надо отметить, что в эти дни и часы количество квартирных краж практически сходило на нет, ибо практически весь криминал тоже оказывался на трибунах стадиона...

Но я хочу рассказать не о футболе. Дело в том, что в этих же семидесятых у нас состоялся еще один «матч века», не имевший отношения к официально зарегистрированным Олимпийским комитетом видам командного спорта. Это был КВН! Университетский КВН, возродившийся после некоторого перерыва.

А почему же «матч века», спросит кто-нибудь из современной молодежи. Дело в том, что в ту пору у нас в университете были два самых, пожалуй, крупных факультета: физико-математический (Физмат) и историко-филологический (ИФФ). И вот между этими факультетами постоянно шла негласная борьба за то, кто из них более интеллектуален и, как сейчас говорят, креативен.

Что же касается студенческой среды, тут же вспоминается старый анекдот о том, как Осел и Мартышка поступали в университет. И вот когда после поступления они встретились, осел с гордостью промолвил: «Знаешь, Мартышка, я – самый умный парень на ИФФ!»

– Ну и что, – ответствовала Мартышка. – Зато я – самая красивая девушка на Физмате!

На самом деле всё было не столь категорично. И на ИФФ учились действительно умные и талантливые ребята. В особенности на литературном отделении. И достаточно многие из них переводились в Москву на литературу или журналистику (тем более специальности «журналистика» у нас не было).

Да и на Физмате была куча классных девочек, почему-то преимущественно математичек. Но мы, физики и математики, с удовольствием кадрили именно ИФФ-шных красоток, а вот их орлы относились к нашим девчонкам значительно более индифферентно. Боялись, что ли, их аналитических умов...

Однако, несмотря на в общем-то располагающее к нам отношение, филологини всё равно смотрели на нас несколько (самую малость) сверху вниз. Так, если наша физматовская компания проходила мимо ИФФ, то если филологинь было больше двух, они тотчас переходили на английский, французский или немецкий языки (а в ту пору их учили отнюдь не как сейчас, а много лучше) и позыркивали на нас этак, как капитан Кук на аборигенов. Ну, а мы, естественно, всячески демонстрировали, что «не все математики – сухари», а посему увлекались и театром, и литературой, и музыкой (преимущественно роком).

О, о тех временах, особенно в аспекте гендерных отношений, можно рассказывать много и вкусно, но тогда мы начисто уйдем от основной темы. Автор же надеется, что сказанное ранее позволит понять, почему КВН между ИФФ и Физматом стал небольшим (хотя по меркам нашего города не таким уж и небольшим) матчем века!

Автор, увы, не помнит, как называлась команда ИФФ, мы же были «Гренадерами Физмата». Название возникло после знакомства с песней «Марш гренадеров» Ю. Кима.

Сейчас, через полвека после описываемых событий, трудно вспомнить тех, кто был причастен к игре.

Дело в том, что команда – это не только те, кто на сцене. Например, наши девчонки-физматовки принимали очень малое участие в действиях непосредственно на сцене. Но они же внесли весомый вклад, склеив нам из бумаги гренадерские кивера и манишки мундиров, то есть придав команде вид. А еще нам почему-то благоволили девчонки из медучилища. У них даже была своя микрокоманда болельщиц, которая вполне уживалась с нашими физматовками. Но об их роли – позже!

Или вот – капитан болельщиков. В ту пору во встречах участвовали только две команды, а потому их болельщики рассаживались компактно. А капитану болельщиков надлежало управлять этой массой, командуя, когда свистеть соперникам, а когда запускать аплодисменты нашей команде.

Я даже не знаю, есть ли сейчас такие люди. Нашим капитаном болельщиков был очень авантажный Руслан Котов (Кот). И для пушей солидности наши девочки склеили ему дивный черный цилиндр. И вот, встанет Кот, махнет цилиндром слева направо – и болельщики «Гренадеров» одновременно вскакивают и начинают бешено аплодировать. А махнет цилиндром сверху вниз – и из наших рядов раздается такой свист... Соловью-разбойнику и не снилось.

Да, сейчас трудно вспомнить даже всех членов команды, которые выходили на сцену. Я вот перебирал свои старые фотографии. Их оказалось всего пять. И лишь на одной из них нас целых пятеро. Слева направо: Славик Шевлоков, Витя Лапотко, Толик Курашинов, Алик Березкин и ваш покорный слуга. Еще на одной фотографии просматривается Володя Книжник. А где он, там непременно и Женя Канапко. (Книжник и Принц – ключевые фигуры в моем рассказе «Как мы снимали кино»). На той же фотке запечатлен и Миша Дигилов. А на третьей имеет место быть запечатленным Гена Чернышев, правда в гриме. Ясно, что при такой скудости архивных материалов и склеротической памяти последовательно изложить ход событий не представляется возможным. Потому дальнейшее мое повествование будет скорее напоминать нарезку из памятных лично мне эпизодов.

Честно говоря, я не помню по именам всех ИФФ-шников, которые с нами сражались. Помню только замечательного Залима Мирзоева (ох, будь он капитаном, туго бы нам пришлось), Милослава Битокова (Литературный институт в Москве – на минуточку), Игоря Безбородова, Володю Альтфедера. Не-е, на бой выходили не «ополченцы», а вполне себе «рыцарчуки филологии и литературы».

Но вот что нужно упомянуть. «Тренером» нашей команды был уникальный человек Саша Поплавский, кандидат философских наук, хотя и заканчивал физику. Он был из старых еще КВН-овцев, образца шестидесятых годов. Тогдашний КВН породил целую плеяду ярких личностей. Недаром в нашем приветствии звучали слова:

*Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя,
И всяк из них блистал.
Вот Петросян, Унежев Витя
Такие делали открытия,
Что зал рукоплескал!*

Кстати, физико-математическая школа при КБГУ для одаренных детей носит теперь имя Петросяна Гургена Погосовича... Того самого! Не могу не упомянуть Сашу (Витаминыча) Позднякова. Великолепный педагог, который научил меня самого (и не только меня) понимать, как решать задачи по физике, а главное, как научить других не пугаться физики.

«Битва титанов» происходила в нашем драмтеатре, поскольку тогда достаточно большим залом Университет не располагал. Нормальный зал появился чуть-чуть позже, когда достроили новый корпус Физмата. Сам же драмтеатр находился на границе парка, в относительной близости от городской танцплощадки, и поэтому место сие не являлось островком спокойствия.

Соответственно, меры обеспечения спокойствия и безопасности го-

родскими властями были приняты чрезвычайные – три кольца милиции дотошно проверяли приглашения приглашенных и безжалостно отсекали остальной народ. Поэтому, когда дочка, забывшая приглашение дома, швырнула в нашу доблестную милицию кривым словом, она очень скоро оказалась в КПЗ. И папе её пришлось-таки приложить определенные усилия, дабы вызволить дитяtko из застенков и водворить в зал.

Но вернусь к приветствию.

На пустой сцене появлялся Гена Чернышев – личность абсолютно уникальная во всех отношениях. Светленький, невысокий, щупловатый и не с самым густым волосяным покровом на голове. Нет, рассказывать о Гене – это не просто отдельная тема, а повод для минимум рассказа. Ну а тут выходит такой щупленький на пустую сцену и начинает орать со слезой в голосе: «Дядя, дядя!» И выходит «дядя», весь из себя, в кивере (из бумаги) и ментике гусарском (тоже из бумаги – наши девочки постарались). Ну а дальше «племянник» плачется, как их обижают всякие филологи. И тут «дядя» дает команду, под которую на сцену строем выходит команда «Гренадеров Физмата». В киверах и ментиках из того же материала.

Ещё раз напоминаю, что во времена оны были ещё послабления и, например, песни Юлия Кима назывались именно его песнями, а не «песнями Ю. Михайлова», как в 80-е. И вот одна из песен цикла Кима о войне 1812 года – «Марш Гренадеров» – и стала нашей коронной песней. Она потребовал минимум переделок в тексте. Кроме того, команда поддержки умудрилась сделать достаточное количество плакатов, чтобы в конце приветствия наша сторона болельщиков орала: «И пусть повезет гренадерам – ИФФ с поля боя не уйти!»

Конкурс миниатюр... Тогда этот конкурс подразумевал сценку, в которой могли участвовать только двое. Наш сюжет строился на классике: Шерлок Холмс и доктор Ватсон. И так, на сцене Алик Березкин и Толик Курашинов (Шерлок Холмс) со скрипкой, на которой он играл, как Остап Бендер в шахматы – второй раз в жизни. Далее – диалог: «Ватсон, на вас сегодня дивные сиреневые кальсоны». Ватсон: «Холмс, но как?.. Ваш дедуктивный метод?» – «Да нет, просто вы забыли надеть брюки».

Честно, юмор был не самого высокого пошиба. Но зал ржал! Почему, спросите вы, и я отвечу. Холмс должен был играть на скрипке. Но насколько Курашинов шикарно владел бас-гитарой, настолько он был чужд скрипке. Поэтому под его пальцами (напоминаю, что диалог должен был вестись под «дивные» звуки скрипки) скрипка издавала такие звуки, что да, при достаточно извращенной фантазии их можно было бы назвать дивными. Зал уже не смотрел на подштанники Березкина – он упивался музыкой скрипки!

Кстати, о Курашинове. В принципе, личность тоже достаточно ле-

гендарная. Я вот подумал, что большинство тех, кто играл тогда в КВН с любой стороны, достойны отдельного описания. Но не будем растекаться мысью по древу.

Был тогда музыкальный конкурс. Суть его состояла в том, что каждая из команд должна была представить и исполнить песню. Ну, вокально-инструментальных ансамблей в ту пору в Университете было много.

То есть у наших-то вообще проблем не было – полсостава музыкантов. Да и репертуар у них был очень соответствующим – два часа могли петь на отечественных языках. Забегая вперед, скажу, что ансамблю «Лоренды» (так они назывались) профком пошил минимум два комплекта сценических костюмов. И классно они выглядели в жёлтых типа велюровых штанах из, судя по всему, списанных штор и красных бархатных курточках (из штор, списанных еще раньше).

Но в те времена проблемы были не со штанами, а с аппаратурой. Да, у «Лорендов» чего-то было. И даже работало. Физики всё-таки. Но на КВН сработал «визит-эффект». И когда они пели замечательную песню про нашу солнечную республику, у них загорелся усилитель. И что вы думаете? Лоренды восприняли это не просто индифферентно, а ещё как некий положительный спецэффект. И Толик терзал басы с совершенно вдохновенным лицом, а над дымами возвышался Слава (Граф) Успенский, заливаясь соловьем:

Полыхаю в угаре я, словно ветка в огне.

Кабардино-Балкария снится-грезится мне!

А вот конкурс «Домашнее задание» мы конкретно провалили. Причем так, что всё, что было выиграно в предыдущих «схватках», сошло на нет. Почему? Да, неважно.

Последним был конкурс капитанов. И в этом конкурсе мы их сделали конкретно. Как? Спросите у меня. Может, и расскажу, поскольку капитаном «Гренадеров» был я...

В общем, мы выиграли. Потом, кровью, а также напряжением последних мозговых извилин. Пусть с перевесом всего в одно очко. Но победа осталась за нами!

Ну а потом команда-победитель с наиболее ярыми своими поклонниками вышла на центральную площадь города: благо – близко. Мы надели наши бумажные кивера и наполнили выигранный кубок спиртом (девочки из медучилища постарались), выдавили туда десяток мандаринов и пустили чашу по кругу. Далее было решено построиться так, как мы входили на приветствие, и в таком виде с песнями пройти по главной улице до Университета.

Но когда колонна уже вышла на проезжую часть, впереди появился желто-синий мотоцикл с люлькой и блюстителем порядка в форме. На их лицах была написана готовность не пущать и всячески пресекать. И

вдруг из рации, установленной в коляске, донеслись какие-то квакающие звуки, в которых, впрочем, можно было разобрать слова «КВН», «Физмат» и «победители». Тогда их милицейский старшой подошел к нам и сказал: «Значит так. Я еду первым, чтобы вас кто не задавил. А вы строим за мной. И пойте громче!»

Вот так закончился наш «матч века», не столь, может быть, предствительный, как финал Лиги УЕФА, но оставшийся навсегда в каждом из нас.

СЕРИАЛ ДО МОСКВЫ

Однажды мы с младшей дочкой Анной решили поехать в Москву на автобусе. А что, автобус типа спальный, билеты копеечные, едет всего сутки – вечером из Нальчика, а утром уже на Черкизовском рынке. Место прибытия определяет и контингент: наши местные сельские дамы выше среднего возраста. Тётушки такие симпатичные, но с одним недостатком – разговаривают громко. Ну, это кавказская специфика. Везут шмотки, в основном из Турции в Москву на продажу. Что ж – бизнес, жить и на селе как-то надо.

Помимо спальных мест в салоне имеются два довольно приличных монитора, подключенных к видеоплейеру.

Ну что. Выехали мы по расписанию и, проехав Новочеркасск, вступили в сумерки, быстро переходящие в ночь.

Да, надо сказать, что автобус каждые три-четыре часа обязательно делал остановку у каких-то придорожных «центров», где были туалеты, кафешки и маленькие рынки. Там можно было пополнить запасы воды и еды, так что голодная смерть пассажирам в дороге никак не угрожала.

И вот после Новочеркасска уже в ночи, когда автобус тронулся, шофер включил видик. И зарядил в него сериал. То ли латиноамериканский, то ли турецкий. Отличались они только одеждой и языком, если были с субтитрами.

Э-э-э! Да что я вам про эти сериалы буду рассказывать. Кто постарше, их застал «живьем», а кто помладше – спросите у бабушек. Одно то, что и сейчас какая-то передача на ТВ называется «Фазенда», уже говорит о месте этого вида искусства в сердцах и душах россиян, причем в основном в сердцах вот таких тетушек-пассажинок.

Итак, автобус мчит сквозь ночь, а на экране бедный герой наконец-то достигает героини, и вот-вот там вспыхнет любовь страстная. В то же время богатый злодей, которому героиня приходится то ли рабыней, то ли племянницей, но, кстати, может быть и дочерью, что, как правило, выясняется в самом конце, когда злодей, которому уже отмщено

за все его злодеяния, находится при смерти. Он раскаивается и тут же завещает все свои богатства героине и её герою. Иногда после столь доброго дела болезнь у злодея чудным образом рассасывается сама по себе. Но не будем забегать вперед – нам ещё ехать и ехать.

А пока герой только подбирается к героине, злодей злодействует, мы же с дочкой устраиваемся на предмет поспать. Всё замечательно, но немного мешает выражение чувств зрительниц в особо острых местах. Так, в какой-то момент, когда герой знакомится со злодеем (а злодей, разумеется, прикидывается «шелковым и пушистым», надеясь отнять по-родственному у наивного героя его наследство), одна из тетушек не выдерживает и почти кричит в экран: «Не водись с ним, он плохой!»

Очередная остановка в районе Ростова. Наши водители идут в кафешку съесть горяченького борща. А когда они возвращаются, насытившись, в благодушном настроении, и автобус, как бы восприняв это их настроение, сытно фыркает, отъезжая, один из наших драйверов говорит: «Ну, вы же устали. Выключить видик?»

И практически весь автобус хором ему ответил: «Мы тебе выключим!» И только одна тетушка, которая, видимо, соснула до остановки, вдруг проснулась и начала громко допытываться у попутчиц: «Э! Он её уже изнасиловал?» На что попутчицы ответили, что насилие произойдет в предстоящей серии.

– А, ну тогда хорошо, – успокоилась тетушка и, судя по всему, снова заснула.

Ну и, наконец, мы прибываем в «порт назначения», на Черкизовский рынок. Мы с дочкой уже готовы ступить на твердую землю и ждем спада давки остальных пассажиров. Ан нет! Тут надо заметить, что водилы подбирают сериалы так, что они заканчивались по прибытии в пункт назначения. А наш, видимо, слегка просчитался. Уже всё, конечная остановка, а сериал еще продолжается. И когда водитель доложил тетушкам, что они уже на «месте сброса» и можно выходить и приступать к их бизнесу, автобус как будто взорвался.

– Нэт! – выступили тетушки единым хором. – Пока не досмотрим, наружу – ни ногой! Давай продолжай!

И сериал продолжился.

Из автобуса вышли только мы с Анечкой и, идя вдоль него по улице, наблюдали через стекла салона, как тетушки, забыв о своих клетчатых сумках-бегемотах с товаром, глядя на экраны, обсуждают наклеивающуюся неотвратимую свадьбу героя и героини и возмездие проклятому злодею.

ДВОЕ В МАСКАХ

Повесть

Учеба в школе МВД была успешно завершена, и Алексей вернулся в родной городок Нальмес с самыми радужными планами. И вскоре он уже стал внештатным сотрудником МВД, параллельно устроился во вневедомственную охрану и исправно работал сутки через трое. Жили они в двухкомнатной квартире вдвоем с бабушкой Марией Ивановной, которую по детской привычке внук величал Бибой. Жилище довольно скромное, зато вид из окон открывался красивый. Чем выше этаж, тем лучше обзор. Шум транспорта не мешает, и пыль со всяким комарьем не доходит. Балкон выходил на проспект с буйной растительностью – деревьями, которые не кромсали ежегодной обрезкой, ароматными цветами на газонах. Дальше за улицей взгляду открывалась извилистая речка, по обоим берегам ее – кудрявая ольховая поросль.

Всю эту картину дополняло пение птиц, обосновавшихся в кроне деревьев. А там, вдали, были видны заснеженные вершины гор. Если они не закрыты облаками – быть хорошей погоде. Если же спрятались – жди ненастья.

Огромный парк простирается едва ли не на полгорода. За внешней безмятежностью зеленого массива не угадать, какая жизнь кипит под его кронами. Но человек сведущий знает, что парк никогда не пустеет, даже поздним вечером. Где-то в центре его весело журчит фонтан, излюбленное место встречи горожан. В полудне ходьбы по боковой аллее открываются взору озера – три озера одно за другим. А там уже и до зоопарка недалеко, о близости его извещает негромкий рык хищных обитателей. За невысокими оградами можно увидеть оленей и даже жирафов. И в самом парке для детей раздолье – всякие качели, аттракционы, детские железные дороги.

Всю эту картину, скрытую от глаз, представлял себе Алексей, стоя на своем балконе. Город Нальмес не очень большой, хотя и густонаселенный, численность жителей – около двухсот тысяч человек. Каждая улочка его знакома ему с детства.

После возвращения домой он довольно быстро освоился в подзабытых буднях. И работу, считал он, нашел по душе. Настолько по

душе, что нес свою службу, не зная устали. Биба, бывало, ворчала:

– Что ж так долго-то? Работаешь допоздна, а человеку негоже выбиваться из сил, надо бы поберечь себя.

С коллегами подружился быстро, вскоре они стали его второй семьей. Вместе работали, вместе отдыхали – то на рыбалку выберутся с друзьями, то в поле на стрельбы. Как адыги говорят, один уронит – другой подхватит, так и жили-дружили.

Особенно сдружился он с Володей. Они работали в одну смену, и службу свою, надо отметить, несли исправно. А в свободные дни успевали отдохнуть на полную катушку. У парней были общие интересы. Оба любили кататься на лыжах и часто выезжали в горы. Летом это случилось реже, все больше на велосипедах по парку да вокруг озер. Случалось и в походы выходить в горы с рюкзаками за спиной. Чего стоили ночевки в палатках, веселые посиделки у костра! А в городе вечерами любили кино, театр. И даже в цирк, если привозили шапито, могли пойти, вспомнить детство. Да и то, детство было не такое уж далекое, ребята были еще молоды, веселы и счастливы.

Мастер на все руки, Алексей мог и на стройке подзаработать, кому-то ремонт сделать, кому-то фундамент заложить, окна вставить, сантехнику заменить – никакой работы не чурался. А там и Володя подключился, вместе людям помогали, да и лишняя копейка не повредит. И так вот они все время вместе были, их имена даже называли не по отдельности, а рядом – Алексей-Володя.

Надо ли говорить, что и в отпуск друзья собрались вместе. Купили путевки в Крым, город Судак. Самолетом до Симферополя, потом автобусом до Феодосии. За поселками Орджоникидзе и Щebetовка начинались горы. Дорога змеилась, с одной стороны крутая скала, с другой – обрыв. Трасса настолько извилистая, что, казалось, две машины не разъедутся. Курортный городок Судак находился прямо в изножье горы, неподалеку от моря. В турбюро ребят просветили насчет шикарного климата в этой местности: редкие дожди, теплое чистое море, горячий песочек. Так и оказалось. Каково было целыми днями загорать на песчаном пляже, наблюдая за белоснежными теплоходами с нарядными отдыхающими на палубах, а вечерами смотреть на лунную дорожку на глади моря. И луна здесь казалась необычной, огромной, казалось, руку протяни – и дотянешься. В течение отпуска отдыхающие успели несколько раз съездить на экскурсии по Крыму, в ближние города Алушту, Гурзуф, Алупку. В группе было много иностранцев. Ребята обрели новых друзей, особенно быстро нашли общий язык с китайцем Чэном и его семьей.

Вечерами жизнь на побережье кипела не меньше, чем днем. На базе регулярно устраивались концерты, игры и состязания... Они возвращались после насыщенного дня в гостиницу, и как же сладко было спать под мерный шум моря, вдыхая свежий бриз полной грудью.

Время пролетело быстро. В обратный путь на этот раз отправились по более легкому автобусному маршруту – Судак – Алушта – Симферополь. Из аэропорта вылетели без задержек, и вот они уже в Нальмесе. Через неделю выходить на работу.

Служба Алексею нравилась, однако маленькая зарплата постоянно заставляла думать о подработке. Не век же сидеть на голом окладе и нет-нет да оглядываться на бабулину пенсию. И как-то под настроение зацепила слух реклама по телевизору. Требовались охранники в компанию, обещали достойную оплату. Алексей тут же запомнил адрес и телефон.

Недолго думая, утром набрал номер, и его пригласили в офис на собеседование.

Условия предлагались вполне приемлемые. Наталья Николаевна, молодая женщина, владела гостиницей, кафе и рестораном в многоэтажке. Кроме того, у нее был большой особняк с участком, который и должен был охранять Алексей. Заключение договора, и он приступил к работе. Со службой в МВД пришлось расстаться, но посменную работу в охранном агентстве он решил пока сохранить.

О переменах в жизни Алексей поначалу не говорил бабушке. Но долго ли утаишь такое – вездесущая Биба все прознала. Ругаться, правда, не стала, напротив, обрадовалась. Только пожурила внука:

– Впредь не скрывай от меня ничего. Я ж разве не пойму, могу только поддержать, присоветовать чего-нибудь. Я же всегда на твоей стороне, запомни.

Охранники сменялись по утрам. До пересменки Наталья Николаевна делала обход хозяйства, смотрела, все ли в порядке и не нужно ли чего. Еду для охраны оставляла в холодильнике, только разогреть. Но Алексей всегда приносил еду с собой – разве бабуля выпустит без этого? Ни за что!

Участок был обнесен высокой оградой, двор выложен красивым мозаичным камнем. Массивные ворота с отдельно встроенной калиткой надежно оберегали усадьбу от посторонних глаз. Дом построен со вкусом. Высокий цоколь, гранитные ступени с литыми перилами, нарядный козырек от дождя и снега – все говорило о благополучии владельца.

Алексей не ограничивал себя обязанностями охранника. Да и то, что толку в безделии, если есть чем руки занять. То за садом присмотрит, то цветы польет, или во дворе порядок наведет. И делал он это вовсе не потому, что выслуживался или хотел понравиться хозяевам – нет, просто он не умел сидеть без дела. Другие охранники не заморачивались лишними хлопотами – ведь им за это не доплачивали. Все это, конечно же, не ускользало от цепкого глаза хозяйки.

Как-то в смену Алексея кран на кухне дал течь, и Наталья Николаевна попросила его вызвать сантехника. Сама собиралась на работу. Алексей глянул – дело пустяковое, надо сменить прокладку в вентиле.

– Можете немного задержаться? Я быстро, – сказал он и помчался в ближний магазин, нашел нужную деталь и устранил течь в считанные минуты. А когда женщина спросила, сколько она ему должна, он развел руками: нисколько, это маленькая услуга.

Она поблагодарила его, а когда пришел день зарплаты, он обнаружил не без удовольствия прибавку к жалованью. Так повелось, что он не просто охранял дом, но и отвечал за порядок в хозяйстве. Вот прошел ливень, приоткрытое окно распахнулось под ветром, и стекло разлетелось вдребезги. Не говоря ни слова, Алексей замерил раму, купил стекло и вставил. Наталья ценила его рвение и заметно выделяла его среди других работников. Как-то обронила даже: «Как повезло вашей жене. Наверное, легко ей живется с таким мужем». Алексей ничего не ответил на эту женскую уловку, словно не слышал.

...Увы, не бывает все время хорошо. Какая-нибудь гадость должна нарушить привычный ход вещей. Не зря же говорят: невезучего и на верблюде собака тяпнет. А собака была в том, что хозяйка обнаружила пропажу денег. Случилось это как раз в суточное дежурство Алексея. Никого больше не было в усадьбе. И кого винить?

– Давай обойдемся без суда, просто верни деньги и увольняйся, – заявила она прямо.

– Я верну деньги, хотя и не брал их, – сказал Алексей. – Только не увольняйте меня. Я должен найти вора, это моя работа. Вы думаете, я тут во дворе и в доме что-то делал лишь затем, чтобы проникнуть в дом и обокрасть вас? Ошибаетесь. Человек в здравом уме не станет воровать там, куда только что устроился.

– Хорошо. Что будем делать?

– Соберите весь персонал и объявите: «Сегодня буду говорить о поведении Алексея. Он пришел к нам недавно, мы ему поверили, доверили все делать по дому, а он меня обокрал. Я не буду пока обращаться в суд. И увольнять пока не буду. Пусть работает и возвращает деньги. А мы присмотрим за ним. Попадется еще раз – я не просто уволю его, а отправлю за решетку».

На том и порешили. Теперь Алексей должен был подключить все свое умение и интуицию, чтобы разобраться в случившемся. А ведь он еще обещал вернуть украденные кем-то деньги. Где их взять? Как Бибе сказать об этом? И поймет ли она? Может, есть у нее сбережения на черный день, попросить у нее займы, или искать другой выход... В общем, было о чем призадуматься. Ходил, как в воду опущенный, и работа уже была не в радость. Долго ли он так протянет? Распла-

титься бы поскорее да уволиться, у него ведь и другая работа есть...

Наталья по-своему переживала эту непростую ситуацию. Дождавшись очередной смены Алексея, она неожиданно оказалась у дверей его квартиры. На настойчивые звонки дверь открыла пожилая женщина:

– Здравствуйте. Кого-то ищете?

– Видите ли... Алексей работает у меня. Я хотела бы поговорить с его женой.

– Ну что ж, заходите, познакомимся, поговорим.

Напрасно гостя отнекивалась, что у нее мало времени, может зайти позже, если невестки сейчас дома нет, – бабушка была непреклонна. Пришлось зайти. Хозяйка тут же включила чайник, поставила на стол сладости.

– Меня внук Бибой зовет, – говорила она между делом, – а для вас – Мария Ивановна. Алексей рано потерял родителей, я его вырастила. В садик водила, потом в школу провожала, после школы – на учебу в другой город. Отец его погиб на войне. В первые же дни в Брестской крепости голову сложил... А мать через год замуж вышла и уехала, ребенка мне на руки скинула. Ну, считай, что не было матери вовсе. Слава Богу, хлопот с ним не было, Алешка всегда был послушным, добрым мальчиком. Думаю, я воспитала его правильно, он у меня правильный, честный парень, никакой работы не боится. В нем вся жизнь моя, так-то... Он еще в садик ходил, когда стал спрашивать, где его отец. А уж когда мать ушла – и вовсе тяжело стало... – У женщины выступили слезы на глазах. – Бывало, встанет у забора в садике и кричит вслед проходящим женщинам, маму зовет... И все допытывался, почему у всех есть родители, а у него нет. Так сиротой и вырос мой Алешенька. Собирался жениться, да не сложилось. Была у него девушка, Ларисой звали, собирались после его возвращения с учебы пожениться, даже заявление подавали в ЗАГС. Да она себе другого нашла и замуж выскочила. С тех пор он и слышать о женитьбе не хочет. Думает, что все женщины такие, как эта Лариска... Что это я все о себе да о нас. Расскажите о себе лучше.

– Я тоже сиротой росла, как и Алексей, – отозвалась Наталья. – Мой отец тоже в Отечественную погиб. И мать рано умерла. Так что меня тоже бабушка воспитала. – Наталья улыбнулась и замолчала ненадолго, видно, удивляясь схожести судеб. – Выучилась, финансовый институт окончила, работаю, можно сказать, по специальности. Была замужем, да муж попался пьющий и гулящий... пропащий, одним словом. Развелась и живу одна...

Она не стала долго засиживаться, сослалась на занятость и распорочалась с гостеприимной хозяйкой. На прощание сказала:

– Я все увидела и поняла про вас и Алексея. Вы замечательная ба-

бушка. Всем бы таких бабушек. Больше было бы настоящих, воспитанных людей на свете. Живите долго и будьте здоровы! Надеюсь, в ваш дом войдет достойная невестка. Одна просьба: не говорите Алексею, что я приходила...

Попытки поймать настоящего вора не дали результатов. Алексей тем временем ломал голову: где взять деньги, чтобы расплатиться с хозяйкой по чужому долгу? Настал день зарплаты. Он видел, что сослуживцы потянулись к кассе компании, но сам не спешил: с какой совестью он будет брать деньги, если на нем висит этот проклятый долг? Через несколько дней Наталья Николаевна изучала ведомости и обнаружила, что Алексей не получил зарплату. Тут же вызвала его и потребовала объяснений.

– Должны же удержать за «украденное», – грустно усмехнулся он.

– Кто украл, с того и удержим, – отрезала Наталья Николаевна, заставила его расписаться в ведомости и получить зарплату.

У Алексея уже были идеи, как вычислить возможного вора. Пришел к Наталье и предложил: пусть она сделает метки на купюрах и положит в условленном месте. Каждый раз перед выходом Алексея на смену она будет проверять, на месте ли деньги. Если вдруг их не окажется, тут же позовет двух понятых и дождется его прихода. Так и сделали. Оба проверяли деньги каждый день, но пока все было тихо. Около месяца прошло, когда Наталья обнаружила пропажу. Как и было сказано, она тут же позвала понятых, которые были предупреждены заранее. Тут и Алексей подошел. Задержали охранника, который должен был смениться, и обыскали. Меченые деньги были при нем. Как полагается, составили акт и заставили вора поставить подпись. Обязали в течение десяти дней вернуть украденную ранее сумму. Работать в компании он, понятное дело, больше не мог.

Остались позади недомолвки, Алексей теперь успокоился и продолжал исправно нести службу, а Наталья стала относиться к нему еще внимательнее и теплее, чем раньше. Видно, и вину чувствовала за несправедливые подозрения. Советовалась с ним по всякому поводу, и заметно было, что она старается завоевать его расположение. Нельзя сказать, что и самому Алексею это не льстило. Наталья красивая молодая женщина, и разница в возрасте у них незначительная. Алексей даже выглядит старше нее.

О встрече бабушки с Натальей он не ведал ни сном ни духом, обе женщины, как обещались друг другу, так и хранили тайну.

Двое людей, познавших разочарование в жизни, невольно стали тянуться друг к другу. Его смущало, что она подняла ему оклад, теперь он зарабатывал больше других коллег. А когда в день рождения Наталья преподнесла ему подарок – красивую рубашку и галстук, он наотрез отказался брать. Но она настаивала, да и друзья стали уговаривать.

В следующую смену он пришел в новой рубашке с галстуком. Наталья, конечно же, заметила это и не смогла скрыть радостной улыбки.

Они все больше привязывались друг к другу, хотя ни один не мог сделать первый шаг. Но разве скроешь свои чувства от окружающих, если оба так и светились от счастья при встрече. Сослуживцы уже в открытую говорили ему: зачем теряться, женись на Наталье, лучшей пары тебе не найти!

– Да ну вас, так она и вышла за меня, – отмахивался он с напускным равнодушием.

А тут еще и бабушка начала:

– Леша, я же вижу, что тебе нравится твоя начальница. Взял бы да посватался!

Но внук замыкался в себе и не желал ничего слышать. Мария Ивановна решила пойти на хитрость: может, встретиться с Натальей да объяснить ей все напрямик? Но как она к ней подступится, что скажет? А вдруг он ей безразличен? Вдруг откажет, а еще хуже – на смех поднимет? Может, есть у нее кто-то, кого она любит?.. Да что гадать, время покажет, – решила она и отказалась от своей затеи. И Алексея не стала больше донимать с женитьбой – зачем тревожить его лишний раз. Парень почувствовал, что бабушка сменила тон и избегала разговоров на скользкую тему, и в душе усмехался по-доброму: вечно Биба со своими тактиками. А про себя решил: нет у него в любви счастья, значит, и думать не о чем.

...В один из вечеров в ресторан Натальи Николаевны заявилились два странных субъекта. Молодые мужчины были одеты необычно – во фраках, цилиндрах, в остроносых туфлях на толстых каблуках. В руке у каждого была трость, инкрустированная, может, не золотом и серебром, но чем-то блестящим, с рукоятью в виде змеиной головы. А главное, лица у них были спрятаны за черными масками в пол-лица. Персонал удивился, но принял их за дорогих гостей. Администратор вежливо пригласила их за стол в почетном углу. Все посетители и официанты смотрели на пришельцев, разинув рты.

Мужчины сделали заказ: бутылку коньяка и минералку в стекле, красную икру, мясное блюдо на двоих, лимоны и фруктовое ассорти. Они явно не тропились. С удовольствием слушали музыкантов, заказывали понравившиеся номера и не скупались на чаевые. Отдыхали, одним словом. Сидели долго, до самого закрытия.

О необычных гостях рассказали Наталье, но та махнула рукой: приезжие, наверное. Но гости зачастили в ресторан, и выглядели они так же странно, как в первый раз. И неизменно появлялись в масках. Сотрудники шептались и гадали. Кто-то говорил, что есть у чужаков

какой-то недобрый умысел. Кто-то предположил, что они вынюхивают что-то, и много чего еще говорили. Но никто не мог выяснить, что это за люди и откуда они взялись.

Даже в те вечера, когда в ресторане проходили торжества, они все равно приходили. Наталья Николаевна стала нервничать. Мало ли что у них на уме. Что они тут вынюхивают? Что задумали?

Своими подозрениями Наталья поделилась с Алексеем. Что за странные незнакомцы стали завсегдатаями в ее заведении, что им нужно здесь? Почему всегда в черных масках? А их наряды – прямо маскарад какой-то.

– Может, артисты? – предположил Алексей. – Или притворяются артистами.

– Нет, точно не артисты.

– Пойдите, они как-то... обижают вас или ваших сотрудников? Выспрашивают что-нибудь?

– Нет вроде, нормально себя ведут, и лишних вопросов не задают.

– Тогда не определяйтесь пока, не показывайте явного интереса, – сказал Алексей после минутного раздумья. – Время покажет.

Наталье казалось, что ее преследуют. Где бы она ни появилась – они тут как тут. Даже на концерте столичной эстрады их заметила. Как тут было не насторожиться? Женщина нервничала, бояться начала. Даже к цыганке ходила погадать по ладони и на картах. Та ее успокоила:

– Ничего плохого не вижу. Никто тебе зла не желает. Все, что тебя тревожит, разрешится самым лучшим образом.

У Натальи немного отлегло от сердца. Алексею рассказывала несколько раз о своих страхах, о том, что они будто ходят за ней по пятам. Но он все уклонялся от ответа:

– Не надо так нервничать, это вредно для сердца.

Не такого ответа ждала женщина. Ей хотелось, чтобы Алексей хотя бы обеспокоился, или ревновал ее, но он упорно хотел казаться равнодушным. Наталья тем временем бесилась еще больше.

Как-то утром Алексей собирался сдать смену. Вышла Наталья, протянула ему деньги и попросила купить для нее два билета в кино на хорошие места. Назвала дату – это была смена Алексея. Ему это не понравилось, и пришлось солгать, что на этот день билетов не нашел, поэтому купил на другой. Вернул ей деньги, правда, разменял, чтобы она не догадалась, что билеты куплены на его деньги.

К назначенному времени она с подругой Елизаветой отправилась в кино. Наталья выглядела роскошно: стильная прическа, кокетливая шляпка с вуалью, ажурные перчатки. Все оглядывались на двух красивых женщин. В кинотеатр зашли не сразу, посидели на скамейке, пока не поредела толпа зрителей. И в зал не торопились заходить, задержались в фойе. Тут Елизавета заметила тех самых странных незнакомцев в масках.

– Они что, преследуют нас? Вот увидишь, они сядут на наш ряд, – подмигнула она подруге.

– Если вообще не рядом, – тихо ответила Наталья.

Ее опасения подтвердились. Молодые люди, похоже, дожидались, пока фойе опустеет. А потом в кинозале она увидела, что мужчины в черных масках пробираются по их ряду, а рядом как раз два свободных места. Подруги переглянулись и невольно рассмеялись. Нет, столько совпадений не бывает.

Впрочем, сеанс прошел спокойно, без приключений. Облегченно выдохнув, женщины вышли на улицу, и тут их ждал еще один сюрприз. Напротив выхода остановилась нарядная тачанка, запряженная двойкой холеных лошадей. Охранник Натальи собирался подойти и договориться с возницей, чтобы довез женщин до дома. Но его опередили двое в масках, сели в тачанку – и были таковы. Охранник остался с разинутым ртом. Всю дорогу только и было разговоров, что о двух незнакомцах и тачанке.

На второй день, явившись на службу, Алексей первым делом спросил, как они сходили в кино.

– Да что кино! – возбужденно начала рассказывать Наталья. – Так такое происходило!

– А что такое?

– Представь, эти двое в масках снова оказались рядом. То есть совсем рядом, сидели на соседних местах.

– Ну и что? – пожал плечами Алексей. – Такое случается.

Наталья насупилась. Равнодушие парня все больше бесило и обижало ее.

После того вечера в кино незнакомцы пропали, их долго не было видно, о них даже стали забывать. У сотрудников была другая забота – близился день рождения Натальи Николаевны. Персонал ресторана волновался, обсуждалось меню, количество гостей, подарки. Свои надежды на этот вечер питал и Володя, друг Алексея.

И вот, наконец, этот день настал, все было идеально готово к торжеству. Гости пришли без опозданий. Быть распорядителем Наталья поручила своей подруге Елизавете.

– Ну что, можно начинать, все уже в сборе, – доложила Елизавета.

– Как это – все в сборе? – недовольно подняла брови Наталья. – А где Алексей? Давай еще подождем.

Прошло еще некоторое время, она уже махнула рукой, чтобы начинали. В этот момент в зал зашли те самые молодые люди в черных масках, неся огромную корзину с цветами. Именинницу повело от возмущения, и она тут же выговорила охране: зачем их пропустили? Те развели руками: как не пустить, если у них приглашительные?

Незваные гости сели рядом в конце стола. Елизавета Федоровна

открыла вечер, поздравила виновницу торжества и начала по очереди давать слово гостям. В какой-то момент она обратилась к загадочным незнакомцам и попросила произнести тост, заодно и представиться. Один из них поднялся с места, снял маску, сказал, что его зовут Владимир, и тепло позддравил именинницу. Когда он сел, слово дали его спутнику.

Молодой человек встал и, слегка помешкав, начал:

– Наталья Николаевна, вы потрясающая женщина, умная и красивая, вы большой профессионал в своем деле, и потому пользуетесь огромным авторитетом. Вы выстроили свою жизнь всем на зависть. Пусть все у вас идет по нарастающей. Вы пока свободны, я знаю, и желаю вам встретить достойного вас мужчину, с которым вы проживете долгую жизнь в любви и полном взаимопонимании. А теперь позвольте вручить вам скромный подарок.

Под аплодисменты гостей он направился к женщине, но она предупредительно выставила руку вперед:

– Я от незнакомых подарки не принимаю, и вообще стараюсь не общаться с людьми, о которых ничего не знаю!

– Так и я не стал бы делать подарок женщине, которую не знаю и не люблю.

Дальше произошло немыслимое. Незнакомец снял маску. В зале все ахнули от удивления, повскакивали с мест и захлопали. Это был Алексей. Он подошел к опешившей женщине и надел ей на шею красивое ожерелье. Она по-прежнему была в шоке, но когда Алексей вконец осмелел и обнял ее, она с готовностью прильнула к его груди.

Вечер удался на славу, танцам, веселью не было конца. Далеко за полночь разошлись гости.

Через три дня в ЗАГСе приняли заявление сразу от двух красивых пар – Натальи и Алексея, Елизаветы и Владимира.

На дне рождения Натальи Володя ближе познакомился с Лизой, к которой давно приглядывался. Так начался их роман. Долго тянуть с решением не стали – ведь их друзья тоже были настроены решительно. Наталья и Алексей уже не скрывали и не стеснялись своих чувств. Момент, когда за маской преследователя оказался Алексей, смёл все преграды. А его оригинальное объяснение в любви растопило бы сердце любой красавицы.

Расписали их через месяц, и это была шикарная свадьба в ресторане, были приглашены лучшие музыканты и известные в городе люди.

Начинался этот незабываемый день волнительно для обеих пар. Каждый готовился к событию отдельно, у себя дома. В назначенный час женихи, живущие рядом, вышли на улицу при полном параде. Они

и тут решили не отказываться от образа пушкинской эпохи: те же фраки и длинноносые туфли, цилиндры и трости с инкрустированными рукоятями. Только черных масок уже не было.

На улице их дожидалась целая процессия: нарядная русская тройка с бубенцами и лентами в гривах лошадей, друзья, девушки, пестрыми нарядами напоминавшие бабочек, и, конечно, шаферы, одетые в черные костюмы с белыми рубашками и красными галстуками. У них сегодня была особая миссия. Им предстояло быть не просто свидетелями, которые расписываются в книге актов бракосочетания и подносят им обручальные кольца. Немецкое слово «шафер» означает не что иное как «пастух». Значит, на его плечи выпадает следить за порядком во всем, в церкви в момент венчания держать венец над головами молодоженов, а во время свадебного торжества также держать все под контролем, иной раз даже выполняя роль шута.

Итак, женихи уселись в упряжку, с ними сели шаферы – временно, пока невесты не заняли свои места. Другие расселись по машинам – и понеслась процессия.

Невест забирали из дома по всем правилам русского обряда – с играми, шутками, торгом. Девушки были прекрасны в своих белоснежных свадебных платьях. Каждая выбрала модель со шлейфом, фату с блестящими камнями, белые туфли на высокой шпильке. Подруги явно готовились к свадьбе вместе, и наряды подбирали одинаковые.

Женихи заботливо усадили своих суженых в свадебной упряжке, сами уселись рядом, и покатила шумная компания. До ЗАГСа решили сделать круг по городу, как принято у молодоженов.

Выехали на центральную улицу Нальмеса, и весь город, казалось, слышал веселый цокот копыт по асфальту, звон бубенцов, звуки гармони, песни, непрерывные гудки машин. Люди на улицах и с балконов любовались этим зрелищем, махали им вслед и невольно улыбались счастью молодых – а счастье читалось у них на лицах. На просторной площади сделали остановку, повеселились, поплясали, а дальше направились напрямик в ЗАГС. Там уже ожидали их собравшиеся заранее гости, в основном молодежь. Молодоженов встретили торжествующими выкриками и аплодисментами, веселой музыкой и танцами. Был среди гостей и распорядитель танцев, который объявил вальс и вывел в круг обоих женихов и невест. А те и готовы – как не станцевать в такой счастливый день, когда душа поет.

Сколько раз играл под этими сводами свадебный марш Мендельсона, но для каждой пары он звучал по-особенному, только для них двоих. Молодых пригласили в зал бракосочетаний, вслед за ними с цветами и шампанским ввалились гурьбой все сопровождающие.

Алексей с Натальей, Владимир с Елизаветой вместе со свидетелями по очереди подходили и расписывались в заветной книге. С трепе-

том выслушали поздравления и напутствия статной и красивой женщины, заверявшей акт бракосочетания, женихам, как главам молодых семей, вручили свидетельства о браке. Теперь пришел черед поздравлений друзей. Каждый хотел лично разделить с ними радость и вместе сфотографироваться. Поздравительные речи и шампанское лились рекой, многие были уже навеселе.

После ЗАГСа предстоял еще один важный обряд – венчание. В маленьком городе все находится рядом. Вот и церковь расположилась неподалеку в уютном переулке.

Венчание проходило по всем тысячелетним правилам. Молодые перекрестились, зажгли свечи и подошли к алтарю. Священник в белых одеяниях спросил о твердости их намерений. Затем возложил на их головы венцы и трижды провозгласил молитву. В заключение пожелал им счастливой семейной жизни и здоровых детей. Венчающиеся отпили вино из общей чаши.

От церкви процессия направилась в ресторан «Золотая подкова» на берегу озера, где дожидались родственники новобрачных и приглашенные. Едва молодые вышли из упряжки, грянул оркестр, на них посыпались конфетти из хлопушек, лепестки роз.

Среди почетных гостей был глава города Герасименко Николай Васильевич, чиновники разного ранга и бизнесмены. Самые известные музыканты, певцы, юмористы украшали праздник. Тамадой на торжестве провозгласили главу города. И он с удовольствием согласился и занял почетное место за столом. Вечер он провел так, словно всю жизнь только этим и занимался. Никто не остался без внимания, тосты следовали один за другим, чередуясь с танцами и музыкальными номерами. Столы ломились от изысканных блюд, дорогих коньяков и вин. Вечер удался на славу. Праздник в близком кругу продолжался и на второй, и на третий день.

Молодожены заранее спланировали свадебное путешествие, и сразу после праздничных хлопот засобирались в путь. Путешествие было не из простых, на широкую ногу – мировой круиз со сложным маршрутом на лайнере и самолете. Через неделю две счастливые пары вылетели в Москву – оттуда начиналось их турне. В аэропорту Домодедово их встретили и автобусом перевезли в Шереметьево, вскоре их пригласили в зону посадки на самолет. Одним рейсом с ними вылетали на гастроли звезды эстрады, популярные певцы и юмористы. Молодожены были на седьмом небе от счастья: еще бы, какая удача – увидеть вживую великих артистов, познакомиться с ними, целый месяц путешествовать вместе! Никакой дальний перелет не покажется скучным в такой компании.

И вот они на борту комфортабельного лайнера «Боинг-747», выполняющего рейс Москва – Владивосток. Это был удивительный полет. Никто из них не летал еще так далеко, их потрясали виды из ил-

люминатора. Удивительно пять часов лететь над лесами, тайгой и не увидеть ни одного населенного пункта.

На подлете к Новосибирску пилотам передали радиограмму: аэропорт во Владивостоке не принимает, нелетная погода, сильный ливень и штормовой ветер, потому самолет должен совершить вынужденную посадку в аэропорту Новосибирска. Так они оказались в сибирском городе. Впрочем, такие мелкие неурядицы не могли испортить настроение счастливых молодых людей. Да и как было унывать в такой замечательной компании. Артисты прекрасно скрашивали временные трудности. Даже в такой ситуации они оставались артистами. Чего стоили шутки-прибаутки Евгения Петросяна и Владимира Винокура! Да они могли мертвого рассмешить. Так что задержка задержкой, а повеселились на славу.

Через три с половиной часа снова объявили о посадке, и теперь они летели во Владивосток. Время в пути – больше пяти часов. Это было довольно утомительно, сказывалась и смена часовых поясов. Приземлились в полдень, словно только что вылетели из Москвы.

В аэропорту группу встретили представители турагентства и отвезли в гостиницу. Едва разместились – пригласили на обед, после чего прибывшие предпочли отдохнуть после долгой дороги.

Зато вечером в Большом концертном зале Владивостока состоялся грандиозный концерт с участием мастеров местной филармонии и гастролирующих звезд российской эстрады. Каждое выступление сопровождалось заслуженными овациями и криками «браво!».

Второй день в дальневосточной столице выпал на День военно-морского флота, и в городе намечался военный парад. Группу повезли в порт к началу мероприятия. Для непривычного взгляда это было удивительное зрелище. Доклад адмирала флота Александра Егорова был встречен трехкратным «ура!» матросов, стоявших по стойке «мирно». На рейде стояли лучшие образцы военного флота: флагманский корабль был украшен Георгиевским флагом, по всему корпусу красовались красные флажки. Современные корабли высотой с пятиэтажный дом, лайнеры, крейсера, атомные подводные лодки, самолеты-амфибии, быстроходные катера – в порту в тот день демонстрировалась вся мощь военно-морского флота России, и это зрелище трогало до слез, вызывало у зрителей восторг и гордость за свою страну.

Закончился парад, и гостей повезли навстречу детству – в дельфинарий. Эти прекрасные животные поражали своей гибкостью, смысленностью, способностью выполнять сложные трюки по команде тренера. Взрослые зрители кричали от восторга, когда красавцы-дельфины выныривали из бассейна и изящно прыгали через обруч, потом подплывали к борту за заслуженной наградой – рыбой из рук тренера. Недаром

ученые говорят: у дельфинов объем мозга больше человеческого, и извилин у них больше. У них есть свой язык, на котором они общаются. Столько чудес о разумном поведении этих млекопитающих описано в литературе и научных исследованиях, что рассказывать о них можно целыми днями. Впрочем, это отдельная история.

Вечером опять концерт, салют в честь Дня военно-морского флота, торжественный ужин. Наутро сразу после завтрака группу отвезли в тихоокеанский порт и под звуки оркестра пригласили на борт многоэтажного круизного лайнера. Теперь их путь лежал на Восток, в Страну восходящего солнца (кстати, слово «Япония» так и означает – страна, где восходит солнце).

Целых сорок часов по морю-океану! Путешественникам было не до сна и не до отдыха. Играл оркестр без устали, в перерывах слушали хорошую музыку по радио, артисты вносили свою долю в культурную программу – игра на гитаре, любимые песни, которым подпевал весь лайнер. А главное – вид морского простора, шум волн, рассекаемых мощным корпусом корабля, морской воздух! Так в приподнятом настроении пристали к берегу в Токио.

Радужные японцы встретили их с оркестром. Их не повезли сразу в отель на отдых, что было непривычно для гостей. И даже ужин не сразу предложили – до ужина устроили демонстрацию кулинарного искусства лучших поваров, которые показали все хитрости своего мастерства. Ну а дальше – ужин в лучших японских традициях. Незнакомые с японской кухней, наши молодожены с любопытством пробовали непривычные блюда. Очень красочно смотрелся на столе зеленый соус васаби, который они тут же решили попробовать. Кто же ожидал, что огонь во рту после такой приправы не удастся погасить даже холодной водой! Гид-экскурсовод со смехом успокоил их:

– Ничего, зато все вредные бактерии в организме погибли.

Короткий отдых – и снова экскурсия, на этот раз по Токио. Ночная жизнь в городе кипела. Успели посмотреть соревнования по традиционной японской борьбе – сумо. Конечно, это было зрелище. Алексей и Володя больше разбирались в спорте, хотя о сумо знали разве что из телепередач. А вот Наталья с Лизой испытали некий шок: еще бы, практически обнаженные мужчины величиной с бегемотов, казалось, сотрясали пол в зале. Девушки не могли удержаться от смеха, глядя, как эти гиганты выкатывались на поле борьбы, обсыпались солью и начинали толкаться, пытаясь выдавить друг друга за край ковра.

Наутро их провожали столь же торжественно, как и встречали, – с оркестром, песнями и танцами. Дальше предстоял пятнадцатичасовой перелет через Тихий океан на остров Свободы – Кубу.

Отдых на Кубе был коротким, но незабываемым. Жизнь кубинцев

довольно скромная по сравнению с японцами, но этот народ так и светится счастьем и дружелюбием. Удивительно теплый и в то же время мягкий климат, теплое чистое море, улыбки на каждом лице – таким запомнился этот остров, на который хотелось возвращаться вновь и вновь. Что и говорить, латиноамериканцы созданы для счастья и танцев.

Здесь их ожидал еще один огромный сюрприз. Пребывание группы совпало с гастролями прославленного ансамбля «Кабардинка». Конечно же, гости с Кавказа не могли пропустить такой концерт. Они с великой гордостью смотрели на искрометные выступления артистов, восхищались грацией девушек в адыгских платьях и статью юношей в черкесках. Но больше всего их радовала реакция зала. Кубинцы встречали и провожали каждый номер бурными овациями, криками «браво!», многие даже вскакивали с мест и танцевали в такт зажигательным танцам. После концерта Алексей и Володя с женами отправились за кулисы, и это уже был сюрприз для артистов: еще бы, встретить земляков за океаном! Как тесен мир!

В программе отдыха, были, конечно же, и экскурсии. Первым делом гостей отвезли в Музей революции. Это был двухэтажный особняк, в котором каждый зал был посвящен определенному этапу революционной борьбы и определенной личности. Особенно впечатлила экспозиция Эрнесто Че Гевары.

В последний вечер состоялся концерт дружбы российских и кубинских артистов. Провожали гостей музыкой и танцами, криками «Приезжайте еще!».

Теперь морской путь лежал к берегам Северной Америки. В этом путешествии молодые люди снова ощущали себя детьми. Иначе и не могло быть, если попадаешь в национальный парк, где содержатся все виды редких растений и животных. Как было по-детски не восторгаться при виде страусов, грифов, забавных обезьян, мускусных волков, дикобразов, скунсов, кровожадных гризли, бизонов и зубров, и тут же – зубробизонов. Все эти чудеса они видели только в фильмах и на картинках.

Совсем другое дело – увидеть своими глазами. Алексей с интересом рассматривал бизонов. Эти быки напоминали ему впечатления школьного детства, когда он зачитывался романами Фенимора Купера. В каждом из них упоминались эти могучие животные. В эпоху колонизации американского континента, нескончаемой войны краснокожих и бледнолицых за земли бизоны служили коренным индейцам источником пропитания – они были и тягловым скотом, и пищей. Зная это, колонизаторы нещадно истребляли бизонов, чтобы обречь туземцев на голодное существование. И это им удалось. Индейцам пришлось покинуть свои исконные земли с богатой растительностью и животным миром. И они не просто переселились в другие местности: их под

угрозой смерти загнали в резервации. А это всегда были пустынные, голодные прерии.

Страницы любимых книг вставляли перед мысленным взором Алексея. Он даже не подозревал, что бизоны еще остались в Америке. Правда, их численность ничтожно мала, потому их занесли в Красную книгу.

Программа турне была составлена так, что путешественники за один неполный месяц имели возможность увидеть весь мир. Пусть это было поверхностное и в чем-то однобокое знакомство, зато впечатлений хватало бы на всю оставшуюся жизнь.

Случались, конечно, и не очень приятные моменты. Прекрасная Индия, о которой мечтали все любители индийских фильмов, встретила их невыносимой духотой. Ни ветерка, ни дуновения, как сказал бы поэт. Солнце палило и слепило глаза так, что, казалось, отвернуться от его прямых лучей не было никакой возможности. Даже красоты этой действительно чудной страны не радовали туристов. Пот лился с них градом, одежда прилипла к телу. Из-за жары группе не удалось увидеть гордость Индии – знаменитые храмы. Не смогли они посетить киностудию Раджа Капура, о которой так мечтали.

Конечно, кое-какие красоты и чудеса этой далекой страны они все же увидели. Побывали на представлении факира, который заставлял кобру, самую ядовитую и страшную из змей, танцевать под свою дудку. Подивились красоте величественных павлинов. Эта священная птица давно одомашнена человеком, и в Индии их можно увидеть практически в каждом дворе, как у нас – кур. Кстати, павлин относится к отряду куриных, семейство фазановых. Его самка так и напоминает домашнюю курочку, а рядом со своим роскошным супругом смотрится уж очень несуразно. Собственно говоря, самцу такой колорит придает его яркое оперение: хвост длиной до 40-45 сантиметров и перья надхвоста более одного метра. Священную птицу в Индии запрещено отстреливать, но браконьеры есть везде, они убивают их ради красивых перьев. По индийским поверьям перо убитого павлина в доме может навлечь беду. Сейчас их можно встретить во многих странах. Есть информация, что по приказу Александра Македонского 200 павлинов были доставлены из Индии в Грецию. Оттуда уже живописная птица распространилась по странам Африки, Северной Америки и Европы.

Вечерами жар не спадал, но хоть солнце не жгло и удавалось любоваться танцами индианок, которым нет равных в пластике и красоте. Необычные виды национальной одежды вызывали удивление. Передразнивая друг друга, молодые люди пытались выговорить и запомнить их названия: женское сари и сальвар-камиз, мужские дхоти, куртэ, шервани, чуридары... На девушек особое впечатление производили сари. Подумать только, девять метров ткани наматывается вокруг тела,

да так изящно, что и не подумаешь, что там столько слоев! И как умудряются женщины в таких нарядах танцевать, заниматься домашними делами, да и вообще ходить?!

К счастью или нет, на Индию в программе турне отводился не очень долгий срок. Пора было отправляться дальше, к берегам Африки. И вот тут они поняли, что жара в Индии – еще не жара. Ни тенька, ни ветра, ни воды. Некоторые в группе пытались шутить: «Если мы пробудем здесь неделю, то изжаримся на солнце, как шашлыки, и нас будет не отличить от чернокожих африканцев».

В какую бы страну Африки ни прибыли чужестранцы, их в первую очередь стараются удивить видами джунглей и саванн, уникальным животным миром. Нашим туристам тоже устроили экскурсию в заповедник, где на воле жили редкие птицы и животные. Носорогов, бегемотов, крокодилов и всяких хищников можно увидеть в любом зоопарке мира. Совсем другое дело – наблюдать за ними в естественной среде. Вот удивительное животное – антилопа гну. У нее длинный, как у лошади, пышный белый хвост, окрас черно-бурый или серебристо-серый. Черная грива, внушительные рога и черная борода, тонкие ноги с изящными копытами отличают гну от других собратьев по семейству. Скорее эта антилопа похожа на сказочного рогатого скакуна. Животное в принципе мирное, но иногда его может раздражать чрезмерное внимание или близость окружающих, и тогда оно начинает бодаться и лягаться. Знающие нрав антилопы гну служители заповедника заранее предупредили, что особо приближаться к ней не стоит. Есть у нее и другая интересная особенность: она будет мирно пастись, а потом вдруг, без всякого внешнего раздражителя, сорвется с места и носится, пока не устанет. «Что это с ней?» – спросил экскурсовода кто-то из группы. «Не знаю, – ответил тот. – Ученые так и не разгадали, что кроется за таким поведением. – И добавил со смехом: – Характер такой, ничего не поделаешь».

И какое же путешествие по африканскому континенту без посещения Египта, страны фараонов и мамлюков! В первый же день после прибытия в столицу Каир их повезли в Гизу на побережье Нила, к пирамидам Хеопса, Микерина, Хефрена. Эти три пирамиды самые большие и знаменитые, а всего их в Египте более сотни. К слову, высота пирамиды Хеопса больше ста сорока шести метров. Пирамида Хефрена метра на два ниже. А вот до макушки пирамиды Микерина всего шестьдесят шесть метров. Величие этих древних загадочных памятников поражает. Глядишь на них снизу вверх – и кажется, что они упираются в небо. Довершает картину страж пирамид – монументальная фигура сфинкса, лежащая прямо на песке и обращенная лицом к Нилу. Именно лицом – у монумента тело льва и лицо человека. Кстати, в длину он имеет семьдесят три метра и двадцать метров в высоту. Как ут-

верждал экскурсовод, сфинкс лицом похож на фараона Хефрена, хотя у него нос немного отбит, потому он и лежит ближе к усыпальнице Хефрена. Интересно, кто видел фараона в лицо... Откуда такая версия? Говорят, археологи нашли прямо под гигантскими лапами льва пещеру, которая вполне могла быть усыпальницей фараона. И льву, значит, придана внешность охраняемого владыки...

Другая фишка Египта – скачки в пустыне на верблюдах, на лошадях. Гости попали на большое дерби чистокровных арабских скакунов. Для людей с Кавказа это было прекрасное зрелище, причем болели с азартом и мужчины, и женщины.

Из Египта теперь предстояло самое длинное морское путешествие по Красному морю, далее через Индийский океан к берегам Австралии. Расстояние по прямой в этом направлении – 14270 километров. Ученые выяснили, что древние египтяне 4500 лет назад до нашей эры плавали в Австралию на своих судах. Трудно в это поверить, учитывая расстояние между континентами и переменчивость океанской погоды, но с фактами не поспоришь: наскальные рисунки египетских мореплавателей найдены в Австралии.

Это было самое долгое и утомительное путешествие, но, к счастью, туристы благополучно добрались до зеленого континента, в страну кенгуру, страусов, какаду и прочей экзотической живности. Все было очень интересно, даже австралийского динозавра удалось увидеть – так называют здесь казуара, диковинную рогатую птицу ростом до двух метров и весом до 60-80 килограммов. Нрав у этого летающего чудовища непредсказуемый, лучше не оказываться у него на пути.

Все было замечательно, но, по правде, путешественники уже не могли дождаться, когда снова окажутся на родине. А впереди еще предстояла короткая остановка в Китае. Вот уж где страна контрастов, с яркой, глубокой историей. Здесь гармонично уживаются современные города и архаика, высокая культура и полное отсутствие комплексов – это шумный народ, зачастую не стесняющий себя условностями в окружении других людей. И, конечно же, главное потрясение – это буддистские храмы и Великая Китайская стена.

Где бы они ни побывали, всюду их встречали и провожали с радушием. Участие артистов в турне особенно скрашивало долгое путешествие, их во всех странах принимали с особым восторгом. Их искусство покоряло сердца людей, говорящих на разных языках. Атмосфера дружбы неизменно царила на концертах в любом уголке мира. Длительные переезды из страны в страну, от континента к континенту – и море впечатлений, памятных встреч, необычных традиций и культур. А главный итог был в том, что люди всей планеты, разных цветов кожи хотят одного – мира на земле. И неважно, какую веру они исповедуют.

«Все мы дети одного Бога», – эту фразу туристам доводилось слышать в самых разных уголках мира.

И вот лайнер лег на обратный курс в порт Владивостока. Путешественники высыпали на палубы, словно могли сразу же увидеть родные берега. Прошли нейтральные воды при полном штиле. Легкий соленый бриз не давал ощущать кусачие лучи солнца и их отражение от воды. Кто-то громко завел песню:

*Если бы парни всей земли
Вместе собратья однажды могли!
Вот было б весело в компании такой,
И до грядущего подать рукой!*

Слова гимна демократической молодежи знали все, и их подхватили находившиеся на палубах пассажиры. Ни дать ни взять – поющий корабль! Закончилась одна песня – запели дружно другую:

*Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины
Над ширью пашен и полей,
И у берез и тополей...*

Звучали слова любимых всеми с детства песен, и казалось, эти слова приближали их к родным берегам.

Молодожены стояли у борта и любовались бескрайним морским горизонтом. Ветер немного усилился, стал накрапывать дождик, но это их не пугало, они не спешили возвращаться в свои каюты. Судно стало покачиваться на волнах.

Шквальный ветер налетел внезапно, как это бывает в океане. Корабль стал раскачиваться и подпрыгивать на больших волнах подобно маленькой шлюпке. По палубе летало все, что не приколочено, многие люди, пытаясь убежать в каюту, скользили и падали, и их носило по палубе, как щепки. Крики о помощи тонули в реве взбесившихся волн. Алексей пытался устоять на ногах, чтобы подхватить цепляющуюся за борт Наталью и увести с палубы. Но не успел: очередной водяной вал накрыл их с головой, и через секунду, когда ушла волна, он с ужасом увидел: жены на борту не было. Ее яркая куртка мелькнула в воде. Не раздумывая, Алексей бросился в волны и сумел ухватить ее за рукав. На борту раздалась сирена тревоги и крики: «Человек за бортом!».

Наталья уже не могла бороться, Алексей крепко держал ее и одной рукой пытался плыть и держаться на поверхности, но их опять отбрасывало назад. Брошенный с борта спасательный круг удалось поймать не сразу. Наконец их подняли на борт. Наталья наглоталась воды, и ее долго откачивали, пока она не открыла глаза. Ураган пронесся дальше столь же стремительно, как налетел, и море стало успокаиваться. Измученная Наталья все еще лежала на палубе, только плакала и слабо сжимала руку мужа. Им сейчас не нужны были никакие слова...

Потрясенные пережитым, люди постепенно приходили в себя и обнимали друг друга, не веря в чудесное спасение. Кажется, из всех впечатлений за месяц путешествий это было самое сильное. И страшное. Что ж, не все бывает гладко в жизни, не все планы идут по написанному. Все остались живы – и слава Богу! Сказать, что свадебное путешествие было безоблачным, Алексей с Натальей и Володя с Лизой уже не могли. Всякое случалось в пути, не везде им однозначно нравилось – но это тоже опыт. А этот шторм – он перекрыл все другие впечатления. Но они были счастливы и молоды, они знали, что вся жизнь впереди.

Спустя неделю после возвращения домой случилась новая радость – прилетели гости из Китая, семья Чэнов, с которыми Алексей с Володей подружились во время отдыха в Крыму. Вообще-то их ждали к свадьбе, но ничего, праздник продолжается! Всю неделю развлекали гостей, возили их по живописным ущельям, в Приэльбрусье, на Голубые озера, отдыхали на термальных источниках. Прощались как родные, и гости взяли с них слово: теперь их черед погостить в Китае. Но это уже на следующий год.

Однако на следующий год молодые семьи никуда не поехали. У Натальи и Алексея родилась двойня, мальчик и девочка. У Лизы с Володей – сын. Прибавление в семьях не мешало им видеться едва ли не каждый день. Так установилось изначально, и так будет всю оставшуюся жизнь.

Так завершилась эта история про двух друзей, которые шутки ради приняли облик двух старомодных джентльменов в черных масках, разыграли всех вокруг – и в итоге обрели счастье с любимыми женщинами. В награду за любовь и чистые помыслы Бог даровал им здоровых детей.

Не в этом ли счастье! Каждый в этой жизни получает судьбу, достойную его устремлений.

Да будет так!

*Перевод с кабардинского
Ларисы Маремкуловой*

Вплотную к сердцу осень подступила,
И мелкий дождик застучал в стекло.
Сегодня по-осеннему уныло,
Тумана дымкой все заволокло.
С дождем снежинки закружились в небе –
Легко и просто, словно забытьё...
До чистоты такой подняться мне бы,
Понять, что есть мое, что не мое.
Земля светлеет, словно покрывалом
Запорошило белым все вокруг.
И перед взглядом все другое стало
В предчувствии холодных зимних вьюг.
И пусть петляет и кружит дорога,
И с губ моих срывается «прости».
И за любимых я прошу у бога,
И в ней не потерять, а обрести.

Говорят, что все не случайно:
И четвертая группа крови.
Но, возможно, то миг отчаянья
И ожег от прошедшей боли.
Говорят, второй раз – случайность,
А вот третий – закономерность,
И опять я впадаю в крайность
И ищу в каждом взгляде верность.
Жить, конечно же, надо проще.
Он уйдет – звук шагов в тумане,
А итог наш – даже не мощи,
Мы – молекула в океане.
Надо жить в ожиданье счастья,
Мир открыт, когда ты открыта,
Но на каждом – след разной масти,
Что упругой спиралью свита.
Сколько в душу бы не плевали,
Доброту отдаю я миру.
Неизвестностью манят дали,
И ловлю в каждом вздохе лиру.

Граница миров –
Как ты далека...
Твой образ из снов –
Коснется рука...
Протянешь – и ты,
Почувствуешь нить.
Шальные мечты
Не остановить.
Все рядом, но как
Дойти до черты.
Все кружится мрак,
А в нем где-то ты...
И я уплыву
В сознание небес,
Опять рандеву
С тобою и без.
Прозрачен туман,
Ведь рядом миры,
На сердце изъян,
И где-то в нем ты...

ДВИЖЕНИЕ МЫСЛИ

Как хрупок мир, так мысль тонка,
Неуловима и летуча,
Подобье нежного цветка
И ветра, что уносит тучи,
Как острый слух, как акварель,
Рисунком ляжет на бумаге.
Мысль – песня, что поет свирель,
И звук ритмичный в каждом шаге.
Ее присутствие везде,
В том тонком созиданье мира,
Как блик – в мерцающей звезде,
В той силе, что рождает лира.
Мысль нежным звуком разлилась
В соединении со словом,
В тех чувствах, что рождает страсть,
Что новы и совсем не новы
И в хрупкой нежности твоей,
В проникновенье жгучем взгляда.

В ней сила, как у королей
В тех чувствах, что для нас награда.
Ее словами оживи,
И, проявляясь в силе мысли
Всепоглощающей любви,
Мелькают судьбы, даты, числа...

Еще блестит кусочек неба,
Тьма наползает, словно гнет.
Стихия с полного разбега
Траву увядшую примет,
А небо, будто на ладони,
Все перепачкано в золе,
И впечатление погони
Стихии, рвущейся к земле.
Неистовы грозы проказы:
Гром, молния, природы стон...
И ливень хлынул как-то сразу,
Звук капель превратился в звон...
Воды неистовы потоки,
Зигзаги молний тут и там.
Стоит как будто одинокий
Природы утонченный храм.

Зачем-то все смешалось в этом мире,
И новые одежды стали впору,
А дважды два как будто не четыре.
Груз за плечами – и несешься в гору!
Идущих – много, мало – доходящих,
Все по-другому, мир в другом разрезе.
И все же как же много глаз горящих,
И тех, кто растворялся в полонезе.
В труде насущный хлеб нам достается,
А теплота друзей нам душу лечит,
Ведь нас, как прежде, согревает солнце,
И мы себе твердим: «Еще не вечер!»
Весна в зеленой нежности кружится,
И примеряем новые одежды.

Знакомые – чужими стали лица.
Смешалось в этом мире все, как прежде...

Звук скрипки утонченный душу греет.
Вибрации звучат тепло и тонко.
Он – робок, то пронзителен, смелее,
То засмеется нежностью ребенка,
То разрывает суть твою на части,
Туманом обволакивает нежно,
Как будто все в божественной мы власти,
То в леденящем сумраке мятежном.
Звук улетает вверх, а сердце в пропасть.
Игра оркестра силу набирает,
Подхватывает бешеная скорость,
И льется эта музыка без края.
В ней – шум листвы, прилив волны и нежность,
В ней – звук дождя и ветер ураганный.
В ней слышится любовь и бесконечность.
Звук музыки томимый и желанный...
В ней глубина и естество такое,
Как в отраженье солнечного света.
И в этом миге душу успокоим,
И музыка подскажет нам ответы.

Пронзительна звучащая струна...
Божественная скрипка Паганини
Звучит и замолкает тишина.
Звук – виртуозен и летит к вершине.
Звучит прозрачный воздух, небосвод.
Эмоциям и чувствам нет предела,
И переливы, как потоки вод,
Стон издают решительно и смело.
Пусть музыка звучит через века,
Огонь горит, не превращаясь в пепел.
Смычка едва касается рука,
День радостью пропитан, свеж и светел.
Подняться б нам до этой высоты,
Где слышатся чарующие звуки,
Там гений у невидимой черты,
И там смычок сжимают крепко руки.

Ты был как будто оберег,
Что охранял мою надежду.
Душа несется в скальный брег,
Такой не буду я, как прежде.
Ты был как будто ангел мой,
Заполонивши все и сразу,
Волной нахлынувшей морской,
С души смывающей проказу.
Я будто слышу шум морей
И океанов ропот пенный.
В той ослепительности дней
Я узнаю твой образ бранный.
Все, кажется, что за напасть
И как достигнуть мне причала?
Но так мне хочется припасть
К той пене, что тобою стала.

Что ж ты выбелила цветом белым,
На пороге ждущая зима?
Исподволь, как будто между делом
Чьи-то судьбы снегом замела.
Чьи-то души льдинками покрыла
И ответа нет на тот вопрос.
В ноябре и без зимы уныло,
В жизнь саму как будто холод вмерз.
Как понять, все то, что непонятно,
Объяснить наш непонятный путь?
И порой безжизненные пятна
Оживляют нашей жизни суть.
Ты прошел чуть меньше, я – чуть больше.
Только в чем же разница у нас?
Жизнь твоя сейчас как будто горше,
У меня бывало так не раз.
Как не потеряться в суматохе,
И себя, и смысл в ней обрести?
Жизнь вдыхая, в каждом новом вдохе
Вовремя суметь сказать: «Прости»?

АЛЁША

Наставник и Душа плывут в воздухе.

Наставник:

– Тебе покажут несколько пар, у которых ты можешь быть рождён. Я коротко опишу твой жизненный путь в каждой из них. Выбор за тобой.

Душа:

– Я выбираю – этих!

Мальчик родился в полной семье. Был желанным ребёнком. Молодые родители готовились к рождению сына тщательно. Заранее покупались ползунки, пелёнки и даже развивающие игрушки, предназначенные для годовалого малыша. Подбирался рисунок обоев в детскую комнату. Подсчитывалась возможная дата рождения первенца. Выбиралось по святцам имя. Планировался по-новому бюджет семьи.

Но вот рассчитать, что Алёша родится с неизлечимым заболеванием, к сожалению, никто не мог. Диагноз был поставлен сразу после рождения: полное отсутствие двигательных функций, а из всех чувств были только слух и обоняние.

Врачи, осознавая драму семьи, предлагали оставить ребёнка в роддоме. Родители не согласились. Мамочка постоянно плакала. То тихо и жалобно по ночам, то закатывая истерики и обвиняя мужа, что это он виноват в рождении «такого» ребёнка. У отца не было времени плакать, он с утра до позднего вечера проводил на работе, потом покупал домой продукты и дорогие лекарства для сына.

Через три месяца молодая супруга уехала навсегда «на юга» с соседом по лестничной клетке, оставив короткое прощальное письмо: «Прости. Это твой грех». Муж был готов и к этому удару судьбы. Тридцатипятилетний мужчина обладал не только физической, но и духовной силой. Был в основном молчалив. Имел пару верных друзей и пару сотен книг в домашней библиотеке. Из родных у него, кроме сына, никого не было.

Началась новая жизнь. Мальчику было дано имя Алексей. Днём за ребёнком ухаживала жена друга. Она отдавала всю свою женскую любовь и ласку маленькому беспомощному человечку, жалела его отца и дома просила своего мужа всячески поддерживать друга и словом, и делом. Отец приходил домой, сменяя няню, расспрашивал, как прошёл их день, и в знак благодарности передавал ей в руки пакет с фруктами и сладостями, не принимая отказа.

После вечерних процедур мужчина ложился на большую кровать, клал подле себя сына и рассказывал ему про большое жёлтое Солнце на небе. Как Оно согревает всех. И людей, и животных. И плохих, и хороших. И сильных, и слабых. И подлых, и справедливых. И хищников. И падальщиков. Солнце не выбирает, оно просто – греет. А когда склоняется к горизонту, то краснеет от стыда, что его теплом и светом пользуются те, кто совершает плохие поступки и несёт в себе зло.

Отец опускает руку на маленькую голову. Алёша не может двигаться, он не может прижаться и обнять папу. Он только чувствует тепло, идущее от шершавой ладони. Слышит низкий, негромкий голос и вдыхает запах родного тела. Для него папа – Солнце. Большое, горячее... Его Солнце! Ребёнок закрывает глазки и засыпает крепким сном. Отец ещё долго держит руку на светлых мягких волосах сына. По его щеке незаметно стекает слеза и тут же высыхает, потому что Солнце может высушить и моря, и степи, сжечь дома и убить жаждой всё живое. Но об этом он никогда не расскажет Алёше.

Прошло несколько лет. Жизнь в семье двух мужчин текла тихой рекой по тому же руслу. Вот только любимая няня родила двойню и больше не могла ухаживать за Лёшей. Муж не пускал, сказал, что своими детьми заниматься надо. Теперь утром приходила старушка-соседка. Занималась готовкой и кормлением. Ровно в шесть вечера снимала фартук и шла домой к своему деду, мерить ему давление, стирать, гладить, мыть полы и разговаривать о разном. Несколько часов до прихода отца мальчик оставался один. Так как он был полностью обездвижен, то не было волнения за то, что он опрокинет на себя что-то или ударится обо что-то...

Но мужчина в эти часы, находясь на работе, не находил себе места и стремился как можно раньше попасть домой. Переступая порог, он быстро бежал в их комнату – всё ли хорошо? Алёша смотрел на потолок с нарисованными животными, услышав голос папы, часто моргал глазками. В душе его растекалось тепло и невыраженная радость распирала изнутри маленькую детскую грудь...

В один из вторников мужчине пришлось задержаться на работе. Потом пробки на дороге, очередь в магазине, поломанный лифт. Забегая в квартиру, он резко остановился у открытой межкомнатной двери. Лёшенька как всегда лежал в своей детской кроватке, а на одном из высоких бортиков сидело маленькое незнакомое существо. Одето оно было в ситцевое цветастое платье, а на голове красовался бант. Существо что-то тихо напевало, раскачивалось в такт и хлопало в маленькие серые ладошки.

От этой картины отец на какое-то время не мог сдвинуться с места.

Мелодия завораживала. По комнате распространился запах корицы и мирта. Девочка, почувствовав на себе взгляд, быстро спрыгнула с кровати, шмыгнула в угол и как будто растворилась в стыке плитусов. Отец подошёл к сыну. На доли секунды ему показалось, что мальчик улыбался. На подушке лежала маленькая деревянная лошадка, похожая на тех, которые вырезали в деревнях наши прапрадеды своим детям и внукам. Внутреннее чутьё подсказывало, что ребёнка не обидят.

После этого случая мужчина каждое утро оставлял на детском столике блюдце с молоком и конфету. Просил старушку-нянечку не спрашивать, зачем это. И говорил, что если хочет, она может уходить домой пораньше к своему деду. А старушка и не спрашивала, со спокойным сердцем оставляла малыша по вечерам, перед уходом накладывая крестное знамение на лоб мальчика.

Вёсны отцветали пахучей сиренью, аромат которой Алёша вдыхал с особым удовольствием. Свою пятую весну он не встретил.

Отец и старушка со стариком молча сидели за поминальным столом. Горящая свеча перед фото. Блюдце прокисшего молока с нетронутой конфетой в углу. За несколько лет первый вечер – дома. Мужчина подошёл к окну, смотря на заходящее Солнце. После долгого терпеливого молчания у него не было больше сил держать в себе горе. Крупные слёзы полились рекой. Раздались рыдания и громкий крик: «Прости мне, Господи, грехи мои! Прости, что не уберёг!».

Этажом выше, так же стоя у окна, другой мужчина крепко сжимал в руке маленькие метрики с весом и ростом новорожденного. По его щекам разливались слёзы радости. Мокрые губы тихо благодарили Бога за вымоленного первенца: «Отче наш, спаси и сохрани... Только сохрани!».

НОЖИ

– Васька! Что это делается! Соленья-то, варенья из погреба утащили!

В дверях стояла раскрасневшаяся бабка. В одной руке держала пустое ведро, другую прикладывала к мокрой щеке сначала с криками, потом с причитаниями.

– Катали всё лето, катали. По яголке отбирала, внукам в город отвезти. Митеньке – малинку. Болеет всё, дохляк. Зимую-то, вон, всю в прошлом годе...

Пока бабка охала да ахала, втирая в морщинистое лицо горькие

слёзы, дед молча сидел за дубовым столом и вертел самокрутку. Смачивал тягучей слюной жёлтые пальцы, прижимал друг к другу края разрезанных «Сельских ведомостей». Докрутил. Поджжёт. Глубоко затянулся. Отхлебнул крепкого чаю.

Бабка всё ещё причитала. Поставила на зелёную половицу ведро и бегала по избе взад и вперёд мелкими шажками. Останавливалась, переставляла на полках чисто вымытую посуду, потом бежала в другой угол избы поправить на окне занавеску и переставить герань.

Дед стукнул по столу.

– Собирай ножи. Варить будем!

Старуха замолчала. Лицо её вмиг стало каменно-спокойным. Как будто и не было криков и беготни. Вытерла застрявшие в углах глаз слёзы и стала собирать по всему дому ножи.

Опять забегала. Но уже широкими, целенаправленными шагами, собирая, как грибы, в задранный фартук столовые приборы.

– Вась, а где твой старый охотничий нож? Что-то не припомню.

– В сенях погляди. На сундуке оставил.

Пока Маруся бегала из угла в угол, Василий не спеша докурил «козью ножку», попивая крепкий чай и довольно улыбаясь в густую рыжую бороду.

Когда все приборы были собраны, бабка с гордым видом и громким звоном вывалила их на стол.

Дед достал из-под печи самый большой котел, что был в доме. Сгрёб в него здоровенной ладонью со стола ножи. Взял пустое ведро, оставленное бабкой в сенях, и ушел.

Вернулся через десять минут – уже с полным. Залил ножи доверху колодезной прозрачной водой. Поставил котел на огонь. Перекрестившись на образа, забрал свечу из красного угла. Зажег ее и начал читать молитвы. Сначала «Отче наш», потом «Богородицу». Из громкой и четкой речи переходя постепенно в шептание непонятных и неизвестных молитв.

Вода забурлила, как только огонь коснулся дна котла.

Мария стояла за мужем. Молча крестилась, периодически вытирая пот со лба и без того мокрым платком.

Ножи были сварены. Василий бережно завернул их в белое «венчальное» полотенце с красными петухами и запихал под кровать к самой стенке.

Прошло два дня. Бабка колдовала над пирогами с капустой, окуная мягкие руки в такое же мягкое и теплое тесто. Дед, с выдохами «э-э-эх ты!» колол дрова на заднем дворе. Вдруг возле сарая послышался сначала стук чего-то упавшего, потом истошный рёв и громкий крик: «Простите меня, Бога ради!». И опять рёв, и опять крик. Бабка бросила тесто, вытерла руки цветным подолом и побежала на двор смотреть.

Дед уже стоял возле сарая. На бревенчатую стену со всего размаха кидался сосед. Плакал и орал истошным голосом: «Простите меня, Бога ради! Всё принесу! Ничего не пропил!» Сползал со стены на землю, ползал на карачках. Загонял под ногти песок, куриный помет и корни мелкой травы. Потом вставал. Разбегался, кидался на стену плашмя. Снова падал. Валялся, корчился и кричал: «Бога ради простите!»

Василий смотрел с укоризною и продолжал молчать. Мария тередила мужа за рукав, плакала и просила: «Васька, пощади! Пусть ступает».

– Нет уж, когда всё вернет, тогда и отпущу.

На лбу у соседа появилась большая кровотокающая язва, он бился, пока не разбил себе лоб, а нос не превратился в плоский кусок мяса, непонятно как державшийся между двух вышедших из орбит мутных глаз.

– Ступай! – наконец-то сказал Василий.

Мужик встал. Как ни в чем не бывало, отряхнулся и пошел восвояси.

На следующий день всё повторилось. И через день тоже.

Мария уже всем своим сердцем жалела соседа. Не выдерживала и просила мужа, незаметно кладя ему руку на затылок: «Вася, пусть ступает». Вася говорил: «Ступай!» И сосед уходил, покорно опустив голову.

На четвертый день очередного прихода «гостя» Василий сам сказал низким, громким голосом: «Иди, Степан, с Богом. Мы прощаем тебя!» Степан ушел.

На следующее утро у порога стариков была выстроена батарея банок с соленьями да вареньями. Маруся, выйдя из дома, всплеснула руками: «Васька, погляди, вернулись! Вертай ножи, будем хлеб на стол резать».

А к полудню прошел слух, якобы у соседней деревни, что ниже по реке, бабы вытянули утопленника с соленым огурцом во рту и охотничьим ножом, крепко зажатым в левой руке.

БАБКА УМЕРЛА...

Бабка умерла до Крещения. Отдала Богу душу, испустив дух на старом диване. Хотя... Скорее всего не Богу.

– Приходи. Меня сегодня не будет. И принеси коробку конфет. Сладким хочу губы помазать, – звонила она дочери.

Старая икона повисла на одном гвозде над седой головой старухи. Из «Неупиваемой Чашы» на пол стекал кагор. Наталья приехала к обеду. Чайник был горячий, но на столе стояла только одна хозяй-

кина чашка. Дочь на пороге не разулась, тихо прошла в комнату. На ковре от грязных после ипподрома ботинок не отпечаталось следов. Бабка молча налила чай и взяла из коробки одну конфету. Надкусила. Икона за спиной рухнула вниз, и Божья Матерь улыбнулась, сверкнув позолотой.

Время!

Дочь встала со стула, сказала матери, что простится с ней в начале марта. Взяла с читального столика свечку, чтобы зажечь дома, и вышла.

Старуха не переодевалась. Перекрестилась сухими пальцами (хотя креста на ней и не было) и легла на пол, подле иконы. Скрутилась калачиком. Таким, как Бог посылает детей в утробу матери. В руке сжала цветной фантик от конфеты и застыла.

На третий день из сарая достали круглый сосновый ящик – гроб. Тело, свернувшееся клубком мокрицы, уложили на белую скатерть. Ленточками рук и ног не перетягивали. Такие же «верёвочки», вытасщенные бабкой из чужих гробов, положили ей под голову.

– Похороните с Колей, – было сказано за праздничным столом, когда она наливала супругу красное вино (бутылку, вытянутую бечёвкой из фекалий дворовой выгребной ямы).

Коля ждал двадцать семь лет и дождался. Грустно улыбнулся наверху. Тронул аккуратно остриженную бороду и ушёл туда, куда её не пустили.

Никто не плакал. Круглую коробку опустили в мужнину могилу.

Икону повесили обратно на стену. Лопнувшее стекло оказалось целым. Только по утрам из переполненной чаши стекал кагор, исчезая к обеду, как будто ничего и не было...

Роза ДАХАЕВА,
член Союза писателей России,
член ЧРО Союза женщин России

От автора

Я родилась в Казахстане, в чеченской семье репрессированных переселенцев. Мы и ещё несколько семей чеченцев проживали в многонациональной среде на станции Байгакум. Красота разноязычной речи, взаимное уважение людей разных вероисповеданий, интерес к быту, обычаям и нравам заложили во мне с раннего детства представление о людях как большой семье, населяющей один общий дом – Землю.

Поэзия пришла ко мне в самые трудные для моей республики, военные двухтысячные годы. «Путей к поэзии я не искала, в жестоком зареве войны светло, но трудно шло начало удела творческой судьбы».

Судьба дала возможность поэзией выразить слова материнского сердца во имя мира на земле. В поэзии я стараюсь идти своим путём, удивляясь ей, пытаюсь понять её сущность, считая, что она – пример образа общечеловеческой гармонии и всеобщего счастья.

ДАР СУДЬБЫ МОЕЙ – ЖЕМЧУГА НИТЬ

Кавказ! Красотою озёр твоих глаз

Кавказ!
Красотою озёр твоих глаз,
Величавостью горных вершин,
Любовались веками не раз
Люди мира всех наций и рас!
Ты – на карте миров – исполин!

Даришь миру свою красоту,
Ты – великой Вселенной алмаз!
О тебе свою песню пишу,
Хоть тебя воспевали не раз,

Но, как дочь твоя, тоже хочу
Верность выразить рифмой сейчас.

Я прильну к твоему плечу,
Прикоснусь я к седым вискам,
В тайну сердца тебя посвящу.
Сердце можно доверить горам!

Величавый Кавказ, ты щедр:
Ты духовного кладезя свет,
Как алмаз из глубинных недр,
Для меня твой немой ответ.

Я искала истины сказ,
Но на карте моей судьбы
Возвышался седой Кавказ
Вечным символом чистоты!

Восхищаюсь и песню пишу,
Благодарность в стихах отразить,
И ищу, бесконечно ищу
Дар судьбы своей – жемчуга нить!

Там, за окном, чудесный день...

Там, за окном, чудесный день,
Залитый охрою благой.
В стекле я вижу свою тень,
Любуюсь осени красой.

Снимаю шанс на телефон,
С природой в такт заговорить,
В мгновение одно, как сон,
Дух рвётся рифму подхватить.

За тем столом, ко мне углом,
Девчонка юная сидит.
Не умолкает телефон,
Да и хозяйка не молчит.

С мелодией восточных грёз,
Стараюсь думать лишь о том,

Что в жизни каждый миг хорош,
С судьбою связанный узлом.

Ещё мгновение назад
Могла я чудо упустить,
Не собираясь отыскать
Времени связующую нить.

Странник, постой!

За дервишем вослед держу я путь,
А знойный ветер обжигает мысли:
О, странник, ищущий Вселенной суть,
Её ты сложишь лишь длиною жизни!
Куда б ни уводила нить Судьбы,
Везде и всюду формулы предстанут:
Перемножая горе, слёзы, дни,
Твои сомненья разрешаться станут.
Покой души, как райские сады;
Ты их увидишь лишь в конце, однажды.
Рекою жизни путь свой назови,
(В которую никто не входит дважды).
И потому, о, странник, дорогой,
Со стороны взгляни на штрих к портрету,
Ведь то, что называем мы судьбой,
Мираж в песках, что нанесён был ветром,
Мы унесём в Сады Любви с собой,
Лишь знаки, нарисованные Светом!

В мире, где таинственность без края

В мире, где таинственность без края:
Взглядом и умом не охватить,
Выступит поэзия святая,
Бедного пиита озарить!

И когда, пройдя черту сознания,
Выйдешь ты в далёкие миры,
Почерком иного мироздания
Встанут строки столпами судьбы.

Посохом начерченные знаки,
На песках древнейших знаний волн,
Побеждая бурь земных атаки,
Понесут вперёд по водам челн!

Золотая линия Корана

Кружевная вязь арабских писем,
Золотая линия Корана,
От ума людского независим
Слог твой, исходящий из азана¹!

Ласточками нежными кружатся
Буквы, возвещающие правду,
С чтением твоим лишь умножаться
Станет мысль, испытывая жажду
К твоему великому творенью!

Суть всего в себе отображает,
Знания – там, и в этом нет сомненья,
Жизни Путь Коран сопровождает,
Не предастся эта Книга тленью!

В ней нерукотворная основа,
Зелень цвета – чистый малахит.
И янтарным отблеском от слова
Свет Аллаха в душу нам глядит!

С каждым днём все чаще: снова, снова,
Сердце рвётся это чудо зрить!
Счастье знать, что как первооснова
Книга есть, которая живет!

Вновь и вновь к страницам возвращаться,
Чистоту аятов² познавать,
Смыслом глубины их восхищаться,
Что могло бы нам не доставать?

¹Азан – призыв к всеобщей молитве мусульман.

²Аят – знак, чудо. Структурная единица Корана, обычно понимаемая как «стих».

Внутреннему подчинен велению,
О, Всевышний, буду я стараться,
Посвятить душевные стремленья
Свету Слова во вселенском братстве!

Зачем наплывает строка

Дни бегут чередой. Иногда сам не свой
Ты становишься в этом потоке.
Но морскую волной вдруг накатит прибой,
И польются откуда-то строки.

Наыву не встречал, и мечтать не мечтал
О картинах, что шлёт Властелин.
Но в какое безбрежное море попал,
Понимаешь без всяких причин.

Что за праздник души и тиши благодать,
Шар земной весь у ног, ты – один;
Можешь мир ощущать и душой обнимать.
Восхваляя Творца, Он – Един!

Ты, по сути ничто, в гравитации сил,
Только капля в божественном Свете,
Но Вселенная шлёт, если сердцем просил,
Из небесных решений ответы.

И ты зришь океаны путей и дорог,
А судьба прокружит по спирали:
Призаправив её полной чашей тревог,
Ликом целых эпох на скрижалях.

Вот такая судьба, ну а с нею – мечта,
В неотрывном стремлении ввысь:
Может, только затем наплывает строка,
Чтоб желанья с эфиром слились...

Имя поэта

Умару Яричеву

Волнами в небе сгущаются тучи,
И обрывается жизнь.
Имя поэта – особенный случай,
Оно остаётся жить!

Рифмами сложенных судеб и строчек,
Сердцем напитанных слов.
В письмах с пробелами из многоточий,
Книгами вещей стихов!

Спросите, как же измерить нам память?
Величиной пирамид,
Смело застывшими в мире веками
Тайну Вселенной хранить.

Будет ли имя поэта воспето,
То скажут его стихи!
Имя бесследно не кануло в Лету,
Песня поэта, живи!

Солнечной осени свет!

Я уплываю вдаль, я уношу печаль.
Синею птицей ввысь мысли уносит жизнь.
Возраст не тот, а жаль; таинств полна скрижаль.
Где-то звучит кларнет, кто-то несет букет,
А вон, за тем углом, был моей мамы дом;
Рай я познала в нём!
Воду святую пить воспоминаний тех,
Внуков пуще любить, слышать их чистый смех...
Осени дар встречать, как с любимым рассвет,
Рифмы в уме слагать, крепче кутаясь в плед,
Громко в душе молчать в звоне осенних грёз,
Вечное созидать без надрыва, без слёз,
Учит осень меня – мать-природа сама:
Я без неё нема, как в хмуром лесу тьма.
Нынче мне шлёт привет солнечной осени свет!
Я его всем дарю, с улыбкой, как день зарю!

МЕДОВАЯ ИСТОРИЯ

Рассказ

Рыбалка не задалась с самого начала. Вроде и место то же, присмотренное, и время года подходящее, но клев не шел – то ли расплодившиеся по берегам реки частные заводи успели с прошлого года залить своими отходами некогда рыбные места, то ли просто не везло, но если при Петре нет-нет да дернется поплавок, после его ухода Зимин поймал только одну рыбешку. С Петром, армейским другом, он после дембеля какое-то время переписывался, потом лет тридцать ничего о нем не знал, пока пять лет назад случайно не встретил его на Курском вокзале.

Оба обрадовались встрече, посидели в кафешке, вспомнили свою армейскую молодость, проделки беззаботной юности. При том, что на первый взгляд были они почти антиподами – Петр, ныне директор леспромхоза, был плотным, лысым шустриком, постоянно шутил и улыбался, а Зимин по виду и манерам смотрелся чистой воды московским интеллигентом – им было хорошо вместе. Тогда-то и заманил Петр Зимина, зная о его страсти к рыбалке, рассказами о необыкновенном клеве в родных местах, и ехать-то поездом из Москвы меньше шести часов. Так и повелось с тех пор – в отпуск, благо он у заведующего кафедрой крупного столичного вуза позволял – сначала с женой на моря, потом на несколько дней к Петру на рыбалку, на берег реки, в дощатый домик, где порой допоздна беседовали они о том, о сем, и Зимин всегда по-хорошему удивлялся деловой хватке своего приятеля, его умению не унывать и видеть мир лучше, чем он есть.

Но вчера произошла какая-то авария в леспромхозе, пострадали люди, и Петр спешно был вызван на работу. Он настойчиво приглашал Зимина побыть гостем в его большом красивом доме, но что ему делать в отсутствие хозяина – жена, семья сына, маленькие дети – не хочется создавать проблемы. С утра подул ветер, распугав оставшуюся рыбу, небо заволочло, и Зимин собрался на маленький вокзал, где редкие проходящие поезда останавливались только на минутку. Правда, его поезд только вечером, но пока он доберется пешочком, пока съест ватный бутерброд в станционном буфете, запивая его невкусным чаем, пока почитает свежие газеты – что там на свете произошло за три дня – глядишь, и ехать пора.

Пока он шел от реки к поселку, ветер стих, выглянуло солнце и с какой-то не августовской жарой стало припекать так, что даже пришлось снять теплый свитер и остаться в одной рубашке. В поселке шла обычная жизнь: белили дома, сжигали опавшую листву, копали картошку – вот-вот осень, слякоть, дожди, нужно все успеть. Зимин был урбанистом и никогда не видел себя сельским человеком, но порой испытывал «зов природы» и с удовольствием сейчас наблюдал за неспешным, традиционным укладом жизни маленького поселка, почти деревни, чья жизнь так непохожа на московскую, и этот уклад мало зависел от чудес технической революции при явных признаках ее присутствия.

Когда он почти прошел окраину, через невысокий забор увидел свежевырытую крупную не по-местному картошку, которая нежно розовела на фоне глинозема, и подумал – как на работах импрессионистов, залюбовался, как музейной картиной, и замедлил шаг. Пожилая неуклюжая тетка в выдавшем виде толстом ватнике, резиновых чоботах и низко надвинутом на лоб выцветшем платке, собиравшая картошку, тоже заметила интерес Зимина и, разогнувшись, посмотрела на него, закрывшись от солнца ладонью как козырьком.

– Добрый день, хозяйюшка, – поздоровался Зимин. – Вижу, хорошо нынче картошка уродилась.

– А и верно, – ответила тетка неожиданно певуче, – грех жаловаться.

И тут, неожиданно для себя, Зимин нестерпимо, до слюнотечения захотев попробовать этой рассыпчатой горячей картошки, добавил:

– А нельзя ли угоститься вареной картошечкой? А я с вами рыбкай поделюсь.

– Отчего нет? Заходите, пожалуйста. Я поставлю сейчас варить картошку, а пока она сварится, можете обождать хоть в доме, хоть во дворе. А если хотите, можете в баньку, я с утра ее натопила, хоть и есть ванная в доме, я уж так, по привычке люблю баню нашу, деревенскую. Вам, городским, этого не понять.

– А откуда вы знаете, что я городской?

– Да уж знаю, видела вас с директором нашим, Петром Николаичем. У нас тут все про всех знают. Вы из Москвы, приезжаете на рыбалку каждый год, да Петру ныне не до рыбалки – вон какая авария на лесопилке, человеку руку отрезало, еле, говорят, самого спасли.

– Да, не повезло бедолаге. Хорошо, жив остался. А в баню с удовольствием, три дня не мылся, не считая полоскания в реке.

А сам подумал: банька, горячий обед – хорошо иметь в друзьях начальство. Лишь бы тетка не оказалась неряхой. Но картошка в мундире – не деликатес, ее трудно испортить, все лучше буфетной заветренной снеди.

Баня оказалась старой (не меньше века стоит, подумал Зимин), но не грязной и духовитой. Зимин мылся с удовольствием, вдыхая запах

трав, пучками висевших там и сям, когда вышел, увидел: хозяйка ссыпала собранную картошку в мешок, и досадливо подумал: неужели не сварилась еще картошка?

Не оборачиваясь, тетка сказала:

– Там накрыто все, вы уж идите в дом, увидите сразу кухню.

Дом, неприметный снаружи, внутри был весьма уютен и очень опрятен, кухня небольшая, но все сверкает чистотой: белоснежные занавески на окне, светлая матерчатая, а не клеенчатая, как любят в простых домах, скатерть. А на скатерти – все то, о чем мечтал Зимин последние полчаса: само собой дымящаяся картошка, соленые грибочки, домашние сыр и сметана, малосольные огурчики, после консервов и сухомятки рыбалки, даже разбавленных ухой, – просто пища богов. И на вкус все оказалось превосходным, давно Зимин не ел с таким аппетитом. Поев, посмотрел на часы – еще три часа до поезда, прилечь бы на диванчик, стоящий по городской моде здесь же на кухне, соснуть бы пару часов. Неудобно, вороне глаза сделали, так она еще брови требует.

В это время в кухню вошла сама хозяйка, и Зимин с удивлением увидел, что она совсем не стара, и, очевидно, успела наскоро сходить помыться, о чем говорил небрежно собранный влажный узел русых волос на затылке. Повернувшись спиной к Зимину, женщина заваривала чай, и он за секунды отсканировал ее крупные плечи, обтянутые скромным фланелевым халатом, широкие бедра,двигающиеся в такт движениям рук, крепкие белые икры, виднеющиеся из-под халата. Тут она повернулась к нему и Зимин наконец разглядел ее лицо, простое, славянское, наверное, никогда не знавшее кремов и помад, но милое в своей простоте, с красивым рисунком губ. Невольно сказал:

– А я вас за бабушку принял, чуть вас так не назвал...

– А я и есть – бабушка. У меня внучат трое. Старшему скоро двенадцать, тоже москвич. Были у меня на каникулах, только уехали. Школа скоро, готовиться надо.

– А вы одна живете?

– Да, с тех пор, как мужа похоронила. Дети семейные, каждый своей жизнью живет, но навещают, не могу пожаловаться.

– Мы даже не знакомы, я и имени вашего не знаю.

– Марья Васильевна, можно Марья, можно Мария, кто как зовет.

– А я – Владимир. Можно Володя.

– Вот и хорошо, Владимир. Теперь попейте моего чайку с медом, я его завариваю на травах, говорят, неплохо получается.

Говоря это, Мария ловко и бесшумно убирала тарелки со стола, ставила чашки, наливала в розеточки мед и варенье, и Зимин невольно залюбовался ее естественностью, чуть выгоревшими ресницами, густыми бровями, вряд ли знакомыми с пинцетом и карандашом, рос-

сыпью мелких веснушек на переносице. По правде говоря, это был не его тип женщин – слишком полная, слишком неухоженная, слишком деревенская, пожалуй, где-нибудь на московских улицах вряд ли его взгляд задержался бы на подобной, да еще одетой в традициях российской глубинки.

Жена Зимина, работавшая с ним в одном вузе, но на другой кафедре, считалась в свои почти шестьдесят модницей и красавицей, в нее до сих пор влюблялись ее аспиранты. Когда она изредка заходила к нему, кафедральные дамы с искренним интересом осматривали ее спортивную фигуру (занятия фитнесом и обязательный бассейн дважды в неделю даром не проходят!), затянутую в модное платье или брючный костюм, ноги в дорогих сапогах, стильную стрижку, и делали ей комплименты вполне заслуженные, впрочем, жена давно себе цену сложила и совсем не донимала Зимина своей ревностью, что было бы объяснимо в ее возрасте, учитывая неподдельный интерес красивых и молодых студенток к ее мужу, о чем ей периодически доносили околонаучные дамы.

Зимин не давал ей особого повода для беспокойства, и несколько его вялотекущих романов не внесли тревоги в их налаженную семейную жизнь. Кстати, все его пассии были того же типа, что жена, а одна из них, бывшая аспирантка, а теперь преподаватель его кафедры Аллочка в минуту откровенности призналась, что с самого начала Зимин покорила ее не только своим шармом и умом, но и как муж такой интересной женщины. В вузе их считали одной из самых красивых пар, и когда они вместе поднимались по лестнице, ими можно было залюбоваться: он всегда в хорошо пошитом, часто серого цвета, что гармонировало с седыми висками, костюме с поддетой вниз тоненькой дорогой водолазкой – одновременно строгость и богемность, она, умеющая быть яркой и вместе с тем уместной в любой ситуации, – было на что посмотреть.

Дочка выросла и, хоть рано, но удачно вышла замуж, сейчас переживает пору второй молодости и не вылезает от именитых московских стилистов, внучка учится за границей в престижном университете и, скорее всего, выйдет замуж там за своего бойфренда. В толпе Зимин порой замечал интересное женское лицо, походку, линии, но больше как эстет, он вовсе не был бабником, и его увлечения были больше ответом на женскую инициативу: ну не принято в мужском мире отказываться от того, что само в руки плывет, а если это само имеет глаза, как плоски, смотрящие на тебя с обожанием... мы не ангелы. Но и это прошло, как-то растворилось в годах, теперь бы спокойствия, уюта, стабильности...

Чай также был хорош, а мед был просто превосходен, и чтобы понять это, вовсе не нужно было слыть гурманом.

– Какое все у вас вкусное, Мария, – сказал Зимин. – А мед такой я, кажется, в жизни не пробовал.

– Это нашего местного пасечника. Продает неразбавленный, и вправду хорош.

Она зашла к Зимину за спину, открыла холодильник, и ему показалось, что это знак, немой укор, пора уходить. От чувства неловкости быстро встал и повернулся в тот момент, когда Мария закрывала холодильник и оказалась от Зиминова так близко, что он почувствовал резко запах ее мокрых волос, вдохнул духмяного тепла, напоенного ароматом каких-то чудных трав, где не было ничего искусственного, какими-то геничными дежавю, и его обдало таким мощным внезапным жаром, что если бы не оперся на стул дрожащими руками, потерял бы равновесие.

То, что случилось потом, Зимин много раз прокручивал в памяти как замедленную съемку, как рапидный план, как раздвоение личности: голова ясная и соображение здравое, но твои руки, твои губы, твое тело тебя не слушаются. Что за наваждение? Он вдруг увидел себя со стороны: его руки сзади сами легли на ее плечи, нос зарылся в русые волосы Марии, тело его буквально вдавило женщину в твердь холодильника, и не было на земле такой силы, которая смогла бы разжать сейчас это бешеное объятие. Женщина что-то резко говорила, пытаясь сбросить его руки, он слышал ее голос, но не мог вникнуть в смысл слов, руки жили самостоятельной жизнью и скользили вдоль ее плеч, груди, бедер. И вот она под его руками, под его глазами, под его сумасшедшей, звериной энергией, подобно лавине, сметающей все на своем пути. Очевидно, потом он быстро отключился и заснул на кухонном диванчике. Проснулся оттого, что Мария тронула его за плечо:

– Вам пора, опоздаете на поезд.

Взглянул на часы – точно, полчаса до поезда. Больше из вежливости сказал:

– А что, если останусь на ночь? Поезд и завтра будет.

– Нет, – ответила строго и твердо. – Ни к чему это.

Зимин оделся, испытывая неловкость. Хорошо, кочергой не огрела, пока он спал.. Как он мог? Поистине, мы сами не знаем, чего от себя самого можно ожидать. Спешно собрался, и, когда Мария вышла в прихожую за ним, увидел: она протягивает ему баночку меда.

– Вот, попьете в поезде чаю, вам понравилось.

Он протянул руку, чтобы взять подарок – в этой женщине, ее жестах, немногословии было столько простоты и безыскусности, она так не была похожа ни на кого, кто раньше вызывал в нем мужской интерес, что на него опять накатило мощной волной, не удержался, перехватив ее руку, мягко и осторожно поцеловал в районе запястья, потом, впервые, долгий нежный поцелуй в губы. Мария не сопротивлялась, дала увести себя в спальню, где Зимин, теперь уже медленно и неторопливо, снял с нее тот же простенький халат. Господи, думал Зимин, обнимая женщину, зачем придумали все эти диеты, все эти фитнесы и вечер-

ние пробежки, когда женщина должна быть мягкой, пластичной, широкобедрой, зачем все эти мази и притирания, пудры и помады, зачем? Наверное, он и раньше не раз в своем подсознании представлял себе этот «сон о забытой России», где дородные женщины символизируют гармонию, покой и уют русского мира, они как большая теплая русская печь, которая никогда не обжигает, а кормит всех и дарит непередаваемое ощущение спокойствия и умиротворенности.

– Расскажи о себе, – попросил Зимин.

Судьба Марии была типичной. Старшая из детей после восьмого класса ушла в доярки на ферму к матери – отец пьет, мать не может прокормить и воспитать целую ораву. Ведь училась хорошо, мечтала об образовании, о жизни в большом городе. А тут будущий муж вернулся из армии – краповый берет низко надвинут на лоб, под ХБ силушка неслетная. Почти что и не женихались, справили по-быстрому свадьбу, и она оказалась в доме свекров, которые были недовольны выбором сына и ничуть это не скрывали: бесприданница, голодранка, ни приготовить, ни убраться не может по-людски. То ли дело соседка Настя, приданое не умещается в сундуках, все в руках горит, все спорится. Даже с детьми мать мужа не помогала, у нее поясица, видите ли, болит, ей доктора не велели поднимать тяжести.

Чуть дети подросли – запил муж и даже стал поднимать на нее руку. А куда деваться, никто ведь ее не ждет. А потом в свои сорок лет в один год похоронила свекров и мужа, который пьяный зимой свалился в овраг и замерз. Главное для нее было теперь устроить жизнь детей, Бог помог, оба поступили в вузы, потом наладили свою семейную жизнь, сын, правда, работает не по специальности, пошел в таксисты, а дочка преподает в школе.

– Извини за бестактность: а сколько тебе лет сейчас?

– Сорок восемь.

– И что, больше не выходила замуж? Одной ведь нелегко, да и опасно.

Мария задумалась. По ее лицу пробежала смутная тень, чувствовалось, что разговор был неприятен ей, Зимин это понял сразу.

– Да, была такая попытка. Посватался через несколько лет после мужа один вдовец, бывший классный руководитель дочери, вроде приличный человек. А потом пошло: я у тебя в слугах, запиши часть дома на меня, ты из дому все отдаешь детям, и все в таком роде. Через три месяца выставила его вещи, а он еще потребовал вернуть старый чайный сервиз, его свадебный подарок. Так что последние пять лет я одна.

Зимин слушал журчащую речь этой простой женщины и понимал, что она ему ни разу не соврала, не пыталась казаться лучше, никого не осуждала и на судьбу не жаловалась. Просто отвечала на его вопросы, как могла, и язык у нее был не грубым, не деревенским, и вся ее бе-

зыскусная прямота была ее органической частью вместе с милыми веснушками, крупной кожей, крупными округлыми плечами.

Утром рано он сел на проходящий поезд и через семь часов был в своей квартире. Жены дома не было, очевидно, где-то зависает с приятельницами. В холодильнике – здоровая еда, всякая травка, фрукты, в ванной – сотни кремов, баночек, лосьончиков, пузыречков. Вспомнились вкус Марииной картошки, хруст огурчиков, запах соленых грибков.

Это грубая еда, жена ничего подобного не станет держать в доме. Что делать, мы живем в эпоху искусственной еды, ненатуральных людей, синтетических отношений, неблагодарных избалованных детей и жен, которые стремятся не в дом, а из дому, мужей, которые воспринимают семью как надоедливую обузу и пытаются добрать эмоции на стороне.

Сентябрь и октябрь пронеслись в калейдоскопе маленьких и не очень дел, и вдруг Зимин ощутил такую тоску и пустоту в сердце, причину которых не знал сам. Сплин крошечными шажками подбирался к нему, брал за горло ночью и не давал спать. Монография, которая была в плане сдачи на декабрь, не сдвинулась ни на страницу. Ничего не трогало, ничего не радовало, есть не хотелось, и Зимин почувствовал, как ему стали велики брюки. Жена настаивала на детальном обследовании, но этого хотелось меньше всего.

Иногда ему снилась Мария в своем простеньком фланелевом халатике, вполоборота, с влажным пучком русых волос на затылке. Может быть, поехать к ней? А что потом, что дальше? Его желание увидеть Марию не имело ничего общего со страстью, с влюбленностью, так хотят прислониться, прижаться к очень близкому человеку, чтобы напитаться доброй силой, взять чуть-чуть энергии света и теплоты.

Неожиданно позвонил Петр, сказал, что он в Москве на совещании, предложил встретиться в ресторане при гостинице. Зимин только начал лечиться и уже закупил килограмм лекарств, а еще друзья-коллеги должны были привести из-за границы новомодные препараты. Все врачи в один голос убеждали его, что нет ничего серьезного, но каждый нашел что-то свое по мелочи, в итоге – все до кучи. Поэтому не было ни особого настроения, ни особого желания уходить из дому, но с Петром как не встретиться? Действительно, друг вывел его на время из депрессии, они посидели, выпили, потом Петр проводил его до машины.

– Кстати, чуть не забыл, тебе ведь гостинчик передали. Помнишь Марию, которая тебя угостила вареной картошкой? Вроде бы, сказала она, мед наш пришелся тебе по душе.

Зимин взял банку с медом, завернутую в целлофановый пакет, поднес его близко к носу, вдохнул медовый аромат изо всех сил. Теперь он отчетливо знал: любая фармакология ему без надобности. У него есть чудо-лекарство, где каждый грамм напитан целительным бальзамом...

Вниманию читателей предлагается специальная подборка стихов Алима Алафаева, посвященная исключительно одной женщине, которую автор называет древним балкарским именем Ариука и считает своей Музой.

ПОДАРОК

Я в день рождения грущу,
Но сердце бьется жарко.
Тебя, любимая, прошу
Не покупать подарка.

Подарок ты, мой друг, сама,
Прекрасный и бесценный.
Я без тебя схожу с ума,
Брожу, как тень, бесцельно.

Ты в этот день со мной побудь
И спой, как прежде, песню.
Люблю волнующую грудь
И голос твой чудесный.

И пусть глаза горят огнём –
Два золотых колечка,
Хочу мятежным февралём
Познать и миг, и вечность...

Улыбку утренней зари
Ты подари в постели,
Когда погаснут фонари
И стихнет стон метели.

ИСТИНА

Искал я истину у бога,
И в книгах, и в вине искал.
И привела меня дорога
В аул, затерянный меж скал.

Сияло солнце в день чудесный,
Горянка пела у реки.
С земных глубин, с высот небесных
Рождался голос Ариуки.

Ущелье брызгами звенело,
И вместе с бурною рекой
Запели вдруг душа и тело,
Пленяясь песней неземной.

И в небе молния блеснула,
И пламя вспыхнуло в крови...
Я низко кланялся аулу,
Увидев истину в любви.

В ОСЕННЕМ ПАРКЕ

Зарделись стыдливо берёзы,
Роня осенний наряд.
И, вспомнив весенние грёзы,
Влюбленные клёны горят.

И солнце целуется жарко,
И лица от листьев светлей.
Гуляю с возлюбленной в парке,
Что Музою стала моей.

Любуясь кудрявой сосною,
От страсти дрожат деревца.
Мы встретились ранней весною,
Когда зеленели сердца.

Смотри, как игривая белка
Свой хвост распушила опять
И прыгает с ветки на ветку –
Так годы, играя, летят.

Бессмертны влюблённые души:
Мы вместе, пройдя путь земной,
Воскреснем женою и мужем
И встретимся снова весной.

А небо синее бездонно,
Волнуясь осенним огнём...
Сегодня особенно долго
Мы в парке гуляли вдвоём.

АРИУКА

Из всех на свете горных рек
Люблю бушующий Черек.
Я здесь, судьбу держа в руке,
В любви признался Ариуке.

Открылась нежность снежных скал,
Робея, взглядом их ласкал.
Проснулась в жилах предков кровь –
Бушуй, Черек, моя любовь!

Познав земную благодать,
Я не хотел бы умирать.
О, Ариука, ты пой, играй,
Продли улыбкой жизни рай!

Когда уйду я в мир иной,
Не расставайся ты со мной.
Я буду ждать, не торопя,
Тебя по-прежнему любя.

Чтоб совладать с земной тоской,
Приди к реке и песню спой –
Воскресну снова у реки,
Услышав голос Ариуки.

Лаская волнами тебя,
Лучами косы теребя,
Я ветерком прильну к руке...
Ты приходи всегда к реке.

И верь, потом, через века,
Мы будем здесь наверняка,
Нас будет ждать Черек-река,
Мой светлый ангел, Ариука!

ДОРОГА ЛЮБВИ

Прошло семь лет, но с прежней силой
Бушуют волны чувств в крови.
Мы нынче к берегу прибились,
Создав семью – причал любви.

Люблю, когда, волнуясь, море
Качает лодку, как кровать,
В мерцающем, как небо, взоре
Земные страсти открывать.

Нам улыбались воды Клязьмы,
Где мы, обласканы судьбой,
Писавшей будущее вязью,
Сроднились телом и душой.

Люблю с тобой, взлетая в небо,
В истоме сладостной парить.
Могу прожить без соли-хлеба,
Но без любви мне не прожить.

Я помню первый вечер лунный,
Как будто было всё вчера.
Трепещет сердце так же юно,
Стихи читая до утра.

Открыт нам Млечный путь судьбою,
И мы идём – в руке рука.
А звёзды шепчут меж собою
Земное имя: Ариука!

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ

Убедился в силе слабых женщин,
Что надёжней многих мужиков.
Женщины познали жизнь не меньше,
Вознеся и дружбу, и любовь.

Но, держа в руках пивную кружку,
Ницшеанец скажет вам любой:

Не способны женщины на дружбу,
Им, как кошкам, подавай любовь.

Ох, неверно это утверждение!
В дружбе дамы более верны,
Чем джигиты, что таят сомненье
В преданности собственной жены.

Ты не жил в горах, философ Ницше,
И не понял женщин и Восток.
Говоря о расе новой, высшей,
Как унижить матерей ты мог?

И зачем учил твой Заратустра,
Что для женщин нужен только кнут?
Если нет волнующего чувства,
То мужчины к дамам не идут.

Знает мир, как в грозном сорок пятом,
Родину свою любя сильней,
Шли к Победе славные солдаты,
Мстя за жён, сестёр и матерей.

О, мужчин обиженных гордыня,
Ты войну рождаешь двух миров:
Превратив прекрасный пол в рабыню,
Ожидай восстания рабов.

Учит свету и добру природа,
Днём и ночью трудится она:
Нас ласкает солнце с небосвода,
Ночью улыбается луна.

Веселятся, точно дети, звёзды,
Зарождая на земле любовь.
Кланяюсь я мамам, жёнам, сёстрам.
Кто их сможет превратить в рабов?

Успокойтесь, удалыцы-мужчины,
Слушайте клекочущий мой стих:
Женщины сияют, как вершины,
До которых надо дорасти!

Я страдал без них и вместе с ними,
Но познал и радости любви.
Спеть хочу им песни, оды, гимны,
Как не пели даже соловьи.

В них талантов и ума не меньше.
И любовь, и дружбу их ценя,
Я пою одну из лучших женщин,
Что поэтом сделала меня!

ТАИНСТВО ЛЮБВИ

Блаженство даришь настоящее,
Когда целуешь при луне
Меня, почти уже не спящего,
В рассветной зыбкой тишине...

Луна застыла одинокая;
Халат снимая из парчи,
Глядит в окошко ясноокая
И что-то шепчет мне в ночи.

Зари любуясь позолотою,
Она, как нежная жена,
Восхода ждёт, борясь с дремотою,
И страстью томною полна.

В любви все радости дозволены,
В природе предрассудков нет.
Утёс всегда обласкан волнами,
Как избалованный поэт.

Теснины и ущелья горные
Пронзил, любя, восхода луч.
С утра целует горы гордые
В истоме сладкой стайка туч.

Поэтам дарят вдохновение
Напевы пенистой волны
И солнца жаркого затмение
В объятьях любящей луны.

Любовь – чудесная субстанция,
Она и в душах, и в крови.
И в мире нет светлее таинства,
Чем благодать земной любви.

ПЕСНЯ О ГОРЯНКЕ

О прекрасной царственной Елене
И войне Троянской пел Гомер.
Красоту грядущим поколениям
И любовь прославить он сумел.

Пели песни о любви поэты,
Чувства нет светлее и сильней.
Воспевая юную Джульетту,
Умирали, как Ромео, с ней.

Красота поэта опьяняла
И в огонь бросала с головой.
Восхищаясь Шаганэ и Лалой,
Пел сирени пламень голубой.

Счастлив тот, кто встретил Беатриче.
Он, пленённый розой золотой,
Воспевал любви святой величье
И в тоске покинул шар земной.

О, Гомер, Шекспир, Есенин, Данте,
Всех прекрасней всё же Ариука!
Дай, Эльбрус, священный жар таланта,
Чтоб воспеть горянку на века!

Ариука, чей стан стройней чинары,
Солнцем и луною рождена!
Расточает чародейка чары
И поёт, как звонкая зурна.

Косы льются, словно водопады,
А улыбка ландышем горит.
Тают горы под янтарным взглядом,
Что нежнее утренней зари.

Обнимает голову косынка,
Стих журчит из родниковых уст.
Танзилю, Кязима и Кайсына
Ариука читает наизусть.

Замирает время облаками,
Затихает вечный шум реки,
Бог орлом парит под небесами,
Наслаждаясь чудными стихами,
Что звучат из сердца Ариуки.

ВЕРШИНЫ ЭЛЬБРУСА

Я пою родниковые чувства,
Тонкий стан виноградной лозы,
Белоснежные груди Эльбруса,
Поступь легкую горной козы.

Нежным взглядом у речки целую
Загорелые плечи твои.
Лаской ветра берёзку балую,
Жарче клёна шепчу о любви.

Мы с тобою – жених и невеста –
По тропе каменистой идём.
Поклялись, что всегда будем вместе –
Как вершины Эльбруса – вдвоём.

О, ресницы, как хвойные стрелы,
Сладко раните душу мою!..
На Эльбрусе снег чистый и белый,
Как любовь, о которой пою.

ПОД ОДНИМ ЗОНТОМ

Осенью унылою,
Даже под дождём,
Я гуляю с милою
В парке городском.

Бродим мы, влюблённые,
Под одним зонтом...
И берёзкам с клёнами
Дождик нипочём.

Золотыми листьями
Их слова горят,
Трепетно и искренне
Что-то говорят.

Я уже не с проседью,
А совсем седой,
Но, гуляя осенью,
Молод, как весной.

Пронеслись сторонкою
Тучи-облака.
Льётся песня звонкая,
Звонче ручейка.

О, глаза янтарные –
Жар лучей в крови,
Никогда не старятся
Песни о любви!

Как берёзки с клёнами,
В парке городском
Замерли влюблённые
Под одним зонтом...

БАЛКАРИЯ – ПЕСНЯ МОЯ!

Страдая сердечною болью,
Покинул родные края.
Ждала с материнской любовью
Балкария – песня моя.

Искал своё счастье далёко,
Черек волновался, звеня
Зурною в теснине глубокой,
Балкария – песня моя.

Блуждая в коварном тумане,
Я шёл, о спасенье моля.
Служила в пути талисманом
Балкария – песня моя.

Найти легкокрылую Музу
Помог мне, скажу не тая,
Совет поднебесный Эльбруса,
Балкария – песня моя.

С невестой в край горный и синий
Я мчусь, подгоняя коня.
Встречает счастливого сына
Балкария – песня моя!

МОЯ ЗВЕЗДА

Мои друзья – как звёзды в небе,
Они даруют радость мне.
Живу, делюсь вином и хлебом,
С годами их любя нежней.

Друзей теряю по дороге,
Сужается мой звёздный круг.
Лишь об одном молю я Бога,
Чтоб рядом был любимый друг.

Когда друзья мои погаснут
Лучами в синей вышине,
Одной звезде на небе ясном
Молиться буду в тишине.

Прошу, звезда моя, не падай,
Ты мне навеки отдана!
Жизнь без тебя мне станет адом,
Мой верный друг, моя жена.

Люблю тебя на звёздном небе...
Ты надо мной всегда гори
И пой, делюсь вином и хлебом,
До самой утренней зари.

ЗВЁЗДНЫЙ БУКЕТ

Ландыши на небеса
Разбросал весенний ветер.
Зреют звёзды-чудеса
В сердце пылкого поэта.

Соберёт букет цветов,
Повторяя нежно имя.
Колокольчики стихов
На заре подарит милой.

И на миг сойдёт с ума
Амазонка от подарка.
В сакле солнечной сама
Поцелует в губы жарко.

О, весенний звон в крови,
Кто тебя не ждёт, не хочет?!
Колокольчики любви,
О, безумство дня и ночи!..

ГОВОРЮ МУЗЕ

*«Послушайте, люди, что скажет Кязим,
Я много хорошего знал и дурного.
Пришла ко мне старость, как тысяча зим...
Пусть с вами живёт моё доброе слово!»*
Кязим Мечиев

О, дочь небес, не покидай под старость...
Ты славила улыбку снежных гор
И звонких амазонок нежный взор
И, как заря, в душе моей осталась!

Народ запомнил с гордостью и грустью
Героям посвящения твои,
И песни о горянках и любви,
И гимны белокрылому Эльбрусу.

О, верный друг, любимый и чудесный,

В моей груди горит огонь зари,
Не уходи и слов не говори,
Побудь со мной, пока слагаю песни!

Ты помоги, о, Муза, дар небесный,
Спаси мой край от туч и облаков.
За родину я жизнь отдать готов,
Слагая смело солнечные песни.

Кую подкову счастья для народа
Я, в кузнице кязимовской звеня...
Хочу до деревянного коня
Оставить дар свой – Радугу Свободы!

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Прими признание поэта,
О Муза светлая моя,
Ты как восьмое чудо света,
Зарею в сердце у меня.

Расстанусь рано или поздно
С планетой нашей голубой.
Взлетев орлом к далёким звездам,
Одну тебя возьму с собой!

В ПАМЯТЬ О ПЕРВОМ УЧИТЕЛЕ

Х. О. Шериев

Нет, Хасен Шериев не был моим школьным учителем. Он был первым, кто увидел мои детские стихи. После мамы, конечно. Именно мама, которая по праву матери высоко ценила творчество (какое высокое слово!) своего ребенка, взяла потихоньку мою тетрадку и отдала почитать Хасену. И с гордостью потом рассказывала, что первый мой критик увидел во мне проблески таланта.

Хасен Олиевич Шериев – уроженец Каменномостского, родился в 1923 году. Судьба его была не из легких. В 1941 году ушел на фронт. Испытал ужасы фашистского плена, после войны попал на Донецкие шахты. В родное село вернулся после 1953 года. С согласия родителей написал письмо любимой женщине Нине, и она приехала к нему с Украины. Научилась сносно говорить на кабардинском языке, в пожилом возрасте даже приняла ислам, чтобы ее могли похоронить рядом с дорогой Шурой (так она звала мужа).

Конечно, тяжелые испытания, репрессии наложили отпечаток на всю его жизнь. Много не сложилось так, как мечталось. Долгое время его не принимали никуда на работу. Верный друг и фронтовой товарищ, легендарный директор Каменномостской СШ Мухаб Алимович Камбиев даже пытался устроить его в школу пионервожатым. В годы оттепели Хасен Олиевич заведовал сельской библиотекой. Несмотря на разницу в возрасте, он дружил с моими родителями и часто бывал в нашем доме.

Это был самородок, всю жизнь тяготевший к творчеству, к поэзии, журналистике. Его стихи и заметки часто появлялись в районной газете «Заря коммунизма». И еще он вел сельское радиовещание. Старшие помнят, что когда-то в каждом селе был свой радиопузел. Я и сейчас словно слышу его глуховатый голос из маленького приемника на подоконнике: «Псалъэр Каменномост радиопузельращ» («Говорит радиопузел Каменномоста»). Каждый вечер он выходил в прямой эфир из комнатки в правлении колхоза, рассказывал сельские новости, приглашал к микрофону учителей, врачей, и даже мне посчастливилось выступить у него – мы с подружкой, ученицы примерно 3-го класса, спели две песенки. Так что Хасен, можно сказать, стал основоположником и моего прямого эфира на радио.

В конце последнего учебного года Шериев взял у меня стихи и отнес в районную газету, их напечатали. Так мои школьные друзья узнали, что

я что-то сочиняю и даже собираюсь поступить в Литературный институт имени Горького. Не все, конечно, восприняли это известие всерьез.

И вот я окончила школу и поступила в институт. После первого курса на каникулах меня навестил Хасен и принес свою поэму «Альхат и Саихат»: «Переведи!». Отказать ему я не имела права, хотя уверенности в своих силах не было. За лето работа была закончена и торжественно вручена автору. Потом он опубликовал ее в нашей районной газете. Пожалуй, это была самая большая его публикация за всю жизнь. Еще он выпустил один маленький сборник стихов «Си кьуажэгьхэр» («Мои односельчане»).

Поэма «Еще одна легенда о любви» (я позволила себе вольность поменять название) – моя студенческая работа, с которой я хочу познакомиться читателей. Это не для строгого суда, это в память о нем, о моем первом учителе, по большому счету указавшем мне путь.

Хасен ШЕРИЕВ

ЕЩЕ ОДНА ЛЕГЕНДА О ЛЮБВИ

Утихает юная листва.
Там, в саду, запели про разлуку.
Вслушиваясь в грустные слова,
Гладит нана маленького внука.

Опираясь тяжко на клюку,
Бабушка о чем-то вспоминает.
Сказ о том, что знала на веку,
Внуку ли, себе ли, – начинает.

Как-то раз лихой стрелок Долет
Был в гостях у друга – Мухамета.
Как тропа неповторимых лет,
Долго и тепло текла беседа.

Был хмельной махсымой пир богат,
Красноречьем, древним, словно горы.
И стоял над старшими Альхат –
Сын Долета, гордость и опора.

Он воспитан верным сыном гор,
Для него слова седого святы.

Но впервые мудрый разговор
Мимо слуха зря течет куда-то.

А всему виною Саихат,
Дочь хозяев, украшение дома.
Жадно ловит взгляд ее Альхат.
Запылала оба незнакомо...

Попрощался с другом Мухамет,
Молча стремя придержал рукою.
И смотрел, не отрываясь, вслед
Всадникам, пропавшим за рекою.

Ночь над миром. Саихат не спит.
Что ей очи юноши сказали?
Сон, как заяц, от нее бежит.
Всё Альхат стоит перед глазами...

На коня вскочил и ускакал,
Лишь глазами и успел проститься.
А девичья светлая тоска
Вслед рванулась раненою птицей.

Милый, страшно сердцу в первый раз.
Это мне звезда судьбы блеснула.
Прокляну себя, что родилась,
Если я в надеждах обманулась.

Как бывало в лучшие года,
На охоту выехали други.
И не знала дружба, что вражда
Ходит рядом, потирая руки.

Повезло приятелям: стрелки
В два ствола в долине взяли лося.
Разом нажимали на курки.
Повезло. Но что вдруг поднялось тут!

– Мой свинец! – довольный Мухамет
Длинный ус уверенно пригладил.

– Нет уж, мой! – Обиженный Долет
Гордо отвечал, на друга глядя.

– Я сразил! – бледнеет Мухамет.
– Я попал! – Долет сжимает зубы.
И забыв о дружбе стольких лет,
Дулами ощерились безумцы...

И хотя до крови не дошло,
Дружба их оборвалась навечно.
Честно поделен злосчастный лось,
Но смотрели в стороны при встрече...

Молодость рекой меж берегов
Отверкала, протекла, замолкла.
Обернулась распрей двух врагов
Двух друзей нелепая размолвка.

Разве можно перегородить
Сердцем проторенную дорогу?
Знай, мой внук: огонь в живой груди
Потушить под силу только Богу...

Не хотят упрямые отцы
Прекратить вражду между собою.
Но любовь не думает остыть,
В двух сердцах тaitся жгучей болью.

Бредят ночи в полыханье грез,
Дни ползут в тревожном ожиданье
Примиренья или новых гроз.
Все напрасно! Так гласит преданье.

Все не смел отцу открыться сын
И прийти, как говорят, с повинной.
Наконец отчаянный один
Передал Долету просьбу сына:

«Незачем невесту мне искать.
Правду я решил тебе поведать.

Дочка Мухамета – Саихат
Мне милей всех девушек на свете».

Услыхав подобные слова,
Старец в гневе за кинжал схватился.
Но поникла трудно голова.
Снежноглавый в думу погрузился.

И решил, смиряя гнев, Долет:
«Кто же победил в проклятом споре?
Оба проиграли. Дружбы нет.
Пусть же буду я повинен в ссоре.

Почему несдержанность отцов
Детям приносить должна несчастье?
Ради радости, в конце концов,
Помирюсь – ведь это в нашей власти!»

И сказал он, помня о былом:
«Мухамет, и мы с тобою смертны.
Не хотел бы я твоим врагом
Непрощенным умереть, поверь ты!

Счастье, если дружбу мы вернем.
Если ты простил, то я не скрою:
Дочь твою, что озаряет дом,
Видеть я хочу своей снохою».

Долго медлил старый Мухамет,
И, седою головой качая,
Издалека начал свой ответ:
«Если друг, в ком я души не чаял,

Хочет отказаться от вражды,
Я готов пойти ему навстречу.
Но о дочке – тут уж подожди,
Есть закон, нельзя ему перечить.

Прежде чем сноху из дома брать,
Мне, отцу, калым – а как иначе!
Золотом туманов двадцать пять
Да черкеску с поясом в придачу».

Выслушав условия, Долет,
Стиснув зубы, заходил по дому.
Что там золото – и меди нет!
Тошно молодому и седому.

Сакля грустно клонится к земле,
Так и рухнет, кажется, под ветром.
Ночью горечь возится в золе
Очага, отвыкшего от света.

А Долет, охотник тот лихой, –
Ноги он едва переставляет.
Со стены трясущейся рукой
Ржавого оружия не снимает.

За рекой орех устал ронять
Листья на тропу чужих свиданий.
Никогда природе не понять
Горьких человеческих страданий.

Чем залечишь рану двух сердец?
Не окупишь никакой ценою.
Только счастье может боль стереть.
Но рубцы всегда о прошлом ноют...

Прячась от прохожих и луны,
Приходил Альхат к любимым окнам.
Песни и глаза его полны
И надежды, и тоски глубокой.

Всякому терпенью есть предел.
И железо не всегда железно.
Удивишься, как не поседел
Наш влюбленный в муке бесполезной.

И решившись, Мухамету он
Передать такие речи просит:
«Дада, это слово, словно стон,
Обратить к тебе не смел бы вовсе.

Только жизнь мне будет не нужна,
Если в дом мой Саихат не вступит.

Правда, сакля старая бедна,
Но за деньги счастье разве купишь?!

Я не в силах заплатить калым,
Ты об этом знаешь сам, конечно.
Не казни безвинных словом злым,
Награди их радостью навечно».

– Если так, – ответил Мухамет,
Докажи, что ты адыг без страха.
Дочь отдам, коль сможешь одолеть
Ты святую гору Ошхамахо.

Роковое слово он изрек
И скривил в усмешке злые губы,
Точно знал безжалостный игрок
Час, когда влюбленного погубит.

Ослепленный близостью мечты,
В путь Альхат пустился, не робея.
Думал парень: «Одолею льды –
Будет Саихат навек моею».

Ниже станьте, ниже, выси гор,
Путнику свои подставьте плечи!
Солнце, разгони орду снегов,
Помоги печали человечьей!

Только солнце предпочло нырнуть
В облака, лисой в снега зарылось.
А вершина шаль из туч на грудь
Натянула, словно застыдилась.

Загремела высь, и злой аркан
Молнии обвил слепое небо,
Выдрал кожу, и сейчас из ран
Хлынул дождь, мешаясь с мокрым снегом.

Из последних сил идет Альхат,
И ничто его не остановит.
Раны на ногах кровоточат,
Бездна капли крови пастью ловит.

И всего осталось, наконец,
Одолеть ледовую папаху.
Там он сбросит с ног и плеч свинец,
Словно дань упрямой Ошхамахо.

Он идет, снега плечами рвет,
Только мало одного упорства,
Если с ног сбивает гладкий лед
И, как призрак, исчезает воздух.

Ветер, оседлав летящий снег,
Буйной гривой хлопья разметает.
Рад, что погибает человек,
В ледяной рубашке застывает.

– Стой, несчастный! – злобно свищет ветер. –
Только смерть найдешь ты в царстве льдов.
Если ты погибнешь в скалах этих,
То на кой тебе тогда любовь?!

– Чертово отродье, дай дорогу!
Лучше я вовеки не вернусь,
Чем сверну с пути, поверив року,
Обвенчавшись с грязной кличкой «трус»!

– Стой, глупец! Назад, пока не поздно!
Шаг еще – и вмиг оледеню!
– Погубить меня, конечно, можно,
Только слову я не изменю.

Лютый ветер взвился, загудел,
Как стекляшка, треснул лед степенный.
Словно кто гряде снегов задел,
Выросли погибельные стены.

Но Альхат идет на дальний свет,
Падает, встает и дальше лезет.
Хлещет в скулы разъяренный снег,
Ветер в грудь вонзает вспышки лезвий.

Чувствует отважный, на него
Ледяные обручи надели.

Все наглей и злей победный вой.
Пал Альхат под жуткий смех метели.

Ветер кудри парню растрепал,
Саваном набросил льдистый иней.
К телу непокорного припал,
Чтобы превратить в осколок льдины.

В этот миг последний Саихат
Встала в потухающем сознании:
«Я люблю тебя, вставай, Альхат,
Я с тобой, возьми мое дыханье!»

И собрал Альхат остаток сил
И взошел по ледяной перине
На вершину – и на ней застыл.
Так и стал святой горы вершиной.

Услыхав от ветра злую весть,
За волосы Саихат схватилась.
Мир постылым показался весь,
Красоты и смысла жизнь лишилась.

Заклешнила сердце ей тоска,
Повела в разлив пурги бездонной.
Ненавистней гроба дом отца,
Сделавшего жизнь ее бездонной.

Обнимая девичью печаль,
Виновато небо заплескалось.
Тучи тихо потянулись вдаль,
Ветер стих, улегся барсом в скалах.

Только тень да верная звезда
С нею шли по горестному следу.
И пробила глыбу льда слеза,
И скользнула ласточкой по снегу.

Горько крылья губ роняет рот:
Вот и все. И рухнула решимость.
Тот, о ком во сне мечтала – лед,
Белая безмолвная вершина.

– Только раз открой еще глаза, –
Сквозь рыдания Саихат просила.
И очнулась, уступив слезам,
Тихо глыба льда заговорила:

– Жизнь моя, я об одном прошу:
Поспеш в долину возвратиться.
Да, я ждал тебя, но не хочу,
Чтоб ты в лед посмела облачиться.

Возвращайся поскорей домой,
Не хочу, чтоб ты себя сгубила.
Позабудь навеки облик мой.
Полюби другого, если в силах.

– Я уйти отсюда не могу.
Требуй все, что хочешь, но не это.
Для кого я жизнь приберегу,
Если больше нет тебя на свете?!

Я отсюда шагу не ступлю,
Я с тобою рядом, как хотела.
Лишь тебя любила и люблю.
Мигом сердце вырвала из тела

И, простившись с болью навсегда,
Саихат в ладони сердце сжала.
Тоже превратилась в глыбу льда
И второй вершиной рядом встала.

Говорит преданье – и теперь
Сердце в той ладони все не стынет.
На одном из склонов – верь, не верь –
Потому и снега нет донныне.

Посмотри на Ошхамахо, сын,
Тех вершин и годы не меняют.
Так сильна любовь холодных льдин,
Что снега – хоть вечны – вечно тают.

*Перевод с кабардинского
Ларисы Маремкуловой*

*Наталья ШИНКАРЕВА,
председатель исполкома Совета ОО
«Общество книголюбов КБР»*

«КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЁТСЯ...»

В рамках программы «Забота о чтении – забота о будущем нации» Общественная организация «Общество книголюбов Кабардино-Балкарии» вот уже восьмой год, при участии ОО «Союз писателей Кабардино-Балкарии» проводит литературный конкурс «Как слово наше отзовётся...», посвященный творчеству писателей КБР.

Мы начали работу с юными книголюбями над переводами текстов с родного языка на русский еще в те времена, когда проблема художественного перевода произведений кабардинских и балкарских профессиональных писателей на русский язык в постсоветский период фактически не ставилась и не решалась. Было много разговоров её обозначающих, но обобщающих работ по теории и практике перевода не было.

Художественные переводы с кабардинского и балкарского языков в последние годы почти не появляются на книжных полках. А без взаимобмена духовно-художественными ценностями литература малочисленных народов имеет все шансы утратить свою жизнеспособность.

Благодаря хорошим переводам на русский язык произведения писателей КБР вписываются не только в многонациональный литературный процесс нашей республики, но и во всероссийский контекст. Творчество многих наших авторов, пишущих на родном языке, отличается хорошим художественным стилем, отражает высокий интеллектуальный уровень и литературную эрудицию, но, не имея хорошего перевода, они лишены равноценных возможностей с русскоязычными писателями для широкой популяризации своего творчества – публикации в центральных периодических изданиях, участие в общероссийском и зарубежном литературном процессе.

Осознавая, что художественный перевод и развитие национальной литературы – звенья одной цепи, мы поставили себе цель вырастить своих переводчиков, которых будет объединять язык, история, культура народа и его менталитет.

Вместе с тем, понимали и понимаем сегодня сложность поставленной задачи. Ведь любой перевод – это воссоздание нового произ-

ведения. Переводчик должен иметь тонкий вкус, обостренное художественное чутье, талант писателя, чувство стиля. Немаловажно, конечно, и содержание произведения, его структура и наполнение. И вот

на этих двух основных моментах мы заостряли внимание начинающих юных переводчиков, акцентируя его на углубленное знание родных языков и тонкости стилистики русского языка.

Традиционно конкурс приурочен ко Дням памяти и юбилеям наших известных литераторов, и в этом году посвящается творчеству:

Залиханова Жанаката Жунусовича – 105 лет;

Гулиева Мажита Саматовича – 90 лет;

Журтова Биберда Кумыковича – 85 лет;

Оразаева Афлика Пшимаховича – 75 лет.

К юбилеям:

Мусукаевой Сакинат Анзоровны;

Кошубаева Джамбулата Пшимафовича.

Конкурс проводится по 2-м номинациям:

«Художественное слово» – участники читают произведение, или отрывок любого из авторов.

«Литературный перевод» – в этой номинации конкурсанты самостоятельно выбирают любое стихотворение или отрывок из прозаического произведения писателей для перевода с оригинала на русский язык и с русского на родной.

Возраст участников последние три года не ограничен, так как учителя, библиотечные работники, родители, готовя своих юных конкурсантов, сами включились в переводческую работу и обратились в Общество книголюбов с просьбой снять возрастные ограничения для номинации «Литературный перевод».

В итоге было представлено более тридцати работ, из которых, по мнению жюри, большая часть все еще походила на хороший подстрочник. Но были и работы, которые порадовали и воодушевили, так как роль перевода национальной литературы и необходимость воспитания своих переводчиков высока, и мы еще раз утвердились в своем намерении продолжать работу в этом направлении.

Критериями в оценке и отборе работ в номинации «Литературный перевод» у жюри были: язык, стилистические особенности, логика изложения, передача национальной специфики подлинника,

художественный (не подстрочный) перевод; содержание, знание материала, использование архивных данных, а также оформление работы (наличие фотографий, рисунков и т. д.).

Победителям во всех возрастных категориях присуждены денежные премии Общества книголюбов Кабардино-Балкарии. Лауреаты получают поощрительные призы – дипломы, грамоты. Также предусмотрены именные премии членов Совета и актива «Общества книголюбов КБР».

Считаю необходимым отдельно отметить и поблагодарить неизменный костяк нашего жюри, который посвящает много времени анализу и оценке работ: читает, пишет рецензии, дает рекомендации по работе над ошибками, проводит консультации. И при этом всё, они заняты своей ответственной работой и творчеством. В частности, Сафарби Бейтуганов постоянно старается донести до участников понимание того, что переводчик не меньше, чем оригинальный автор, нуждается в прототипах, в поисках жизненных ситуаций, схожих с теми, которые ему предстоит воссоздать своим пером, на своем языке, и не может автоматически подбирать эквиваленты слов. Перевод возникает на пересечении двух действительностей – переводчика и автора.

Мы сердечно благодарим Ларису Маремкулову, Сафарби Бейтуганова, Муталипа Беппаева за преданность нашему, надеюсь, благородному делу.

Победителями конкурса перевода 2022 года в блоке прозы стали:

Средняя группа:

1 место – Забакова Аминат (Медицинский колледж КБГУ, 1 курс;

2-е место – Балкарова Дарина (МКОУ «СОШ № 3 им. Т. К. Мальбахова» г.п. Терек);

3-е место – Кушхабиева Камилла (ГБОУ ДАТ «Солнечный город» Литературная студия «Свеча»).

Старшая группа:

1 место – Лукожева Залина Тимуровна (г. Нальчик);

2 место – Сихова Светлана Зауровна (г. Нарткала);

3 место – Тхагапсоева Альбина Султановна (МКОУ «СОШ № 2 им. Дж. Т. Хагажеева» с. п. Лечинкай).

Учитывая тот факт, что для перевода были выбраны очень сложные произведения (в основном Афлика Оразаева), жюри приняло решение призовых мест в поэтическом блоке не присуждать.

Неоспоримо, что искусство перевода состоит в осознании непереводаемости оригинала, смысл которого обнаруживается в метафорическом языке. Неосведомленному читателю или переводчику, конечно, трудно понять смысл выбранных для перевода строк. В этой работе

важно войти в образный мир поэта и передать его идентичными образами. Однако нашим начинающим переводчикам еще не хватает опыта, они не всегда учитывают индивидуальные особенности творчества писателя, традиции и специфику национальной литературы, не вникают в его образный мир.

Переводам, выполненным с помощью подстрочников, очень сложно придать поэтическую форму. Понятно, что абсолютный поэтический перевод невозможен, что-то неуловимое, не передаваемое средствами другого языка, всегда останется. Но главное, и об этом мы постоянно напоминаем своим участникам, чтобы сохранилась сама суть стихотворения, дабы «не выплеснули ребенка вместе с водой», как это произошло с переводами из А. Оразаева.

Конечно, идеально, когда переводчик в совершенстве владеет языком оригинала. Но для того чтобы чувствовать поэзию на этом языке, нужно обладать редким даром. Владение разговорным языком дает лишь иллюзию приближения к поэтическому оригиналу, и здесь, конечно, нужна поддержка автора, или наставника, который проведет правильной дорогой по извилистым лабиринтам своего творчества. Хороший подстрочник тоже немаловажен, и здесь труды наших курсантов далеко не бесполезны и могут быть использованы в дальнейшей работе над текстами. Задача наша остается актуальной – обучать желающих искусству перевода, стараться расширять их знания.

Другими словами, вопрос о переводе художественной литературы поставлен, проблема существует, и мы по мере своих сил и возможностей над ней работаем.

В статье, написанной автором для журнала «Литературная Кабардино-Балкария», представлен опыт изучения рукописей А. С. Пушкина из рабочей тетради ПД 846 и комментариев к ним. Предлагается пересмотреть утвердившееся мнение о незаконченности произведения «Сцены из рыцарских времён» и жанровой принадлежности включённого в них стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...», а также установить точную датировку происходящих в них событий.

НЕКОТОРЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И ДАТИРОВКИ В «СЦЕНАХ ИЗ РЫЦАРСКИХ ВРЕМЁН» И БАЛЛАДЕ О «РЫЦАРЕ БЕДНОМ»

*«Неведомый поэт?
И человек с непонятым величием?»
Эдмон Ростан, «Сирано де Бержерак»*

«Сцены из рыцарских времён» – одно из самых проблематичных для исследователя произведений в творчестве Пушкина. До сих пор остаётся даже открытым вопрос о его завершенности. Насколько удалось автору воплотить свои замыслы, в чём они, собственно, заключались и как менялись в процессе работы? Особую проблему представляет сокращённая восьмистрофная редакция стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...», представленная в «Сценах» как первая песня Франца. Но обо всём по порядку.

Как мы знаем, первый комментарий к «Сценам» сделал П. В. Анненков в издании 1855 года, сначала в 1 томе (*Анненков П. В. Материалы к биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855. С. 387-388. (Пушкин. Соч.; Т. 1)*), а затем в 5 томе (*Пушкин. Соч. СПб., 1855. Т. 5. С. 534*). В этих комментариях он допустил несколько существенных ошибок, на опровержение которых ушли десятилетия и труд многих известных пушкинистов. Два его утверждения бытуют до сих пор.

Первое: «...их («Сцены») должно считать первоначальным пла-

¹ Здесь и далее во всех цитатах слова, выделенные автором цитаты, даются курсивом; выделенные нами – жирным шрифтом. В тексте самой статьи для выделения используются жирный шрифт, в особых случаях – подчёркивания, в повторном цитировании, без упоминания автора – курсив. – Г. К.

ном будущего произведения – не более» * (Т. 5. С. 534). К такому заключению Анненков пришёл потому, что у Пушкина в рукописи (ПД 846) вместо названия пьесы стояло слово «(План)» (в скобках и подчёркнуто). Странно, что в своём комментарии Анненков не упомянул о существовании первоначального плана пьесы, записанного (несколько ранее) по-французски на обороте листа 23 (здесь и далее нумерация приводится согласно «жандармской» описи) последней рабочей тетради Пушкина ПД 846, так называемого «Французского плана». Скорее всего, тогда он его попросту не заметил («Сцены» начинались на листе 27). Вот этот план в переводе:

«Богатый торговец сукном. Сын его (поэт) влюблён в знатную девушку. Он бежит и становится оруженосцем в замке отца (девицы), старого рыцаря. Молодая девушка им пренебрегает. Является брат с претендентом на её руку. Унижение молодого человека. Брат прогоняет его по просьбе девушки.

Он приходит к суконщику. Гнев и увещания старого буржуа. Приходит брат Бертольд. Суконщик журит и его. Брата Бертольда хватают и сажают в тюрьму.

Бертольд в тюрьме занимается алхимией – он изобретает порох. – Бунт крестьян, возбуждённый молодым поэтом. – Осада замка. Бертольд взрывает его. Рыцарь – воплощённая посредственность – убит пулей. Пьеса кончается размышлениями и появлением Фауста на хвосте дьявола (изобретение книгопечатания – своего рода артиллерия)» (Пушкин А. С. *Драматические произведения*. СПб., 2009. С. 466 (Полн. собр. соч.; Т. 7)).

Последователи Анненкова настолько увлекались изучением «Французского плана» и связанных с ним перспектив, что стали ценить эти перспективы выше написанной Пушкиным пьесы. С. М. Бонди в своих комментариях даже не разделяет план и реальный пушкинский текст, преподнося их как единое произведение:

«В драме ”Сцены из рыцарских времён“ герой, сын купца, потерпев поражение в попытке подняться по общественной лестнице с помощью личных способностей, возглавляет восстание крестьян против феодалов и, хотя и **не с первого раза, добивается победы над рыцарями, используя новое изобретение – порох, дающий возможность пушками разрушать неприступные замки, а ружьями пробивать железные латы рыцарей**» (Бонди С. М. *Драматические произведения Пушкина // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 4. С. 564*).

Но, как мы помним, в пьесе написанной Пушкиным, нет ни пороха, ни пушек, ни ружей, ни победы над рыцарями. Комментатор ни словом не упомянул, что уже после *«первого раза»* главный герой пожизненно заключён в темницу! Впрочем, такой подход комментатора вполне объясним. В период становления советской власти, при подготовке первого академического издания (1935 г.), необходимо было акцентировать внимание

на революционных взглядах Пушкина. Поэтому рассматривать «Сцены» в имеющемся виде как законченную пьесу для С. М. Бонди было невозможно. А вот перспективы развития по «Французскому плану» идеально соответствовали духу того времени. Вот какие он даёт пояснения:

«Мне уже приходилось писать об этом в комментарии к ”Сценам из рыцарских времён“ (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII, 1935). Тогда я, сопоставляя эти рассуждения с рядом других высказываний 1833-1834 годов (в ”Езерском“, в ”Путешествии из Москвы в Петербург“), видел в них ”беспокойство Пушкина за судьбу своего класса“, ”тревогу за его будущее“. Сейчас мне кажется такое толкование **неправильным**, особенно если ставить в связь с этими размышлениями Пушкина ”Сцены из рыцарских времён“: где рыцари-феодалы представлены жестокими, грубыми и туповатыми – и все симпатии на стороне **побеждающих их** Франца и Бертольда» (Бонди С. М. *Драматургия Пушкина и русская драматургия XIX в.* // Пушкин – родоначальник новой русской литературы: Сб. научно-исследовательских работ. М.; Л., 1941. С. 241-242).

Как же воспринимались «Сцены» до комментариев Анненкова? Мы помним, что Жуковский опубликовал пушкинскую пьесу в первом посмертном выпуске «Современника», несмотря на все цензурные препятствия. Вряд ли он стал бы проявлять столько внимания и усилий, если бы считал это произведение незаконченным. Поэт Жуковский увидел в пушкинской драме то, что проглядел Анненков и его последователи. А именно – **трагедию поэта, оказавшегося лишним в окружающем его мире**, главную и вполне очевидную мысль в написанном тексте (более подробно позднее).

Вот мнение, высказанное Белинским за девять лет до анненковского комментария:

«”Сцены из рыцарских времён“ представляют мещанина, возгнушавшегося своим состоянием и желавшего попасть в благородные, а между тем чуть не попавшегося на виселицу. Такие истории случались в средние века, и Пушкин мастерски изложил одну из них в форме сцен, писанных прозою. Однако ж эти сцены не имеют достоинства глубокой идеи, которую поэт скорее бы мог найти в борьбе общин против феодалов. Впрочем, в этих сценах есть превосходная песня (”*Жил на свете рыцарь бедный*“), в которой сказано больше, нежели во всей целостности этих сцен» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 7. С. 576).

Нельзя сказать, что Белинский глубоко проник в пушкинские замыслы, но по поводу законченности пьесы не выказал ни малейшего сомнения. И мысль о главенстве баллады о Рыцаре бедном в тексте драмы, на наш взгляд, угадана Белинским абсолютно точно.

Тем не менее, анненковский комментарий о незаконченности «Сцен» сделал своё дело.

Ещё более укрепил мнение о незаконченности Н. Демидов, впервые отметив параллели «Сцен» с «Жакерией» Проспера Мериме, написанной в 1828 г. (Демидов Н. О «Сценах из рыцарских времён» А. С. Пушкина. СПб., 1900. С. 1-10). Все параллели, отмеченные Демидовым, имеют место. Очевидно, что Пушкин использовал произведение Мериме в качестве фундамента для своей пьесы. Пушкин неоднократно прибегал к этому приёму, но всегда шёл дальше и глубже источника. А вот Демидов это, судя по всему, не учёл. Из его статьи выходило, что Пушкин хотел написать нечто вроде «Жакерии», развивая «Французский план», да не успел. Он тоже не понял, что смысл нужно искать в уже написанном.

На сегодняшний день мы имеем два академических комментария к «Сценам из рыцарских времён»: в изданиях 1935 года С. М. Бонди (*Пушкин А. С. Драматические произведения*. М.; Л., 1935. С. 639-658 (Полн. собр. соч.; Т. 7) и 2009 года М. Н. Виролайнен (*Пушкин А. С. Драматические произведения*. СПб., 2009. С. 934-956 (Полн. собр. соч.; Т. 7)) (в дальнейшем при цитировании указывается только фамилия комментатора и номер страницы – Г. К.). В обоих комментариях подробно описаны все рукописи Пушкина, имеющие отношение к драме «Сцены из рыцарских времён», и изложены версии истории их написания. Описание рукописей почти безукоризненно, а вот версии написания, хронология и, главное, попытки реконструировать планы Пушкина вызывают серьёзные вопросы.

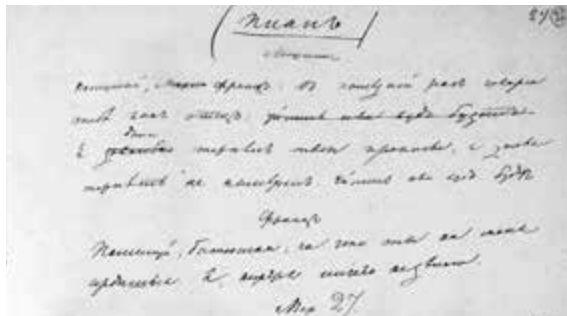
Начнём со слова «**План**»», которое стоит вместо названия пьесы. Вот что говорится в комментарии С. М. Бонди:

«Пьеса в рукописи, как сказано выше, не озаглавлена. Над началом её (на л. 23) сделана надпись (видимо, позднейшая) – ”План“» (Бонди. С. 640–641).

(Здесь случайная неточность, пьеса начинается на л. 27, согласно всем трём описям. На обороте л. 23 расположен «Французский план».)

«Слово ”План“ хотя и является первым на странице с текстом ”Сцен“, но написано оно, **несомненно, позже** остального текста судя по расстоянию его от верхнего края страницы и от первой строчки текста, – оно вписано на верхнем поле уже после того как была написана первая строка» (Бонди. С. 646).

Есть основание полагать, что здесь С. М. Бонди ошибается. Ис-

ходя из расположения строк и исправленной ошибки в имени главного героя («*Март*» – зачёркнуто и исправлено на «*Франц*») в первой строке на л. 27, можно заключить, что вписано было не слово «(*План*)», а расположенное под ним «*Мартын*» (над первой строкой текста). На это указывает не только более бледный оттенок чернил (что при письме пером для первого слова текста технически невозможно), но и то, что если бы имя отца, произносящего реплику, было уже написано, Пушкин не ошибся бы, давая от его лица такое же имя сыну. Расстояние от верхнего края страницы до слова «(*План*)» вполне достаточное и выглядит необычно из-за слова «*Мартын*» (которое Бонди посчитал первой строчкой текста), вписанного слишком близко к очерку. Очевидно, слово «(*План*)» было написано **первым** и, скорее всего, просто **заменило собой ещё не придуманное название**.

С. М. Бонди далее развивает свою мысль:

«Можно объяснить эту надпись и её позднейшее появление тем, что Пушкин, написав прозаический текст пьесы, затем решил **переделать его на стихи**; принявшись, как показывает стихотворный набросок ”Эй Франц“ за эту работу над текстом ”Сцен“, превратившихся теперь в подлежащий переработке материал, в ”план“ стихотворной пьесы – Пушкин и сделал соответствующую надпись». Такой вывод Бонди сделал на основании стихотворного наброска «*Эй Франц, я говорю тебе в последний раз...*» – ПД 219, который не подлежит точной датировке (Бонди. С. 645).

Но по этим данным нельзя даже определить, до начала пьесы сделан этот набросок или уже после её окончания «15 авг.». Единственный ориентир – это упоминание в одном из вариантов имени «*Франц*», которое совпадает с именем главного героя в прозаическом тексте. Но даже если предположить, что набросок в семь строк на отдельном листке написан после оконченного текста, это не может быть достаточным основанием предполагать решение Пушкина переделать прозаическую пьесу в стихотворную, так как можно найти и другие, менее масштабные объяснения. Заметим, что Б. В. Томашевский, первым опубликовавший этот набросок, даже не связывал его со «Сценами из рыцарских времён» (Томашевский Б. В. Новое о Пушкине // Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922. [Вып.] 1. С. 177).

Комментарий М. Н. Виролайнен 2009 г., по сути, повторяет мнение Бонди, однако в нём не упоминается о спорных технических подробностях написания слова «(*План*)»:

«15 августа завершён определённый этап работы над произведением. В один из оставленных пробелов вписывается песня Франца ”Жил на свете рыцарь бедный...“. После этого Пушкин, очевидно, вновь возвращается к идее стихотворной драмы. Именно тогда над прозаическим текстом могло быть вписано слово ”План“. <...> О появившемся

на каком-то этапе намерении Пушкина **переложить текст стихами** свидетельствует набросок *“Эй Франц, я говорю тебе в последний раз...”*» (Виролайнен. С. 939).

Но вот запись, сделанная несколько ранее, вступает с последним высказыванием в некоторое противоречие:

«Набросок производит впечатление сжатого стихотворного переложения уже существовавшего в прозе начала пьесы. Однако нельзя полностью исключить и того, **что стихи были написаны раньше прозы**» (Виролайнен. С. 938). Здесь явные сомнения, которых нет у С. М. Бонди.

Совершенно непонятно, зачем бы Пушкин, «отшлифовывая самые выражения» (Бонди. С. 646), окончив работу над прозаическим текстом, воплотив в нём главную идею, – **трагедию поэта**, дав прозвучать «Рыцарю бедному» (для которого, по нашему мнению возможно и **создавалась пьеса**), вдруг отказался от него и всерьёз решил использовать написанное как основу для стихотворной пьесы? Неужели текст, который Чернышевский считал совершенством, настолько не нравился самому автору?

Девять строк чернового наброска *«Ох горе мне – Мартын, Мартын...»* – ПД 208 (здесь главный герой Франц назван именем Мартын, которое в дальнейшем перешло к его отцу), говорят о том, что Пушкин пробовал в начале и стихотворный вариант пьесы. Но, как признаётся всеми, это всего лишь один из ранних вариантов, предположительно датируемый до 26 июня 1835 г. (по записанному на обороте листа черновику стихотворения «Странник»). «Набросок ПД 208 мог быть написан раньше прозаического текста пьесы: как и в первоначальном варианте этого текста, молодой герой в стихотворном наброске назван Мартыном» (Виролайнен. С. 938). Основанием предположения о намерении Пушкина переделать уже **готовый текст** (записанный на сорока одной странице) в стихотворный, послужили **семь строк** наброска *«Эй Франц, я говорю тебе в последний раз...»* – ПД 231 (датируемого приблизительно летом 1835 г. по черновому наброску *«Воротился ночью мельник»*), где имя героя то же, что и в пьесе. Но это свидетельствует только о том, что они написаны позже наброска ПД 208 и, скорее всего, являются вариантом того же раннего стихотворного замысла. Возможно, эти два наброска просто стихотворные зарисовки, сделанные Пушкиным при раздумьях над будущей пьесой. Имя Франц было придумано явно до начала прозаического текста, видимо, при работе над наброском ПД 231. То, что начиная пьесу, в первой строке на л. 27, Пушкин даже не дописал имя *«Март»*, зачеркнул и продолжил *«Франц»* говорит о том, что имя для главного героя было уже выбрано, а зачёркнутая запись всего лишь случайная оговорка, чего, кстати, не исключает С. М. Бонди: «Это могло быть и опиской, каких не мало в

пьесе» (Бонди. С. 641). К тому же, если бы Пушкин работал над наброском ПД 231 после окончания пьесы, что менее вероятно, да ещё с намерением переделать её в стихотворную, то, скорее всего, он сделал бы это не на отдельном листке, а в тетради ПД 846 на оставленных листах, ведь л. 55 об. так и остался свободным.

Однако во многих современных интернет-источниках, в кратких пояснениях, именно на основании наброска «*Эй Франц, я говорю тебе в последний раз...*», с явной ориентировкой на академические комментарии, но поверхностно, без углубления в детали, **в утвердительной форме** даётся информация о намерении Пушкина сделать из прозаической пьесы стихотворную.

Довольно противоречиво следующее утверждение С. М. Бонди:

«Текст “Сцен” по своему характеру **ничего общего не имеет с многочисленными планами** Пушкина, даже самыми обширными. <...> То обстоятельство, что в конце написанного, не являющегося концом пьесы, поставлена дата – “15 августа” – показывает, что здесь кончался какой-то большой раздел пьесы – первая часть её» (Бонди. С. 646–647).

То есть, с одной стороны, получается, что Пушкин полностью отошёл от первоначальных планов, а с другой – следует утверждение, что «*написанное не является концом пьесы*». И нет даже попытки наиболее логично предположить, что запись «15 авг.» (л. 55) сделана автором как дата завершения пьесы, а не *какого-то раздела* или *первой части*? Ведь Пушкин, после этой даты, не написал ни одного слова продолжения и не сделал никакой пометки, которая говорила бы о такой возможности. После чистого л. 55 об. до конца тетради (л. 60) идут черновики других произведений.

Не менее противоречиво высказывание П. В. Анненкова, сделанное им в первом комментарии:

«По бумагам Пушкина видно, что “Сцены из рыцарских времён” – не настоящее произведение, а только план произведения. Сверху рукописи надписано: *План* и **затем**, вместо того чтоб изложить программу драмы в описании, Пушкин прямо начал сцены, и, раз начав, **дописал их**. Так составились они, не получив надлежащего развития и представляя ещё один остов произведения и **сухость**, свойственную плану вообще, хотя бы он был и в драматической форме» (Анненков П. В. Материалы к биографии А. С. Пушкина. С. 387–388).

То есть одновременно признание «*дописал их*» и утверждение – «*не настоящее произведение*». Откуда такая уверенность в незавершённости текста? Потому что «*сверху рукописи надписано: «(План)»*»? А если бы вместо этого Пушкин написал любое название или не написал ничего вовсе? Всё было бы в порядке и «Сцены» можно считать «*настоящим произведением*»? Не будь слова «(План)» – мнение Аннен-

кова было бы другим? Но ведь первое приходящее на ум объяснение в том, что Пушкин, написав слово «(План)», передумал и начал писать пьесу. И сам Анненков, по сути, говорит именно об этом (употребляя слово «затем»), даже не предполагая (в отличие от последователей), что слово «(План)» могло быть вписано по окончании пьесы. Что же тогда ему было «по бумагам Пушкина видно»? А может быть, всё зависит от ракурса смотрящего? Иногда излишняя осведомлённость мешает увидеть главное. Ведь у читателя, не знакомого с рукописями, не возникает мысли ни о *сухости*, ни о том, что это «*остов произведения*». Напротив, «Сцены» представляются как художественно целостное произведение.

Вот что говорил Чернышевский в ответ на этот комментарий Анненкова:

«Не знаем, насколько развился бы этот план при полной обработке; не знаем, как прекрасна была бы драма тогда; но теперь в "Сценах из рыцарских времён" мы имеем одно из превосходнейших произведений Пушкина – решаемся даже сказать, что не жалеем о том, что "*остов произведения, представляющий сухость*", не был обработан, не подвергся перекраиванию, развитию и распространению в объёме. Нам кажется даже, что сухость этого остова можно заметить, только узнав по внешним признакам, что оставшиеся нам "Сцены" – остов, а не вполне законченное художественное произведение; не укажи нам на мысль о сухости и необработанности сам Пушкин, мы должны были бы думать, что даже он сам не мог бы **ни прибавить, ни изменить тут ни одного слова, не испортив или не ослабив своей прекрасной драмы**. Если бы можно было вполне высказывать свои мнения, то мы сказали бы даже, что "**Сцены из рыцарских времён**" **должны быть в художественном отношении поставлены не ниже "Бориса Годунова", а быть может и выше**» (Чернышевский Н. Г. Критика сочинений Пушкина // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 458-459).

Однако на пушкинистов это мнение Чернышевского не произвело впечатления. «Сцены» до сих пор принято считать неоконченными. Но в чём же их предполагаемая незаконченность, если даже Анненков невольно признал, что Пушкин «*дописал их*», а Бонди утверждал: «Текст "Сцен" по своему характеру ничего общего не имеет с многочисленными планами Пушкина, даже самыми обширными»? Только то, что Пушкин отказался от первоначального «Французского плана» и написал другое произведение с отличными от планируемых внутренними задачами? Ведь нет обоснованного подтверждения о наличии черновых набросков продолжения пьесы. Наоборот, стоит знак окончания и дата: «**15 авг.**», которая более всего говорит о том, что **замыслы воплощены**, текст окончен и автор не собирается работать над **его продолжением**. Можно возразить, что Пушкин в черновых рукописях

ставил иногда промежуточные даты. Например, в ПД 838, л. 12 (под черновым автографом «Полтавы», над которой работа, естественно, была продолжена), в ПД 839, л. 55 об. (в черновом автографе «Медного всадника»), в ПД 841, л. 41 об. (в черновом автографе «Евгения Онегина»). Но в них датировка потому и промежуточная, что тексты имели продолжение. В <<Сценах из рыцарских времён>> никакого продолжения после датировки нет. Какие же ещё могут быть основания считать пьесу неоконченной?

Заметим, что все комментаторы, предполагающие неоконченность пушкинской драмы, говорят об этом довольно расплывчато. Попробуем представить все возможные варианты дальнейшего развития пьесы:

Вариант первый: Пушкин собирался внести недостающие сцены на оставленные (изначально) чистыми листы 32–33 и 41–46 и, если бы внёс, пьеса была бы окончена. Хотя такое развитие говорит не о продолжении, а лишь о внутритекстовых, более развёрнутых дополнениях, не влияющих на финал.

Вариант второй: плюс к первому, продолжил бы пьесу, согласно «Французскому плану», либо вне его на оставшихся в тетради листах 55 об.–61, а если бы их не хватило – уже в другой тетради.

Вариант третий: всё написанное не удовлетворяло Пушкина и он, собираясь использовать этот текст только в качестве «(Плана)», преобразовал бы его в стихотворный или в другой прозаический вариант.

Четвёртый вариант (весьма сомнительный, но всё же): определение Гоголя, которое приводит С. М. Бонди: «Гоголь называл театральную пьесу, не поставленную на сцене, ”неоконченным произведением“» (*Бонди С. М. Драматические произведения Пушкина // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 4. С. 554*).

Рассмотрим все четыре варианта. Третий вариант уже опровергнут нами ранее. Четвёртый отпал после известной нам постановки В. Э. Рецетера «“Perpetuum mobile“, драматическая хроника рыцарских времён» в Театре-студии «Пушкинская школа» (2009). Более интересными для исследования представляются два первых варианта развития художественных событий.

Взглянем на последний, наиболее полный академический комментарий 2009 г. В нём приводятся, кроме вышерассмотренных, ещё три доказательных направления, которые могут говорить о незаконченности пьесы.

«На незавершённый характер рукописи указывает и отсутствие в ней целого ряда необходимых исправлений. Многочисленные ошибки при обозначении имён лишь частично исправлены Пушкиным» (*Вироплайн. С. 939*).

Однако это не стало проблемой для Жуковского при подготовке текста к печати. Скорее всего, эти ошибки устранил бы и сам Пушкин перед публикацией.

Далее посмотрим, что говорится о «французском плане» в комментарии 2009 г.:

«**Нереализованную** часть данного плана можно рассматривать как вариант продолжения и окончания драмы» (*Виролойнен. С. 940*).

А может быть, Пушкин ограничился **реализованной** частью «французского плана», взяв из него то, что отвечало последним замыслам? Ещё в 1940 г. М. Загорский в статье «Пушкин и театр» (возможно, вступая в скрытую полемику с С. М. Бонди) указал на **невозможность** развития «Сцен» по намеченному плану с изобретением пороха Бертольдом и с появлением Фауста на хвосте Дьявола: «Тем более что между изобретением пороха (1330) и появлением книгопечатания (1447) проходит более ста лет, и соединение этих двух моментов в одной пьесе, реалистической по фактуре, могло показаться и самому автору неоправданным драматургически» (*Загорский М. Пушкин и театр. М.; Л., 1940. С. 205*). К этому можно добавить невозможность изготовления пороха в тюрьме из-за отсутствия необходимых компонентов (селитры, серы и т.д.), тем более в количестве, необходимом для взрыва замка (во время которого его обитатели и узники должны были погибнуть). В данном контексте выражение «*рыцарь... убит пулей*» также не обосновано, ведь между появлением пороха в Европе и изготовлением пулевого, то есть ручного, огнестрельного оружия прошло изрядное количество времени. Эти обстоятельства указывают на некоторую легковесность «Французского плана». Недаром ничто из вышеупомянутого не вошло в пьесу.

Но следующая запись в комментарии 2009 г. действительно выглядит обоснованным доказательством:

«Рукопись в тетр. ПД 846 имеет **явно незаконченный характер**. Записывая текст пьесы, Пушкин **оставлял пробелы** (позже заполненные черновиками других произведений), которые, вероятно, были предназначены для дополнительных сцен или фрагментов. Таким дополнением явилась песня Франца ”Жил на свете рыцарь бедный...“. <...> По-видимому, работа над второй редакцией стихотворения возникла именно в связи с замыслом ввести его в текст ”Сцен из рыцарских времён“. Правка была начата прямо на ”онегинском автографе“ (ПД 221)» (*Виролойнен. С. 939*). («Онегинский» автограф – четырнадцатистрофная рукопись «Рыцаря бедного» принадлежавшая Александру Фёдоровичу Онегину-Отто).

Здесь мы имеем чёткое логическое обоснование незаконченности двух частей пьесы, но не её финала. То есть Пушкин поделил пьесу на три основные части и между первой и второй, а также второй и заключительной третьей оставил пустые листы. Вот запись в комментарии:

«В тетради ПД 846, л. 27 – 29 об., 32 – 38 об., 46 – 54 – **черновая** рукопись пьесы. Над текстом написано: (“План“). В конце текста, на листе 54, – дата ”15 авг.“» (*Виролойнен. С. 934*).

Из записи следует: л. 27 – 29 об. (**6 стр.** текста), (пропущено 4 стр.); 32 – 38 об. (14 стр. текста), (пропущено 14 стр.); 46 – 54 (17 стр. текста). Получается **37 стр.** текста.

Здесь необходимо техническое пояснение.

На самом деле текст «Сцен» занимает в тетради **41 стр.** (начато на л. 27 – 31 об. (**10 стр.**), (пропуск 4 стр.); 34 – 40 об. (14 стр. текста), (пропуск 12 стр.); 47 – 55 (17 стр.).

Дело в том, что в рабочей тетради ПД 846 имеются **три** нумерации: «**жандармская**» (в середине листа красными чернилами), «**опекунская**» (чёрными чернилами в правом верхнем углу листа) и «**архивная**» (карандашом – там же в кружке). Но **только «жандармская» соответствует действительному количеству страниц.** Все три совпадают до 29 листа (включительно), а потом в «опекунской» и «архивной» нумерации происходит сбой. Листы 30 и 31 («жандармской» описи) в «опекунской» и «архивной» не пронумерованы. На листе 32 в правом верхнем углу стоят две цифры: 30. То есть происходит сдвиг на **четыре** страницы. Но на листе 43 («жандармской» описи) в «архивной» появляется цифра 42, тогда как «опекунская» отмечает лист как 41.

Вся эта путаница произошла потому, что после того как была сделана жандармская опись, два листа выпали из тетради и две последующие описи их не зафиксировали. С. М. Бонди в своём комментарии 1935 г. не только пользовался «жандармской» описью, но и подробно описал всю историю нумераций (*Бонди. С. 640*). В настоящее время эти листы хранятся отдельно. М. Н. Виролайнен, использовавшая «архивную» опись, даёт в своём комментарии соответствующее пояснение: «Между л. 28 и 29 после заполнения выпали два листа (см. ПД 1038)» (*Виролайнен С. 935*). Но она не сообщает, когда именно выпали листы. Пояснение очень скупое и малопонятное. Дело в том, что сейчас подлинниками рабочих тетрадей Пушкина воспользоваться практически невозможно, да в этом и нет нужды. Теперь существует восьмитомное факсимильное издание рабочих тетрадей Пушкина (Санкт-Петербург – Лондон 1997). Интересующая нас тетрадь ПД-846, с текстом «Сцен» находится в восьмом томе. При фотокопировании недостающие два листа были вставлены на своё место и текст в альбоме представлен в полном виде – так, как его записал Пушкин. Правильной стала «жандармская» опись.

М. Н. Виролайнен (работая с подлинниками), как это принято в научном кругу, воспользовалась «архивной» описью, которая именно в отношении «Сцен», по стечению обстоятельств, оказалась «наименее точной» («недостаёт» **четырёх** страниц текста пьесы и «добавлены» **две** промежуточные страницы). Жаль, что в комментарии не была упомянута пояснительная «опекунская» запись на последней странице тетради ПД 846:

«Сцены из рыцарских времён 27 – 31 34 – 40 47 – 55».

Возникают некоторые технические сложности при детальном изучении комментария. Однако для исследователей, изучающих рукописи Пушкина по фотокопиям, они даже полезны, так как заостряют внимание и заставляют глубже окунуться в проблему описей.

Вернёмся к упомянутым в комментарии 2009 г. пропущенным листам (применяя «жандармскую» нумерацию) 32–33, между первой и второй частью; и 41–46, между второй и третьей частями, заполненными черновыми текстами других произведений. По логике редакторов, именно они являются свидетельством незаконченности пьесы. Безусловно, эти листы были оставлены изначально для каких-то дополнений. Но зададимся вопросом, какие сцены Пушкин мог дописать в пропущенных местах и почему он не сделал этого сразу?

Между первой и второй частями могла быть сцена ухода Франца из дома до монолога перед встречей с Альбером. Между второй и третьей – уход из уже не родного дома (после разговора с Карлом) и встреча с мятежными крестьянами. То, что Пушкин оставил для возможного текста пустые листы, говорит о том, что на тот момент они были второстепенными, а он торопился писать о главном. Возможно невольно, но текст построен так, что отсутствие предполагаемых сцен не ощущается. Переходы между ними такие же, как и переход от сцены первого разговора Франца с Альбером к сцене с Клотильдой – где нет пропуска. А ведь именно между ними, судя по всему, проходит наибольшее количество времени. Так же, без пропуска, написаны сцены ухода Франца из замка Альбера и возвращения домой. Когда Пушкин увидел, что дополнения могут быть просто лишними, он стал заполнять пропущенные чистые листы черновиками других произведений. Также частично заполнены и **оставшиеся** в тетради листы 56 – 61. Непосредственно после знака окончания и даты «15 авг.» чистым оставлен только оборот листа 55. Следовательно, **никакого продолжения на всех изначально оставленных листах более не предполагалось**. К тому же **технически это было уже просто невозможно**.

Невольно согласишься с мнением Чернышевского: «...даже сам Пушкин не мог бы **ни прибавить, ни изменить тут ни одного слова, не испортив или не ослабив своей прекрасной драмы**» (*Чернышевский Н. Г. Критика сочинений Пушкина // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 459*).

Обратим внимание на то, что пишет С. М. Бонди, видимо, учитывая «Французский план» и параллели с «Жакерией»:

«...Пьеса, темой которой Пушкин взял **борьбу крестьян с феодалами в XIV – XV вв. и гибель рыцарства**.» (*Бонди. С. 638*).

В связи с этим высказана мысль, что Пушкин подразумевает упадок русского дворянства и намекает на *«бунт, бессмысленный и беспощадный»* (там же. С. 648-649). Как мы уже говорили ранее, для 1935 года такая трактовка отчасти объяснима политической ситуацией.

С датировкой *«XIV–XV вв.»* всё понятно. Здесь, видимо, сыграли роль изобретение пороха в XIV в. и книгопечатания в XV в. (упомянутые Пушкиным во «Французском плане»). Но в тексте Пушкина показана не гибель рыцарства, а скорее упадок его воображаемого морального пика, да и то относительно куртуазных канонов, сохранившихся в воображении Франца. Поэтому **нужно максимально точно определить время событий пьесы**, так как рыцарская эпоха имела несколько разнообразных периодов. Что же до *«борьбы крестьян с феодалами»*, то вряд ли неудачная стычка разбежавшихся крестьян с кучкой рыцарей (в результате которой ни один рыцарь не был убит) может претендовать на серьёзное восстание. Для Пушкина это всего лишь фон, чтобы рассказать об **одиночестве поэта, о его неприятии этим миром, то есть, по сути, о самом себе**. В 1835 году, когда сочинялись «Сцены», всё, на что он надеялся ранее: понимание друзей, преданность жены, нормальные отношения с императором, – не оправдало себя.

Вот что пишет в своей книге «Жил на свете рыцарь бедный...» И. З. Сураг:

«Всего этого, кажется, достаточно, чтобы увидеть, что **с начала 1835 г. Пушкина буквально преследуют мысли о самоубийстве**. Если прибавить, что в других произведениях 1835 г. так или иначе, но всегда от первого лица, варьируется мысль о смерти – ”Ода LVI (Из Анакреона)“, ”Странник“, ”Пора, мой друг, пора...“, ”Вновь я посетил...“, – то картина открывается весьма красноречивая. Что стоит за этим? Ясно, что Пушкин в 1835 году оказался в сложнейшей ситуации, из которой искал и не находил выхода. Внешние контуры этой ситуации в целом известны. Пушкинские письма 1834–1835 гг. говорят о том, что одни и те же проблемы, сплетаясь в тугой узел, мучают поэта, делают жизнь невыносимой. Кризис в отношениях с властью, достигший опасной остроты ещё в 1834 г., осложнён беспросветной и унижительной денежной зависимостью – и всё это прямо или косвенно, но крепко связано с Натальей Николаевной, с её образом жизни и наклонностями. Ведь и камер-юнкерство своё, с которого все началось, Пушкин в дневнике объяснял так: *”Двору хотелось, чтобы Н. Н. танцевала в Аничковом“*. <...> Так жить Пушкин не мог, и такая его жизнь неизбежно должна была кончиться катастрофой» (Сураг И. З. «Жил на свете рыцарь бедный...». М., 1990. С. 131-132).

Пушкин всё более замыкается в своём внутреннем мире. Его герой поэт Франц везде чужой – и дома, и в рыцарском замке, и среди крестьян. Клотильда называет его *«предерзкой тварью»* и предпочита-

ет ему графа Ротенфельда. Мятежные крестьяне трусливо бросают его раненого. Поэтому в судьбе своего героя Франца Пушкин не видит ничего, кроме виселицы или вечного заточения. Какого же продолжения можно ожидать?! Нападение на замок лишённых предводителя крестьян? Изобретение пороха Бертольдом и изготовление в количестве достаточном для взрыва стен замка? Но кто будет доставлять порох и делать подкоп, а потом, при удачном взрыве, идти в пролом на штурм?! К тому же **о том, что Франц, после пленения, жив, из возможных его союзников никто не знает.** Вмешательство Клотильды тоже исчерпано. Увы, всё уже случилось и герой обречён. Любое дальнейшее развитие событий шло бы вразрез с главной мыслью пьесы и превратило бы её в фарс (к тому же стихотворение о «Рыцаре бедном» уже **прозвучало**). К сожалению, для большинства исследователей одиночество и обречённость истинного поэта непостижимы и не являются достойной темой такого произведения. Другое дело *«гибель рыцарства», «крестьянское восстание»!* Вот это масштаб! Невольно они оказываются частью того непонимающего мира, который противостоит поэту, несмотря на совершенно искреннюю любовь к нему. В своей книге И. З. Сурат убедительно доказала автобиографичность первой, четырнадцатистрофной редакции стихотворения о рыцаре бедном («Легенда», 1829), используя параллели сюжета баллады и участия Пушкина в Арзрумском походе. Думается, что в «Сценах» и песне Франца автобиографичности не меньше, только параллели более грустные...

В 2010 г. была опубликована статья театрального режиссёра В. Э. Рецептера «“Regretium mobile”, или Тайна пушкинских финалов» (Звезда. 2010. № 3. С. 201-214), где он утверждал, что «Сцены» Пушкиным **были закончены** и лишь не переписаны набело. Прозвучала очень важная для нас мысль: *«Именно поэтическое дарование и ремесло Франца становится для Пушкина главной пружиной действия, содержанием и сущностью драмы».* Более того, как уже говорилось ранее, В. Э. Рецпертер рискнул поставить её на сцене.

Надо отметить, большинство исследователей высказывают убеждение, что Пушкин, в отличие от «Жакерии» Мериме, писал свою пьесу с расчётом на театральную постановку. Но, мне кажется, приступив к сцене схватки рыцарей и крестьян, он отказался от этой мысли. Введённый в пьесу криптотекст (о чём будет сказано позже), который нёс в себе самостоятельный замысел, по сути, исключал возможность полноценной сценической реализации. Этим можно отчасти объяснить, почему Пушкин отложил публикацию драмы до лучших времён.

Вернёмся к комментарию Анненкова, к месту, где упоминается песня Франца, и разберём **второе** утверждение, бытующее до сих

пор и касающееся **жанровой принадлежности** стихотворения о «Рыцаре бедном»:

«Одно стихотворение, заключающееся в Сценах, именно **романс** ”Жил на свете рыцарь бедный...“, взято из бумаг Пушкина и помещено в сценах редакцией ”Современника“. Оно, по всей вероятности, есть перевод какого-нибудь оригинального провансальского **романса**» (Пушкин А. С. Соч. СПб., 1855. Т. 5. С. 534).

Настоящей загадкой является то, что Анненков, имея на руках рабочую тетрадь Пушкина (ПД 846), написал о «Рыцаре бедном»: «... взято из бумаг Пушкина и помещено в сценах редакцией “Современника”». Эта запись не поддается логическому объяснению. Из неё следует, что в рукописи «Сцен» это стихотворение отсутствует, а Жуковский, при их публикации в «Современнике», своевольно включил его в текст пьесы, обнаружив в каких-то бумагах поэта?! Но ведь рукопись пьесы была в руках Анненкова! Или он решил, что это Жуковский вписал «Рыцаря бедного» почерком Пушкина в пустой лист рукописи!? Последствия были удручающие. П. А. Ефремов, не видевший пушкинского автографа, доверившись комментарию Анненкова, в своём издании сочинений Пушкина, **исключил стихотворение о Рыцаре бедном из текста «Сцен»**. (Ефремов П. А. Сочинения А. С. Пушкина. Издание восьмое. Москва 1882. Т. 4. С. 409).

То, что это не «перевод какого-нибудь оригинального провансальского романса», блестяще доказал Д. П. Якубович в 1937 г. в своей статье об источниках стихотворения «Пушкинская ”Легенда“ о Рыцаре Бедном». Однако и он не занялся поисками точной датировки: «Не нужны детали жизни лагеря крестоносцев, вовсе снят Пушкиным хронологически точный рассказ Ланглэ. Это понятно: Пушкина интересует **не данный** крестовый поход (имеется в виду I крестовый поход 1096 г. – Г. К.). Синтетическая, типизирующая сила на развалинах сюжета из них воздвигла новое создание» (Якубович Д. П. Пушкинская „Легенда“ о Рыцаре Бедном // Западный сборник. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 227–256).

Но вот само определение «**романс**» в отношении «Рыцаря Бедного» прочно закрепилось в научных кругах. Первый, кто использовал этот термин, был сам Анненков, так и озаглавивший пушкинское стихотворение в третьем томе своего издания, поместив его отдельно от «Сцен», почему-то в цикл стихов 1832 года. (Пушкин. Соч. СПб., 1855. Т. 3. С. 17). А далее и до сих пор эту ошибку повторяли многие известные пушкинисты. Вот что пишет в своём комментарии С. М. Бонди:

«...Операция, проделанная Пушкиным над текстом этого стихотворения, имела некоторые основания в функции этих стихов в драме. **Романс** поётся ожидающим виселицы Францем перед лицом той, из-за которой он и вступил на путь, приведший его к гибели. Под видом

романса о рыцаре, безнадежно влюбленном в богородицу, он рассказывает о своей любви к недоступной для него по своему высокому социальному положению Клотильде» (Бонди. С. 657).

Несколько ранее С. М. Бонди пишет: «Вместо слов "Я вам спою песню моего сочинения", Пушкин начал сперва писать: "Я вам спою балладу", но зачеркнул: или потому, что слово "баллада" в XIV-XV в. имело другое значение, или потому, что легенда "о рыцаре, влюбленном в деву" после её переработки потеряла характер баллады, эпического произведения» (Бонди. С. 644).

Однако годом ранее он высказал мысль явно противоположную: «Несомненно, что начальные слова – "Жил на свете рыцарь бедный..." – вводят в какое-то эпическое повествование, описание каких-то событий, **балладу** (ср. начало сказок "Жил-был") и мало подходят к статическому портрету, каким является сейчас стихотворение. Да и вообще несколько странно, что Пушкин вкладывает в уста минезингера Франца эти стихи, так не похожие **в нынешнем** своём виде **на песню**, между тем **как первоначальная редакция** явно имитирует **средневековый романс**» (Бонди С. М. Из пушкинских тетрадей: Текстологические очерки. М., 1934. С. 115).

Получается, главный комментатор пушкинской драмы не может определить жанровую принадлежность обеих редакций «Рыцаря бедного»?

Р. В. Иезуитова высказалась ещё более опрометчиво:

«Первая песня раскрывает любовную тему в её серьёзном и даже трагическом аспекте, вторая песня ("Воротился ночью мельник") является **шутливой балладой**, рисующей простоту и грубоватость любовных нравов эпохи средневековья» (Иезуитова Р. В. «Легенда» // Стихотворения Пушкина 1820-1830 годов. История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 175).

«Деградирующим рыцарям пушкинских "Сцен" оказывается более близкой **баллада** о мельнике и его неверной жене; Францу, этому настоящему "рыцарю" в душе, ближе **легенда** о "бедном рыцаре". Отказ от сюжетной завершенности (исключение мотива "безбожия" рыцаря и всей сюжетной линии, с нею связанной) привёл к значительной деформации жанровой природы произведения. Оно **утратило признаки баллады** (острую занимательность действия, динамизм сюжетных линий и неожиданность финала) и обрело песенный, **романсный** характер с присущими лирическому жанру сюжетной незавершенностью, лирической недоговорённостью, эмоциональной многозначностью. Баллада о рыцаре, влюбленном в деву, превратилась в **песню** Франца с её апофеозом возвышенной любви, с её мотивами легендарного рыцарского прошлого» (Там же. С. 176).

То есть с точностью до наоборот, чем у Бонди: «Пушкин вкладыва-

ет в уста миннезингера Франца эти стихи, так не похожие **в нынешнем своём виде на песню**, между тем **как первоначальная редакция** явно имитирует **средневековый романс**».

Но вот И. З. Сурат имеет на этот счёт противоположное мнение: «Несомненно, **вторая редакция много ближе к рыцарским балладам** о неразделенной любви, нежели редакция 1829–1831 гг. Но такое превращение исчерпывает ли суть переработки? Ограничивается ли смысл новой редакции её функциональной нагрузкой в ”Сценах...“?» (Сурат И. З. «Жил на свете рыцарь бедный...». М., 1990. С. 127).

Заметим, что И. З. Сурат в своей книге ни разу не называет пушкинское стихотворение о Бедном рыцаре «романсом», как, впрочем, не делает этого и сам Пушкин. М. Н. Виротайнен в своём комментарии не даёт жанрового определения стихотворению и, пользуясь терминологией Франца, называет его «песней».

И Р. В. Иезуитова, и С. М. Бонди знают, что Пушкин в письме к М. Л. Яковлеву 19 июля 1831 г. называет своё стихотворение **«Легенда» балладой**:

«...У Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же Ижорский, также и моя **Баллада о Рыцаре влюблённом в Деву**». (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 362).

Однако Р. В. Иезуитова, как и многие другие, предпочла определение Анненкова: «романс», а **балладой называет** песенку про мельника.

Действительно, в рукописи «Сцен», как это отметил Бонди, слово «баллада» зачёркнуто, а сверху него стоит слово «песня». Но это вовсе не означает, что исполненные **миннезингером** Францем стихи по стилю не являются балладой. Называя своего героя миннезингером, Пушкин подчёркивает, что действие «Сцен» происходит в Германии. Просто Пушкин сообразил, что термин «баллада» не применялся в германском **миннезанге**, и заменил его на более широкое название: «песня». Стихотворение о «Рыцаре бедном», воюющем в Палестине, подходит под немецкий аналог французской куртуазной баллады, имеющий название «Kreuz Lied» (нем.), «Песня о крестовом походе», или **«Крестовая песня»**. Она появилась во время подготовки Третьего крестового похода (1187 г.). Как будет доказано позднее, именно в нём участвует пушкинский «Рыцарь бедный». Миннезанг как жанр куртуазной литературы возник в первую очередь под влиянием аквитанских трубадуров. Понятие «*minne*» эквивалентно возвышенной «*утончённой любви*», являвшейся неотъемлемым элементом куртуазной культуры, проникшей в Германию во 2-й половине XII века. А вот десять строк песенки про мельника к этой культуре отношения не имеют и не соответствуют ни одному балладному канону. Она более сопоставима

с направлением Spruch (нем.) – стихотворное изречение, имеющее фольклорные корни и характерное, в основном, для репертуара странствующих певцов-простолюдинов. Тематика шпруха затрагивала самые **разнообразные** сферы человеческой жизни.

В комментарии 2009 г. действие в «Сценах», с ориентировкой на изобретение пороха и книгопечатания, датируется XIV – XV веками. Однако высказывается спорная мысль: «Две песни Франца сопоставимы с двумя направлениями **раннего** миннезанга: куртуазным и народным, близким к песенному фольклору» (*Виролайнен. С. 948*).

Но **ранний** миннезанг соотносится со второй половиной XII века (то есть до «Третьего» крестового похода 1189–1192 г.), что несколько противоречит указанной в комментарии датировке. Мы же относим действие «<Сцен>» к концу XIII либо к самому началу XIV века. Наличие в пьесе двух столь разных стихотворений свидетельствует о том, что мы имеем дело с эпохой так называемого **Позднего миннезанга** (1230-е гг. – конец XIII в.), который характеризуется постепенным упадком творчества миннезингеров, его вырождением в эпигоны и появлением бюргерской литературы, которой соответствует песенка про мельника.

Становится очевидным: **точное определение жанра** стихотворения очень важно, так как связано с внутренней датировкой «Сцен». **Миннезингер** Франц мог исполнить «*песню*» о «Рыцаре бедном» не позднее начала XIV века, так как в дальнейшем миннезанг утратил своё существование. Анекдотичность ситуации заключается в том, что в случае «авторства» миннезингера Франца это стихотворение нельзя называть «романсом» даже по хронологическим причинам, так как термин «**романс**» (романсеро, наряду с сельским напевом вельянско) возник в Испании только в **XV веке**, в эпоху Ренессанса (окончание Реконкисты) (*Розеншильд К. История зарубежной музыки. 4-е изд. М., 1978. Вып. 1. С. 132*). Первоначально он означал светскую песню на испанском («романском»), а не религиозный гимн на латинском языке. В России романс получил популярность только к концу XVIII века. Самым главным отличием его от баллады было то, что текст **романса** повествовал **о чувствах**, а в **балладе** (помимо структурных канонов) обязательна **сюжетная история**, как правило, на историческую тему. П. В. Анненков, занимавшийся адресацией пушкинского стихотворения «Я Вас любил..» 1829 г. (в его версии – Анне Олениной), **по стилю классического романса**, должен был учитывать это различие, давая заглавие «Рыцарю бедному». Фраза из комментария: «*Оно, по всей вероятности, есть перевод какого-нибудь оригинального провансальского романса*», – абсурдна по самой сути, так как Аквитания (частью которой был Прованс), вместе с её трубадурами, прекратила существование задолго до появления романса.

Теперь поговорим о термине «баллада».

Считается, что **баллада** (*Balada/ballada*) возникла на юге Франции (точнее, ещё в Аквитании) **в XIII веке**, в результате распада аквитанской канцоны (*Canso*) на балладу и сервенту в поэзии труверов. **Канцона** – лирическое стихотворение в строфической форме, первоначально куртуазная песня. Наиболее распространённый и универсальный жанр в поэзии трубадуров. Однако если канцона охватывает весь период эпохи трубадуров с конца XI до второй половины XIII века и оказала влияние на формирование поэзии труверов и миннезингеров, то баллада (или *baladeta*) как элемент аквитанской куртуазной культуры, едва возникнув, просуществовала совсем недолго, применительно к поэзии впервые регистрируется в рукописях с аквитанскими стихами конца XIII века. Судя по немногим (шести) сохранившимся образцам слово употреблялось описательно (как синоним «танцевальной песни»). Какой-либо особенной формальной структуры и закреплённой семантики жанра в провансальской «балладе» не было. Но вот **термин** оказался очень живучим. Аквитания в результате альбигойских войн к середине XIII века потеряла свою независимость, а вместе с нею и уникальную поэтическую культуру на Аквитанском языке. Некоторые уцелевшие трубадуры эмигрировали в соседние Францию, Испанию, Италию и Англию. Но, кроме Франции, баллада (именно как термин) прижилась на Британских островах, особенно в Шотландии и Ирландии. Там она, утратив изначальные признаки куртуазного жанра, трансформировалась в элемент героического эпоса. Более того, её стали считать основным элементом творчества бардов. Заметим, что понятие "бард" утратило своё первоначальное **кельтское** значение гораздо раньше! **Новая** баллада расцвела в XVIII веке благодаря интересу к ней таких мастеров литературы, как Бернс, Скотт, Соути, Кэмпбелл. В России первым «балладником» считается Жуковский. Основным признаком баллады того периода является сюжетное описание исторических или псевдо-исторических событий. В наши дни границы значения этого термина размыты до рок-баллады. В Россию баллада попадает в конце XVIII в. почти одновременно с романсом, из-за чего происходит некоторая путаница и замещение в терминологии.

Но нас более всего интересует французская ветвь баллады, которая возникла в поэзии труверов на рубеже XIII–XIV вв. (из канцоны). Одним из первых поэтов, кто пробовал писать в таком жанре, был француз по имени Жанно де Лекюрель. Со временем культ Прекрасной Дамы в рыцарской поэзии переродился в почитание Девы Марии, а куртуазность стала чистой условностью. В XV в. баллада расцвела, наполненная уже философским смыслом и новыми правилами стихосложения. Она имела три восьмистрочные или десятистрочные строфы, в которых повторялась последняя строка, а завершались четырёхстроч-

ной посылкой. Наиболее известными мастерами баллады того периода считаются Франсуа Вийон и Шарль Орлеанский.

Мы не знаем, что из вышесказанного было известно Пушкину. Важно, что стихотворение о «Рыцаре бедном» соответствует куртуазной лирике позднего миннезанга и что автор нигде не употребил в отношении его термин *Романс*. Комментаторам, дающим такое жанровое определение и по сути противоречащим Пушкину, желательнее разбираться во всех тонкостях средневековой поэзии.

Как мы отмечали ранее, Пушкин в письме к М. Л. Яковлеву называет своё стихотворение «*Легенда*» балладой. И он абсолютно точен в терминологии. Стихотворение выполнено в соответствии с законами куртуазной лирики, как хронологически (так как события, описываемые в ней, относятся к «Третьему» крестовому походу, что будет рассмотрено в дальнейшем исследовании), так и стилистически (платоническое поклонение недостижимому идеалу). Вторая же, восьмистрофная, редакция (32 строки) даже **по размеру** близка французской балладе (28–34 строки), а по куртуазному содержанию – её предшественнице аквитанской **канцоне**. Заметим, что в канцоне замыкающие строфы назывались **торнадами** (*tornata* – поворот), в них содержалось указание на объект, которому она адресовалась. Это могли быть сама дама, наперсник трубадура или его покровитель. Позднее торнада, уже в балладе французских труверов, получит название **посылка**^{2*}. Посылка в первой редакции пушкинского стихотворения «*Легенда*» адресуется Пречистой Деве. В этом варианте стихотворения, по мнению И. З. Сураг, за Рыцарем бедным стоит сам Пушкин, а за Мадонной – Н. Н. Гончарова. А что же происходит во второй, восьмистрофной, редакции «авторство» которой в пьесе принадлежит Францу?

М. Н. Виролайнен высказывается таким образом: «По мнению Б. В. Томашевского, различие двух редакций так велико, что вторая редакция должна рассматриваться как органическая часть замысла "Сцен из рыцарских времён" (Томашевский. Пушкин, 11. С. 416).» (*Виролайнен*. С. 949).

И. З. Сураг выражает такое мнение: «Очевидны серьёзные смысловые различия двух редакций. <...> **Меняется и сам герой**, чего исследователи обычно не видят и не учитывают» (*Сураг И. З.* Указ. соч. С. 124).

Пушкин отходит от героя своего стихотворения, уступая это место Францу, который адресует посылку не только рыцарю, но и само-

²Автор выражает глубокую благодарность поэтам-переводчикам Е. В. Витковскому и Г. М. Кружкову за консультации по теме средневековой поэзии.

му себе, предрекая смерть в заключении, **что вполне соответствует окончанию пьесы**. Невольно вспоминается Ростан и баллада-дуэль гасконца Сирано со знаменитой строкой: «*Я попаду в конце посылки*», – завершённая точным финальным выпадом. В каком-то смысле посылка, в виде грустной усмешки, относится и к самому Пушкину, хотя его «заключение» носит несколько иной характер (о чём говорилось выше). Но только ли Франца спрятал А. С. за **безумцем** второй редакции и кто стоит за аббревиатурой «*A.M.D.*»? Не будем торопиться...

Становится понятным, что термин «романс», введённый в употребление П. В. Анненковым, неправомочен, так как уводит от реальной датировки событий пьесы более чем на сто лет, а от приключений Бедного рыцаря в «*тесне*» Франца – более чем на двести лет, что ведёт к непониманию пушкинского замысла. Но не оставил ли Пушкин нам ещё каких-нибудь подсказок о времени и месте событий своей драмы?

Рассмотрим ещё один комментарий С. М. Бонди:

«В драматических отрывках 30-х гг. действие максимально обобщено и вовсе лишено исторической и национальной конкретности. Это, по большей части, **не конкретная Франция или Германия такого-то года или десятилетия, а Европа вообще** – в эпоху средневековья или в эпоху разрушения феодальных отношений». (Бонди С. М. Драматические произведения Пушкина // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 4. С. 564).

Возможно, это и справедливое наблюдение в отношении «Французского плана». Однако в тексте самой пьесы, при внимательном прочтении, можно заметить, что часть рыцарей спешит на похороны принца Эльсбергского (первоначально *герцога*). Похороны – не свадьба, которая может быть объявлена и за полгода. Следовательно, рыцари находятся в непосредственной близости от места похорон, которые, скорее всего, будут проходить во владениях принца. Эльсберг расположен на западе **Германии**, в Рейнальд-Пфальцской области. То есть **место** указано достаточно точно. К сожалению, не удалось выяснить, является ли вскользь упомянутый Пушкиным принц Эльсбергский историческим лицом. Тогда можно было бы назвать совершенно точную дату происходящих событий, а не только место.

Теперь обратимся к комментарию 2009 г., где М. Н. Виролайнен, ссылаясь на С. Б. Рассадина, высказывает следующее: «Что же касается драмы как целого, то в ней изображена **не Германия и не Франция, а Европа как таковая**, переходящая от одной исторической эпохи к другой» (Виролайнен. С. 946). Примерно то же, что и у Бонди. Но вот далее М. Н. Виролайнен высказывает очень интересное наблюдение:

«С. 221, строки 42-43. *Но у вас нет лошадей – позвольте предложить вам наших... мы сядем за вами как освобожденные красавицы. (Садятся.)* На сцене при этом появляются фигуры **рыцарей, сидящих**

по двое на каждом коне, – возможно, они должны были ассоциироваться с эмблемой **Ордена тамплиеров (два рыцаря на одном коне)**» (*Виролайнен. С. 955*).

Эту мысль ещё в 2002 г. высказал Н. Уиллс * в статье «Был ли Скупой рыцарь бедным, а Бедный скупым?». Он, вслед за В. Э. Вацуро (*Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 85–90*), достаточно широко осветил «тамплиерскую» тему в творчестве Пушкина, подробно разобрав наличие её и в балладе «Жил на свете рыцарь бедный...»: «Можно предположить, что эпитет ”бедный“ в применении к рыцарю ”Баллады“ означает нечто большее, чем отсутствие у него богато украшенных доспехов. Напомним полное название ордена храмовников: **Бедные рыцари** Христовы и Храма Соломона». (*Уиллс Н. Был ли Скупой рыцарь бедным, а Бедный скупым? // Звезда. 2002. № 6. С. 165*).

Но, что касается непосредственно «Сцен», ассоциация с **эмблемой ордена (два рыцаря на одном коне)**, оказалась единственной (Там же. С. 166). К сожалению, Уиллс, обосновав, что пушкинский Рыцарь бедный является тамплиером, не высказал предположения, в каких военных действиях на «равнинах Палестины» он участвовал (как, впрочем, этого не сделали и другие исследователи, упоминавшие о крестовых походах в произведениях Пушкина). Попробуем сами установить это, сопоставив два временных периода. Если год, когда Пушкин написал «*Легенду*», известен (конец 1829-го, после участия в Арзрумском походе), остаётся выяснить, к какому историческому периоду относятся происходящие в ней события.

Строки с упоминанием Палестины:

*Между тем как паладины
Встречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам... –*

дают основание утверждать, что речь идёт об одном из знаменитых крестовых походов. Попробуем выяснить, о котором? Из восьми официальных крестовых походов, настоящих боевых, именно в Палестину (с целью взятия Иерусалима) было два: Первый (1096–1099) и Третий (1189–1192). Почему же не отнести пушкинские строки к Первому походу, когда крестоносцам удалось единственный раз захватить Иерусалим? Причастность пушкинского рыцаря к ордену Тамплиеров, который был основан в 1118 г., хронологически делает его участие в первом крестовом походе невозможным. Само прозвание главного героя «*Рыцарь бедный*» и строка «*По равнинам Палестины*» даёт возможность предполагать, что речь идёт о конкретном эпизоде Третьего

*Ник Уилс – псевдоним российского учёного Е. А. Сливкина, эмигрировавшего в США в 1993 г.

крестового похода. Заметим, что Палестинская **равнина** простирается от Средиземного моря до Иудейских гор. Пушкин как будто даёт достаточно точное место происходящих событий. Строфа с упоминанием равнины в «Легенде» 1829 г. осталась практически без изменений и в Онегинском черновике. Но в балладе 1835 г. она выглядит иначе:

*И в пустынях Палестины,
Между тем, как **по скалам**,
Мчались в битву паладины,
Именуя громко дам.*

В ущерб поэтичности даётся более точная географическая привязка. Палестинская равнина переходит в Палестинскую **пустыню**, которая начинается за 20 км до Иудейских гор (по сути, **скальный** массив), в западной части коих находится Иерусалим. То есть события происходят в непосредственной близости от Святого города (примерно в 50 км западнее). Эти сведения и саму картину, описанную в стихотворении, Пушкин скорее всего почерпнул из романа Вальтера Скотта «Талисман, или Ричард Львиное Сердце в Палестине», в котором описываются события **Третьего** крестового похода:

«По мере их продвижения вперёд ландшафт заметно менялся. Теперь они повернули к востоку и приблизились к крутым голым склонам гор, окружающих пустынную равнину. Эти горы вносят некоторое разнообразие в пейзажи, не скрашивая, однако, облик этой унылой **пустыни**. С обеих сторон дороги появились **скалистые** остроконечные вершины, а далее – глубокие ущелья и высокие кручи с узкими, труднопроходимыми тропинками». (*Скотт В. Талисман // Скотт В. Собр. соч.: В 20 т. М; Л., 1965. Т. 19. С. 41*).

Ричард I со своим войском, в авангарде которого были тамплиеры, приплыл на берег Средиземного моря и после взятия Акры двинулся через Палестинскую равнину под стены Иерусалима. То есть Пушкин как бы даёт понять, что речь идёт не только о Третьем крестовом походе, но и о конкретном переходе крестоносцев под предводительством англо-аквитанского короля Ричарда I – осенью 1191 г.

Первым на роман «Талисман» как на источник пушкинской баллады указал Д. П. Якубович:

«Наконец, много характерного для эпохи крестовых походов и её идеологии мог найти Пушкин в ”Талисмане“. <...> Эти классические строки, могущие и ныне быть украшением любой хрестоматии по средневековью, вводили, как нельзя лучше, в эту классовую психологию, отражающую быт знатной феодальной ”дамы“ и влюблённого в неё паладина, затерянного ”в низших слоях“. Эта тема позже заинтересовала Пушкина в его так называемых ”Сценах из рыцарских времён“. Характерно, что именно сюда была перенесена в новом варианте и ”Легенда“. Вассал не смеет разговаривать с дамой – хозяйкой замка

и ему остаётся только мир помыслов о ней». (Якубович Д. П. Пушкинская "Легенда" о Рыцаре Бедном // Западный сборник. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 233-234).

Попробуем более пристально взглянуть в текст самой пьесы и посмотреть, нет ли ещё каких-нибудь указаний на тамплиерскую тему. В сцене стычки крестьян и рыцарей обратим внимание на игру с цифрами:

(Лошади раненные падают с седоками, другие бегут),

Один рыцарь (другому): – Плохо, брат, – их более ста человек...

Другой: – Ничего, нас ещё пятеро верхами...

(Сражение. Все рыцари падают один за другим).

(Едет другая толпа рыцарей).

Франц: – Куда вы! Оглянитесь, их нет и десяти человек!

...

*Другой: – И эти подлые твари могли победить благородных рыцарей! Смотрите, один, два, три... **девять** рыцарей убито. Да это ужас.*

(Лежащие рыцари встают один за другим).

Рыцарь (<в ответ на приглашение посетить замок>): – С удовольствием. – Но у вас нет лошадей. – Позвольте предложить вам наших... мы сядем за вами, как освобождённые красавицы.

Следовательно, «**девяти**» поднявшимся рыцарям лошадей хватило, а так как подоспевших на помощь «**не было и десяти человек**», то значит, их тоже было **девять**. Именно **девять рыцарей** (во главе с Гуго де Пейном) основали орден Тамплиеров (**бедных рыцарей** храма Соломона). Число **девять** было для тамплиеров некой символической святыней, как число восемь в Ордене иоанитов (госпитальеров).

На каждом из девяти коней оказалось **по два рыцаря**. Пушкин наверняка знал о символике тамплиеров из романа В. Скотта «Айвенго»: «*На первом щите у него была обычная эмблема храмовников – **двое рыцарей, едущих на одной лошади, что служило символом смирения и бедности***» (Скотт В. Айвенго // Скотт В. Собр. соч.: В 20 т. М; Л., 1962. Т. 8. С. 121). Эта символика, как и число девять, нашли отображение в архитектуре храмов, построенных тамплиерами. В Храме Гроба Господня, отстроенном при содействии тамплиеров, два ряда колонн, **по девять** (с двух сторон), подпирают ротонду (всего **восемнадцать**, как и пушкинских рыцарей). Но самой интересной и доступной информацией в отношении тамплиерской девятки и двух рыцарей на одном коне мне представляется то, что наверняка видели друзья Пушкина, посетившие Лондон. Это **Церковь Темпла**. На площади перед входом находится колонна, увенчанная фигурами двух **рыцарей на одной лошади**. Войдя внутрь церкви, мы увидим каменные фигуры простёртых на полу **девяти рыцарей (охраняющих гроб)**. То, что Пушкин предлагает читателю делать вычисления, не ново. Вспомним, как непросто вы-

считывается возраст Евгения Онегина в оба периода романа. Обратим внимание и на любопытную подробность дуэли Онегина с Ленским. Разведённые Зарецким на *«тридцать два шага»*, они, сходясь, сначала *«четыре перешли шага»*, потом *«Вот пять шагов ещё ступили»*, а далее *«но как раз Онегин выстрелил...»*. Нетрудно подсчитать, что каждый из дуэлянтов сделал **по девять** шагов (в сумме восемнадцать). Это совпадение с тамплиерской девяткой можно было бы воспринять как случайность, но роковой выстрел грянул на дистанции в **четырнадцать** шагов, а четырнадцать – личное число Пушкина. Каждый из лицеистов первого выпуска, помимо прозвищ, имел личное число, по номеру своей комнаты (в письмах друг к другу они их использовали в качестве шифрованной подписи). У Пушкина, соответственно, была **14-я**. (Письмо М. Л. Яковлеву 19 октября 1834 г. «Ведь у тебя празднуем мы годовщину? не правда ли? № 14.» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1941. Т. 15. С. 196). Поэт просто обязывает делать подсчёты и уделять внимание каждой цифре.

Теперь вернёмся к тексту «Сцен» и рассмотрим эпизод в замке за рыцарским ужином. Обратимся к фразе Ротенфельда о вине: *«Ему более ста лет... Прадед мой поставил его в погреб, отправляясь в Палестину, где и остался»* (Пушкин А. С. Драматические произведения. СПб., 2009. С. 222 (Полн. собр. соч.; Т. 7)). В рукописи первоначальный (зачёркнутый) вариант этой строки выглядит иначе: *«Ему более осмидесяти лет... Прадед мой поставил его в погреб **возвратясь** из Палестины»* (ПД 846, Л. 50).

Зачем Пушкину понадобилось добавить вину (а вместе с ним и самой сцене) около двадцати лет? Видимо, их для чего-то недоставало? Для чего же? И почему нужно было, чтобы прадед Ротенфельда именно отправлялся в Палестину, *«где и остался»*, а не возвращался из неё? В одной строке два серьёзных изменения. Попробуем разобраться.

Фраза *«возвратясь из Палестины»* не даёт точной временной привязки. В этом случае прадед Ротенфельда мог провести там полжизни. Но отправляться туда он, скорее всего, мог, став участником «Третьего» крестового похода (1189–1192 гг.), исходя из датировки событий, происходящих в балладе. Тогда, собираясь в Палестину, он поставил вино в погреб примерно в 1188 г. Теперь попробуем подсчитать, когда происходил сам ужин. Жаль, что выражение *«более ста лет»* не позволяет точно определить год методом сложения. И всё же попробуем. Исходя из предыдущих расчётов, события в замке происходят не ранее 1288 г. и, если разница около двадцати лет была столь значима, не позже 1309 г. Многое произошло за эти сто лет после отъезда деда. Под ударами крестоносцев пал Константинополь. Произошёл окончательный разрыв католической и православной церкви. Возникла и угасла Латинская империя. В результате альбигойских войн Франция захва-

тила Лангедок. Набрала силу инквизиция. Отшумела эпоха крестовых походов. Палестина была навсегда утеряна. Но это всё происходило до 1270 г. и соответствует даже черновому варианту «восемьдесят». Зачем было его менять? Возможно, мы никогда не ответим на этот вопрос, но я хочу обратить внимание на одно событие, которое попадает в добавленный Пушкиным срок и, возможно, имеет к нему отношение (как часть криптотекста). Это печально знаменитая пятница 13 октября 1307 г., день ареста магистра Жака де Моле (параллель с которым прослеживается в стихотворении Пушкина «Андрей Шенья» (*Вацуро В. Э.* Записки комментатора. СПб., 1994. С. 86)) и начало разгрома ордена тамплиеров.

Казалось бы, куда больше? Но Пушкину и этого как будто мало! Для тех, кто не заметил игру с числами, он создаёт совершенно **нелогичную** сцену:

«Один из рыцарей: – Ротенфельд! Праздник ваш прекрасен; но ему чего-то недостаёт...»

*Ротенфельд: – Знаю, **кипрского вина**; что делать, всё вышло на прошлой неделе». (Пушкин А. С. Драматические произведения. СПб., 2009. С. 222 (Полн. собр. соч.; Т. 7)).*

А ведь при этом рыцари пьют и восхищаются вином, которому «более ста лет». Неужели с ним может сравниться какое-то кипрское? Пушкин, предоставляя рыцарям говорить о кипрском вине, мог иметь в виду только одно древнее вино, которое изготавливалось на Кипре. Первое упоминание о вине **Коммандария** датировано 1191 годом, когда король Ричард Львиное Сердце захватил Кипр и продал его ордену Тамплиеров. Места поселения рыцари называли коммандорствами (в местной транскрипции – *коммандариями*); главная резиденция располагалась недалеко от Лимасола (ныне это так называемый «Замок Ричарда I»). С годами название Коммандария закрепилось за вином, которое производилось в этом регионе. Добавлю, что так оно называется и сейчас. Вступая в Кишинёве в масонскую ложу «Овидий», Пушкин наверняка хорошо знал историю Ордена тамплиеров, так как масоны позиционировали себя преемниками этого ордена (подробнее во второй части статьи). Намёк на Коммандарию можно было бы посчитать случайным, если бы перед этим не было ещё трёх завуалированных отсылок к ордену Храма.

Итак, упоминанием о кипрском вине Пушкин делает окончательное подтверждение о присутствии тамплиерской темы. Очевидно, современникам Пушкина, жившим в **постмальтийский** период России и особенно тем, кто имел отношение к масонским ложам, не составляло большого труда разобраться в этих подсчётах и намёках.

Мы же в результате своего исследования выяснили, что упоминанием принца Эльксбергского, наличием в пьесе немецких имён Пуш-

кин даёт понять, что действие происходит в Германии. Это подтверждается определением поэта Франца как миннезингера и сообщает о его причастности к куртуазной немецкой культуре XIII в. Намёки на тамплиерскую тему, как в пьесе, так и в самом стихотворении, свидетельствуют о причастности Рыцаря бедного к Третьему крестовому походу 1189–1192 гг. Указание возраста вина прадеда Ротенфельда даёт возможность при помощи нехитрых подсчётов определить достаточно точно время происходящих событий. Более того, упомянутая завуалированная тамплиерская тема есть не что иное как **криптекст**, который содержит свой собственный смысл (подробнее о криптекстах Пушкина см.: *Кибальник С. А. «Закон» и «Милосердие». Криптографическая поэтика Пушкина // Кибальник С. А. Художественная философия Пушкина. СПб., 2019. С. 267-304*). Есть основания полагать, что если не вся пьеса, то её завершающая часть писалась Пушкиным как носитель этого криптекста, вершиной которого является восьмистрофная баллада о «Рыцаре бедном».

Как покажет дальнейшее исследование, открытый нами криптекст связан с другими произведениями Пушкина и **смысл его завершён именно в этой пьесе**, что дополнительно позволяет считать «Сцены из рыцарских времён» законченными. Но это уже тема отдельной статьи.

Махти УЛАКОВ,
доктор филологических наук, профессор

КРУПНЫЙ УЧЕНЫЙ, ТАЛАНТЛИВЫЙ
ОРГАНИЗАТОР НАУКИ,
ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ
(К 80-летию Петра Мацовича Иванова)

Имя Петра Мацовича Иванова, выдающегося учёного, талантливого организатора науки и государственного деятеля, юбилей которого отмечает вся научная общественность страны, широко известно не только в России, но и за её пределами.

П. М. Иванов – крупнейший учёный в области кибернетики, информатики, управления и экономико-математического моделирования. Доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, лауреат премии Совета министров СССР по науке и технике относится к славной плеяде интеллигенции России и возглавляет авангард учёных Кабардино-Балкарии. В настоящее время является научным руководителем Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

П. М. Иванов

По инициативе П. М. Иванова и благодаря его усилиям создано шесть научно-исследовательских институтов (организаций):

Информационно-вычислительный центр Госкомсельхозтехники (1973 г.);

Северо-Кавказское научно-проектно-технологическое объединение «Севкавагропром АСУ», в составе Вычислительных центров агропромов Дагестана, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии (1988 г.);

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук КБНЦ РАН (1993 г.);

Институт прикладной математики и автоматизации КБНЦ РАН – путём преобразования хозрасчетного института Госкомвуза РФ в академический (1993 г.);

Институт экологии горных территорий КБНЦ РАН (1994 г.);

Институт информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН (1996 г.).

С 1993 по 2018 г. Петр Мацович возглавлял КБНЦ РАН; одновременно 20 лет работал директором Института информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН.

П. М. Иванов более десяти лет являлся председателем диссертационного совета по специальности «Экономика и управление народным хозяйством».

В 2012 году им определена новая научная концепция устойчивого развития, которая заложила основу комплексных междисциплинарных исследований.

П. М. Иванов является председателем Общественного совета при Правительстве КБР по научно-технологическому развитию.

Он награждён Почётной грамотой РАН и Профсоюза работников РАН, Почётной грамотой Кабардино-Балкарской Республики, в 2016 г. – высшей наградой республики – орденом «За заслуги перед Кабардино-Балкарской Республикой».

П. М. Иванов избран академиком Российской академии естественных наук (РАЕН) и Международной академии наук (Мюнхен).

В 2017 г. его избрали академиком Оксфордского академического союза.

Научная деятельность П. М. Иванова началась в Институте ки-

П. Иванов и М. Улаков

бернетики Академии наук Украинской ССР, где он являлся аспирантом, а затем научным сотрудником с 1965 по 1972 годы. Его исследовательские интересы в Киеве были связаны с задачами прикладной теории алгоритмов. Успешно защитив диссертацию на степень кандидата физико-математических наук, в 1972 году он вернулся в Кабардино-Балкарский госуниверситет.

В 1973-м он возглавил Вычислительный центр Госкомсельхозтехники. На базе теоретических разработок П. М. Иванова, а также его разработок (совместно со своими учениками) новых технических и программных средств телеобработки данных, впервые в СССР была создана региональная онлайн-автоматизированная система управления, которая нашла распространение в РСФСР и СССР.

В книге П. М. Иванова «АСУ производственно-техническим обеспечением сельского хозяйства», изданной в 1981 году, изложены методологические, математические, информационные и технические основы создания интегрированных АСУ региональных уровней. За создание указанных систем управления на базе отечественного оборудования в 1984 г. П. М. Иванов был удостоен звания лауреата премии Совета министров СССР по науке и технике.

Исследования учёного по созданию интегрированных АСУ привели к необходимости проведения научных работ по автоматизации проектирования сложных систем. В рамках разработки теоретических методов проектирования интегрированных региональных АСУ П. М. Ивановым разработана методология структурно-алгоритмического анализа и синтеза сложных систем управления, в результате применения которой системы управления большой сложности становятся предметом системного анализа. Эти работы легли в основу его докторской диссертации: «Структурно-алгоритмическое проектирование интегрированных АСУ многоотраслевыми комплексами», защищённой в 1986 году в специализированном диссертационном Совете при Институте кибернетики АН УССР.

Юбилей КБНЦ

С 1986 по 1990 гг. П. М. Иванов совмещает научную и педагогическую деятельность, возглавляет кафедру вычислительной техники и автоматизации производственных процессов в Кабардино-Балкарском агрометеорологическом институте. Им разработаны учебные программы компьютерной технологии обучения студентов по основным специальностям. В 1989 г. ему присвоено учёное звание профессора.

Под руководством П. М. Иванова реализован проект «Создание полигона для разработки и применения перспективных информационных технологий в рамках региональных сетевых структур (информационное обеспечение системы управления регионом в новых условиях хозяйствования)» – в соответствии с Постановлением ГКНТ СССР от 27.07.89 г. № 502/90 «О проведении конкурса проектов в рамках ГНТП «Перспективные информационные технологии».

В последующем разрабатываемые учёным научные проблемы связаны с поиском эффективных методов математического моделирования сложных систем управления. Для описания разнородных элементов сложных систем (СС) обычно используются разнородные математические формализмы, что затрудняет поиск механизмов описания взаимодействия этих элементов. П. М. Ивановым разработан способ единообразного описания элементов СС в виде единого модуля, в качестве которого выбрана динамическая система, охватывающая как детерминированные, так и стохастические объекты. В качестве такого модуля им создана автоматически-алгебраическая модель, для которой име-

ется возможность автоматического преобразования – как дискретного преобразователя, так и вероятностного автомата к виду, определяемому этой моделью.

П. М. Ивановым предложена алгебраическая универсальная схема, описывающая широкий класс реальных систем и процессов, что дало возможность (благодаря её алгебраической природе) формализовать область эквивалентных преобразований (как элементов СС, так и схем сопряжения этих элементов), являвшейся тогда ещё неразработанным направлением.

П. М. Ивановым получены фундаментальные результаты в теории алгоритмических алгебр (АА). Решена задача аксиоматизации как алгебры условий, так и алгебры операторов в системе АА. Доказано, что совокупность всех тождеств АА порождается конечным числом схем условных тождеств. Доказаны теоремы о полноте и непротиворечивости построенных им аксиоматических систем АА с некоммутативной алгеброй условий. Доказана алгоритмическая разрешимость проблемы эквивалентности выражений АА с коммутативной алгеброй условий. Разработан алгоритм синтеза дискретных преобразователей.

В целях описания стохастических процессов на языке АА им предложен стохастический оператор в алгебре операторов АА и метод регуляризации оператора, реализуемого вероятностным автоматом. На основе полученных данных он показал возможность описания с помощью языка АА сложных систем в экономике.

П. М. Иванов впервые ввёл понятие вероятностных и нечётких АА с нечёткой логикой для описания процессов принятия решения в условиях неопределённостей и нечётко определённых процедур. Для нечётких и вероятностных АА он доказал теорему о том, что для любого нечёткого и вероятностного автомата можно найти регулярное выражение оператора, реализуемого этим автоматом. Моделирование сложных систем с использованием языка АА образует новое научное направление и научную школу П. М. Иванова: «Алгебраическое моделирование сложных систем». Использование указанных абстрактно-алгебраических методов в оптимизации алгоритмов, характерное для современного этапа развития прикладной теории алгоритмов, имеет принципиальное значение при создании оптимальных управляющих систем и их алгоритмических структур. Указанное новое научное направление отражено в монографии П. М. Иванова «Алгебраическое моделирование сложных систем», опубликованной в середине 90-х годов в Москве издательством «Наука».

В прикладной теории алгоритмов его именем названы «автоматно-алгебраический класс сложных систем» и «вероятностные алгоритмические алгебры».

Нельзя не отметить многогранность научных интересов Петра

Мацовича. Его научные изыскания не ограничиваются сферой прикладной теории алгоритмов, математическим моделированием сложных систем и разработкой автоматизированных систем управления регионами. Они охватывают широкий спектр научных дисциплин. Так, в 90-х годах появляются его книги: «Регионализация управления и устойчивое развитие» и «Северный Кавказ: партия войны и интересы России (проблемы устойчивого развития региона)». В составе коллектива авторов в Москве издана «Концепция государственной информационной политики».

Широкую известность в стране и за рубежом получили фундаментальные работы учёного по целому ряду самостоятельных направлений:

– экономика и математические модели: «Устойчивое региональное развитие: концепция и модель управления» // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. № 2;

– проблемы цивилизационного развития: «Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты»: Энциклопедический словарь / авт. кол.: Андреев А. Л., Иванов П. М. [и др.]; ред.: Мчедлов М. П. [и др.]. М.: Республика, 2001. 544 с.;

– государственное строительство: «Каким быть завтра федерализму в России?» // Федерализм. 1999. № 3;

– конфликтология: «Можно ли избежать конфликтов в России?» // Вестник РАН. 2002. Т. 72. № 1;

– политология, международные отношения и новый миропорядок: «Столкновение цивилизаций или устойчивое развитие?» // ПОЛИС. Политические исследования. 2015. № 2. Данная работа издана также в США в рубрике «Вклад в международную экономику»: Vol. 1. No. 4; 2015. ISSN № 2377-1682. Published by York University Inc;

– национальная политика: монография «Адыги (черкесы) и казаки в истории и политике России: опыт нравственного прочтения». Изд-во КБНЦ РАН. 2021. Книга посвящена поиску доказательных аргументов в пользу единства России и Северного Кавказа. Одним из указанных аргументов является формирование межэтнических сообществ на Северном Кавказе.

Изучая межнациональные проблемы региона, наш юбиляр пришёл к выводу, что в результате длительного совместного проживания и эволюционирования родственных взаимоотношений между кабардинцами и балкарцами, сложился уникальный кабардино-балкарский народ, названный им «единый двуязычный народ». Кабардинцы и балкарцы, как он утверждает, ничем ни отличаются в жизни, их этнокультурные и антропологические признаки полностью совпадают, равно как и менталитет этих народов. Существуют лишь частные отличия, подобные индивидуальным чертам, свойственным братьям и сёстрам одной се-

мы. А языковое различие, как говорит Пётр Мацович, преодолевается в обществе, где культура общения друг с другом достигает такого уровня, что войдя в любой дом, гость говорит только на языке хозяев этого дома. По мнению П. М. Иванова до такого уровня культуры кабардинцев и балкарцев не так уж и далеко, если, конечно, мы серьёзно займёмся соответствующим воспитанием и образованием наших детей.

По количеству созданных П. М. Ивановым научно-исследовательских институтов и научных центров ему нет равных на Юге России. С созданием П. М. Ивановым Вычислительного центра «Сельхозтехники» его дальнейшие научные интересы были нацелены на разработку АСУ разных уровней. В 70-х годах разработка и внедрение в нашей стране региональных интерактивных автоматизированных систем управления были невозможны из-за отсутствия технических и программных средств передачи и телеобработки данных. В эти годы под руководством и при непосредственном участии П. М. Иванова были разработаны групповые адаптеры, обеспечивающие многоканальный выход на ЭВМ ЕС. С целью реализации системы телеобработки информации в качестве конечного оборудования данных, также были разработаны удалённые многотерминальные абонентские пункты. Создание – впервые в СССР – на базе теоретических, а также технических и программных разработок П. М. Иванова АСУ уровней региона, РСФСР и СССР, было связано с большим экономическим эффектом в масштабах страны, за что он, как сказано выше, был удостоен звания лауреата премии Совета министров СССР. Дальнейшие исследования учёного по созданию интегрированных АСУ привели его к необходимости проведения работ по автоматизации проектирования сложных систем. В 1988 г. он основывает Северо-Кавказское НПО «Севкавагпро-пром АСУ» с охватом Дагестана, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии и продолжает научные исследования, связанные с разработкой теоретических методов проектирования сложных систем управления.

Петра Мацовича Иванова как гражданина России всегда глубоко волновали общегосударственные проблемы: социально-экономическое положение, национально-культурный уровень, материальное и духовное благосостояние людей. Побывав в различных передовых странах мира, он убедился, что конкурентоспособную экономику создают лишь те государства, которые вкладывают достаточные ресурсы в развитие науки, образования, культуры. Такие инвестиции позволяют полноценно развиваться обществу.

По мнению учёного, главная обязанность РАН – создавать новые, передовые фундаментальные знания, которые составляют основу для дальнейшего развития. П. М. Иванов доказывает, что Россия может стать конкурентоспособной на мировом рынке технологий, только создав инновационную экономику в регионах, основу которой составляет

наука. Отсюда становится очевидным, какое исключительно важное значение имеет КБНЦ РАН для региона. Создание П. М. Ивановым КБНЦ РАН ознаменовало пришествие фундаментальной науки в республику. А, как говорит Петр Мацович, богатство России будет прирастать не только Сибирью, но и регионами. На протяжении 25 лет он являлся бессменным председателем этого Центра. Центр объединяет восемь научных учреждений: четыре института, два центра и две обсерватории. В структурах КБНЦ фундаментальной наукой занимаются до 900 учёных. Безусловно, это огромная сила не только для Юга России, но, в целом, для России. Созданный в 1996 году П. И. Ивановым Институт информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН славится робототехническими и нанотехнологическими проектами. Так же успешно функционируют созданные им Институт прикладной математики и автоматизации и Институт экологии горных территорий КБНЦ РАН. По его инициативе в КБНЦ РАН были также созданы ещё два подразделения: Центр географических и Центр социально-политических исследований.

В 2011 году под руководством П. М. Иванова и при его непосредственном участии разработан и представлен Правительству КБР масштабный труд: «Стратегия развития Кабардино-Балкарской Республики до 2030 года».

При содействии П. М. Иванова научный журнал «Известия КБНЦ РАН» вошёл в перечень изданий, рекомендованных ВАК для публикаций результатов диссертаций на соискание учёных степеней. Являясь главным редактором этого журнала, наш юбиляр и сегодня активно продвигает это востребованное научное издание региона в системы научных изданий планеты, зарегистрированных в списках WoS и Scopus.

С 1990 по 1993 гг. Пётр Мацович был председателем комиссии Верховного Совета КБР по образованию и науке. Именно этот период характеризуется не только демократическими преобразованиями, но и разгулом сепаратизма в стране. Промышленность в республиках Северного Кавказа к концу XX века была окончательно разрушена, а сельское хозяйство приведено в состояние системного кризиса; уровень продовольственной безопасности оказался намного ниже допустимого. В столь непростое время Пётр Мацович Иванов взял на себя ответственность в разрешении многих конфликтных ситуаций и экономических проблем. Характеризуя данный период, учёный пишет: «Несмотря на отчаянную попытку деструктивных сил разделить республику на Кабарду и Балкарию, мир был сохранен благодаря высокому интеллектуальному уровню всего общества республики, а также мудрости и традиционной братской дружбе народов, проживающих в Кабардино-Балкарии. Будучи первым заместителем председателя Конгресса кабардинского народа (ККН), я председательствовал на

большинстве созывов Съезда Кабардинского народа, а также возглавлял экспертную комиссию по определению границ между Кабардой и Балкарией. Совместно с аналогичной комиссией Национального совета балкарского народа (НСБН) мы доказали и пришли к единому мнению, что невозможно в настоящее время установить границу между Кабардой и Балкарией, интеграция которых дошла до очень большой высоты. Если бы не удалось нам тогда примирить кабардинский и балкарский съезды по вопросу невозможности определения границ между Кабардой и Балкарией, то не миновать бы нам гражданской войны в республике. А это было бы катастрофой для России, так как сюда немедленно был бы втянут весь Юг России».

Для вывода республики из политического и экономического кризиса Ивановым много было сделано и в последующие годы. Он не остаётся в стороне от происходящих в России общественно-политических событий. В 1997 г. им издана книга «Северный Кавказ: «партия войны» и интересы России», в которой автор чётко показал, что «...если и дальше Россия будет жить в отсутствии национальной политики... при наличии невиданной коррупции в стране снизу до верхнего эшелона власти и концептуальной пустоты реформ как экономики, так и общества, она может в скором времени повторить путь СССР». И совсем недавно, в декабре 2021 г., в «Известиях КБНЦ РАН» вышла статья «Мысли о новой России», в которой Иванов рассматривает построение новой, реально федеративной России, необходимость завершения остановленной экономической реформы, переход на новую национальную политику и необходимость выработки концепции взаимоотношений России и Северного Кавказа, от которых, как утверждает автор, зависит будущее государства.

Пользуясь случаем, коллеги и друзья поздравляют Петра Мацовича с 80-летием и желают ему здоровья, долгих лет счастливой жизни и новых творческих взлётов!

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

Любой нормальный человек стремится оставить свой след на земле. Значение этого слова трактуется по-разному, но, на наш взгляд, оно означает выполнить свою человеческую миссию, сделать своё, может быть, и не гениальное, а совсем крохотное, но полезное для близких людей открытие. Вопрос о том, что необходимо оставлять после себя «полезную память», созидать нужное людям, всегда был важным и значимым для Ахмеда Хамукова, который в эти дни отмечает свое славное 80-летие. Еще в юности он понял важную вещь: чтобы не прожить жизнь впустую, необходимо выбрать верную цель в жизни и упорно продвигаться к ней.

А. Ш. Хамуков

Он родился в старинном селении Каменноостокское в самый разгар Отечественной войны. Несмотря на трудные годы, рос здоровым и любознательным, учился хорошо. Особенно легко ему давались математика, физика, география. Его всегда отличало серьезное отношение к жизни. Никто не вспомнит, чтобы он изрек фразу в спешке или под чьим-то нажимом. Привыкший руководить большим коллективом, а значит, и нести ответственность за дела в коллективе, он еще с молодых лет научился управлять своими чувствами, основательно обдумывать свои слова и действия. Также характерной чертой Ахмеда является его обстоятельность, что отлично сочетается с его вдумчивостью.

Самой большой бедой его подчиненных всегда считалась требовательность генерального директора, необходимость учитывать абсолютно все нюансы дела. Для него не существует понятий «мелочь» или «не очень важно» – любое дело должно быть продумано от начала и до конца, просчитано до единой копейки и до последнего аргумента. Программа реализации энергетической программы Кабардино-Балкарии до 2015 года, в свое время разработанная под его руководством, как раз отличается своей основательностью, обстоятельной подготовкой, грамотным подходом и очевидной реальностью воплощения. Именно этим и объясняется, что она практически полностью реализована.

Данная Программа – главный документ для Ахмеда Хамукова.

Он всю свою сознательную жизнь посвятил тому, что шел к его приятию, а затем и к реализации.

Став взрослым, он успешно окончил электроэнергетический факультет Ивановского энергетического института им. В. И. Ленина по специальности «инженер-электрик», но учеба на этом не закончилась – он постоянно самосовершенствовался, изучал все новое, передовое. Например, в 1993 году обучался в Шотландском политехническом институте, стажировался в США, Швейцарии и Франции. Изучал все новое и передовое, что появлялось в специализированных изданиях. Все время работал в системе энергетики Кабардино-Балкарии, начав с самого «низа», накопил опыт, получил основательную практику и необходимые навыки, что способствовало успехам в остальной жизни.

В 1985 году, когда А. Ц. Хамуков был назначен директором Кабардино-Балкарских электрических сетей, сети вовсе не были нашими, то есть не были самостоятельными и лишь входили в РЭУ «Ставропольэнерго» как структурное подразделение. На этом следует остановиться особо, так как зависимость от Ставропольского начальства никогда не предполагала особого развития нашей энергетической системы. Так было и в других отраслях. Например, система нефтепродуктообеспечения республики полностью зависела от Грозного – у нас функционировал лишь участок. Материально-техническое состояние в обеих отраслях всегда было убогим. Только создание самостоятельной структуры могло дать возможность строить какие-то планы развития, какую-либо перспективу. И Ахмед Цацуевич плотно занялся этим делом, поставив перед собой цель, чтобы его коллектив достиг доминирующего положения в федеральной системе. Однако для этого отрасль должна была стать самостоятельной.

Несмотря на благие цели, оказалось трудно убеждать консервативно настроенное руководство менять структуру. И в Москве, и здесь в республике практически всех устраивало существующее положение вещей. Еще тяжелее было объяснить Ставропольскому начальству свое стремление к самостоятельности.

Находилось множество причин, из-за которых то там, то тут вдруг срывалось решение важных вопросов. Ставились необоснованные препоны в работе, и все это только из-за того, что в Кабардино-Балкарии появилось желание обрести самостоятельность. Тем не менее, создание самостоятельной энергосистемы РЭУ «Каббалкэнерго», несмотря ни на какие трудности и препятствия, продолжалось. И здесь проявилась еще одна черта нового руководителя – завидное упорство, с которым он преодолевал все препятствия одно за другим.

Наконец, все формальности были решены, самостоятельная структура, действующая как энергосистема Кабардино-Балкарии и

подчиненная непосредственно Министерству топлива и энергетики СССР, создана, а ее основоположник А. Ц. Хамуков назначен генеральным директором. Позже, в 1988 году, она была еще раз переименована в производственное объединение энергетики и электрификации «Каббалкэнерго», а в 1993 году акционирована. До 2002 года Ахмед Цацуевич руководил акционерным обществом «Каббалкэнерго».

Параллельно с созданием самостоятельной энергосистемы и последовавшими преобразованиями А. Ц. Хамуков проводил большую работу по укреплению материально-технической базы как в самом объединении, так и в районах и городах республики. Это было самое важное. Ведь даже на текущий или послеаварийный ремонт линий электропередач, трансформаторных подстанций уходило много времени и усилий, так как наследство «Ставропольэнерго» представляло собой жалкое зрелище. В районных подразделениях это часто были лишь две бригады аварийщиков на какой-нибудь убогой «полуторке». Но упорства и напористости Хамукову не занимать – не зря его с подачи первого президента Кабардино-Балкарии В. М. Кокова прозвали Наполеоном. Он не скрывал своей симпатии к прогрессивно мыслящему и энергичному хозяйственнику. Как правило, прозвище спонтанно не присваивается. В Ахмеди Цацуевиче тоже было немало наполеоновского: та же смуглость и приземистость, грандиозность планов, постоянное стремление к новому, прогрессивному, бескомпромиссность и упорство в достижении своих целей.

Наряду с выстраиванием всегда необходимых вертикальных и горизонтальных связей, заключением договоров, везде в городах и районах начали создавать или реконструировать свои производственные базы. Конечно, для этого нужно было еще сделать так, чтобы выделили необходимые лимиты, чтобы они были и освоены. Но эти лимиты не выделялись, а «выбивались», на что, как правило, уходило много времени, нервов и сил. Необходимо было иметь большие связи, и неслабые – что скрывать, в знаменитые 90-е дела лучше складывались у тех, кто умел налаживать деловые и добрые взаимоотношения с вышестоящим начальством.

И здесь Ахмеду Цацуевичу сильно повезло, что в руководителях отрасли оказался наш земляк Анатолий Федорович Дьяков, родившийся на той же реке Малка – в Марьинском. Его родители долгие годы преподавали в Куркужине математику и физику, и он с малых лет впитал в себя любовь к Кабардино-Балкарии. Нравились ему и преданность Хамукова делу, его профессионализм и тяга к совершенствованию. В тот период в полной мере проявилось упорство Ахмеда Цацуевича, сумевшего доказать кому надо, уговорить кого надо и достать все необходимые материалы для строительства про-

изводственных баз и, главное, для оснащения их необходимым оборудованием. Например, параллельно с каскадом ГЭС на реке Черек, в Нальчике, в районе Затишья, рядом с центральной электростанцией «Нальчик» строилась ремонтно-эксплуатационная база, которая предназначалась для ремонта электросетевого оборудования, для ремонта гидротурбин, генераторов, крупных силовых трансформаторов. Ничего подобного у нас, естественно, никогда не было.

Несмотря на то, что от той базы сейчас уже ничего не осталось, ее можно считать великим вкладом А. Ц. Хамукова в дело укрепления энергосистемы Кабардино-Балкарии. Ведь после окончания строительства в электротехническом цехе ремонтировали силовые трансформаторы мощностью от 25 до 50000 кВа весом до 160 тонн. Во втором цехе производили ремонт гидротурбин до 70 тонн. По сути, здесь был самостоятельный завод, оснащенный современным оборудованием. Однозначно, это была самая лучшая база в северокавказском регионе. Здесь же, рядом 150 семей были обеспечены комфортабельным жильем.

За эти годы энергосистема Кабардино-Балкарии ощутимо шагнула вперед, став абсолютно надежным поставщиком электроэнергии – была проделана большая работа по повышению надежности электросетевого хозяйства республики. Так, в те годы построены крупные магистральные, так называемые системные объекты напряжением 330000 вольт, три подстанции в Нальчике, Прохладном и БаксанГЭС-е суммарно установленной мощностью 375000 кВт, а также около 1,5 тыс. км ПЭП – 330000 вольт. Выполнен большой объем работ по строительству и электрификации распределительных внутрисистемных сетей и по электрификации сельскохозяйственных объектов. Безо всякого сомнения можно утверждать, что это стало возможным благодаря умелому руководству А. Ц. Хамукова, его организаторскому таланту, способности вычленять главные направления деятельности и правильно сосредотачивать усилия коллектива.

Сам собой успех не приходит. Успех – всегда результат правильно спланированных действий, помноженных на прилагаемые усилия и использование определенных знаний и опыта. Хорошо знал это и А. Хамуков, когда в начале 90-х вместе со своими специалистами начал разрабатывать энергетическую программу Кабардино-Балкарии на период до 2010 года. Она была выработана и довольно помпезно утверждена совместным постановлением правительства КБР и правлением РАО «ЕЭС России». На помпезности настояло РАО «ЕЭС России», так как в те лихие девяностые по всей стране ни один регион не занимался развитием электроэнергетики и поэтому торжественность имела показательные цели.

Особенностью утвержденной программы было то, что в ее ос-

нове лежало использование главным образом местных, постоянно возобновляемых, экологически чистых гидроэнергетических ресурсов, потенциал которых оценивался в 19 млрд кВт/часов. И цель программы была благородной – энергетическое самообеспечение Кабардино-Балкарии и одновременно улучшение энергобаланса всего северокавказского региона.

Данная программа отличалась от многих других документов того времени еще и тем, что ее начали претворять в жизнь практически сразу после утверждения. Уже в 1995 году после реконструкции введена в строй Акбашская ГЭС, в 2000 году пущен первый агрегат малой ГЭС-3 на канале Баксан-Малка, была сдана в эксплуатацию первая очередь каскада Нижне-Черекских ГЭС – Аушигерская установленной мощностью 60 МВт. Параллельно строилась Кашхатауская ГЭС (тогда называлась Советская), которая к моменту пуска Аушигерской ГЭС имела 70-процентную готовность и намечалась к сдаче в 2005 году, но до этого ему не дали доработать. Ахмеда Цацуевича пригласили на престижную должность заместителя главного инженера Всероссийского института «Гидропроект» в Москве.

Возможно, он так и остался бы там, но президент КБР В. М. Коков настоял на его возвращении в родные пенаты – специальным постановлением правительства было учреждено государственное учреждение КБР «Дирекция инвестиционных проектов развития энергогенерирующей базы КБР». Задумка была более чем привлекательна, начались работы по изучению условий привлечения инвесторов. Учреждение очень эффективно занималось изучением проблем гидроэнергетических ресурсов, вносило немало хороших предложений в органы власти. В короткий срок проделало большую работу, разработав Концепцию использования гидроэнергетических ресурсов на реках Малка и Урух (в пределах нашей республики). Также была подготовлена исходная документация на строительство малой Зарагжской, Сармаковской и Адыр-Су ГЭС. Здесь следует подчеркнуть, что, наряду с этими новыми для нас стройками, была создана организационная, производственная и техническая основа, необходимая для обеспечения реализации программы. Это и создание квалифицированного коллектива гидростроителей, и привлечение к работе строительных и промышленных предприятий республики, и обеспечение их заказами, и многое другое.

По некоторым идеям были даны задания проектировщикам, налаживались необходимые в таких случаях связи, «прошупывались» потенциальные инвесторы, но скончался первый президент и, устремившись к другим целям, власть охладела к этой отрасли – все усилия пропали зря, о том правительственным постановлением забыли.

...За разговорами мы часто возвращаемся к достижениям кол-

лектива «Каббалкэнерго». И получается, что сегодня Ахмед Цацуевич вправе гордиться своими добрыми делами на благо Кабардино-Балкарии, тем, что дарил свет, а значит, и тепло людям. Именно в его бытность генеральным директором ОАО «Каббалкэнерго» мы достигли наивысших показателей по потреблению и экономии электроэнергии. В те годы потери электроэнергии в сетях составляли лишь 12–14 процентов от потребления.

Следует сказать и о большой социальной работе, проводимой тогда в коллективе. Можно начать с того, что работа в объединении всегда считалась престижной, труд хорошо оплачивался, нуждающиеся получали возможность лечиться и отдыхать в санаториях, турбазах. Построено много жилых домов в Затишье и Александровке, Тырныаузском проезде в Нальчике, все нуждающиеся из числа работников районных подразделений были обеспечены жильем. Объединение постоянно принимало долевое участие на строящихся объектах жилья. Все работники были обеспечены местами в дошкольных учреждениях.

Ничто не пропадает бесследно. Не остался незамеченным и труд А. Ц. Хамукова. В 1995 году он стал лауреатом Государственной премии КБР в области науки и техники. Он неоднократно награждался Почетными грамотами органов власти, в том числе и Почетной грамотой Правительства КБР, удостоен званий «Почетный энергетик СССР», «Заслуженный работник Единой энергосистемы России». Ему по праву присвоено высокое звание «Заслуженный энергетик КБР», удостоен международной награды «Эртмейкер», награжден почетным знаком «70 лет ГОЭЛРО». Экспертный совет в области экономики и управления Редакционной коллегии Национальной академии личности РФ признал А. Ц. Хамукова одним из наиболее эффективных менеджеров предприятий России и присвоил ему звание «Топ-менеджер Российской Федерации 2006», его имя занесено в Национальную энциклопедию личностей России, он избран членом престижной Международной энергетической академии.

В своей жизни Ахмед Цацуевич много делал на общественных началах – еще со времен Советской власти. Всегда помогал нуждающимся, деятелям культуры, спортсменам. Во всех районах республики объединение имело подшефные колхозы и школы и всегда оказывало им ощутимую помощь. Избирался депутатом Совета представителей Парламента Кабардино-Балкарии.

В настоящее время А. Ц. Хамуков – председатель Совета директоров ООО Энергетическая Компания «Энергоресурс». Кстати, здесь некоторое время работал и его сын Аслан, уверенно идущий по стопам отца. Окончив Московский энергетический институт и аспирантуру, он начал, как и отец, инженером подстанции и успел про-

работать в системе на различных должностях. Отец и сын, вместе с коллективом единомышленников, разработали концепции использования гидроэнергетических ресурсов в Дигорском ущелье (Осетия) на р. Урух с его притоками, установленной мощностью 300 МГВ с выработкой около 2 млрд. кВт/часов в год. И уже на одном из этих притоков ими построена частная гидроэлектростанция «Фаснал». Потом Аслан ушел на государственную службу в Министерство энергетики, тарифам и ЖКХ республики. В настоящее время трудится в Корпорации развития КБР – то есть он обрел бесценный опыт работы, который, несомненно, пригодится в жизни.

Все эти годы, с тех пор, как А. Ц. Хамуков покинул высокие должности, он с завидной настойчивостью работает над изучением возможностей применения наших рек в плане развития гидроэнергетики республики. Следует подчеркнуть, что проделана колоссальная работа в этом направлении. И это очень важно, так как предпроектные и проектные работы (чем по собственной инициативе занимается фирма «Энергоресурс») обычно занимают 5-10 лет. Потенциальный инвестор не хочет терять впустую столько времени – Ахмед Цацуевич фактически экономит для них это дорогое время, которое, как известно, есть деньги. На сегодняшний день, после тщательного изучения, составлена соответствующая предпроектная документация по всем рекам Кабардино-Балкарии, которые могут представлять интерес для инвесторов.

Для А. Ц. Хамукова особый интерес представляет река Малка, на берегу которой он родился и вырос. Не будет преувеличением сказать, что изучению возможностей урочища Малки он придает самое важное значение, как претворению в жизнь собственной мечты. В результате многолетних изысканий Ахмед Цацуевич пришел к заключению, что река Малка в плане ее использования для гидротехнических сооружений – самая привлекательная. Такой вывод, в свою очередь, зиждется на скрупулезном и глубоком изучении состояния урочища. Он знает каждую излучину родной реки, объемы поступления и расхода воды, перепады воды по ее ходу, возможные варианты естественных природных емкостей для будущих небольших водохранилищ.

– Без этого никак нельзя, – говорит Ахмед Цацуевич. – Я досконально ознакомился с историей строительства БаксанГЭС. Если бы проектировщики в свое время добросовестно отнеслись к проектированию данного, безусловно, очень важного и сложного объекта, то они выявили бы, что ГЭС нужно было строить на несколько километров выше – примерно между Бедыком и Жанхотеко, где естественный перепад реки, ее скорость, а также природный ландшафт позволили бы тогда значительно сократить сроки строительства ги-

дроэлектростанции. Но выбрали там, где выбрали. Затянулись не только сроки. Положили огромный труд десятков тысяч тружеников, которые чуть ли не вручную рыли котлован, а грунт вывозили гужевым транспортом.

Хамуков так подробно говорит об этом для того, чтобы ошибки не повторялись и строительство малых ГЭС велось с учетом природных особенностей тех или иных урочищ.

В этом плане урочище Малки уникальное. Природный ландшафт устроен таким образом, что практически исключает грубое вмешательство в течение самой реки. Всего, по его мнению, на реке Малка может быть сооружено не менее восьми малых гидроэлектростанций суммарной мощностью порядка 220 мегаватт. Причем абсолютно безболезненно для окружающей среды и в целом для акватории. Все изыскания и подтверждающая информация в наличии. Следует заметить, что в результате реализации намеченного также появится возможность строительства на Большом Лахране гидроаккумулирующей станции для сезонного регулирования годового стока Малки. И это, в свою очередь, может дать к суммарной мощности добавки до 30 процентов.

В самом начале этого каскада должна располагаться ГЭС, которая могла бы полностью обеспечить потребности будущего бальнеологического курорта «Джилы-су». Думаю, никто не сомневается, что такой курорт там будет. Да и сейчас минеральные источники в местечке Джилы-су очень даже востребованы и здесь в летний период самолечением одновременно занимаются порядка трехсот человек. Исходя из такого спроса, а также из характеристик источников, воздуха и интенсивности использования этих источников, думается, ни у кого нет сомнения, что такой курорт рано или поздно здесь будет, будут, значит, востребованы и изыскания ООО «Энергоресурс». Однако в настоящее время здесь нет электроэнергии. Нет электричества – нет и цивилизации, нет доходов государству, республике.

Между тем, здесь есть гидроэнергетические ресурсы, которые позволяют решить задачу автономного электроснабжения. Это строительство гидроэлектростанции малой мощности, по которому предварительные изыскания на высоком профессиональном уровне провели А. Ц. Хамуков и его коллеги.

– Для этих целей, – говорит Ахмед Цацуевич, – представляют интерес правобережные притоки Малки – реки Каракаясу и Шаукол. На базе совместного использования стока этих рек может быть создана не одна гидростанция, а целый энергетический комплекс в составе МГЭС. В частности, в русле реки Малка, от Сармаково и до ее слияния с реками Шаукол и Харбаз можно соорудить четыре малых гидроэлектростанции мощностью 25 мегаватт каждая. Для

сравнения, Баксанская ГЭС выдает 25 мегаватт. Всего же на Малке может быть сооружено восемь МГЭС и одна гидроаккумулирующая станция. Только эта гидроаккумулирующая станция может выдавать 200-300 мегват энергии. Кроме того в верховьях Малки есть возможность построить 3 МГЭС мощностью по 5-7 мегаватт каждая. Только лишь этих мощностей достаточно, чтобы обеспечить электроэнергией будущие курорты и туристические базы в тех местах и восстановить полное электроснабжение на летних отгонных пастбищах, как это было раньше. Создание такого комплекса не только решает задачу электроснабжения курортного комплекса, но и отрывает технологические возможности для последующего оптимального использования совместного стока других водотоков верховья р. Малка.

Электрификация в районе Джилы-су нужна была еще вчера – думаю, это понятно всем. Но есть еще в целом северный склон Эльбруса, который дает огромные возможности развития горного туризма и горного спорта, не сопоставимые с существующими курортами. Но для этого нужно, в первую очередь, создать комплекс гидроэлектростанций на всем протяжении Малки, Баксана и других рек республики. Предварительные изыскания проведены. Так что тот инвестор, который быстрее поймет все выгоды предлагаемого Хамуковым бизнес-проекта, тот и будет на коне.

В этой связи очень важной представляется хорошо проработанная идея о сооружении в урочище Большого Лахрана гидроаккумулирующей станции для сезонного регулирования годового стока Малки, о чем мы выше упоминали. Здесь имеется созданная самой природой емкость, где не требуется особых вмешательств человека и материальных затрат. Рано или поздно мы придем к тому, что такая станция будет сооружена – к этому нас обязательно должны привести малые зимние расходы и большая сезонная неравномерность годового стока Малки и острая необходимость создания емкости для воды. Наиболее продвинутые инвесторы во всем мире мечтают о возможностях сезонного регулирования объемов используемой воды. Например, Ростовская АЭС давно уже проводит изыскания в этом направлении, но отсутствие перепадов воды, расположение на ровной плоскости исключают такую возможность. В нашем же случае сам бог велел использовать природой даруемые возможности.

Предлагаемые ООО «Энергоресурс» варианты строительства малых ГЭС и аккумулирующих станций ориентированы на минимальное использование дорогостоящих материалов и оборудования, так как будет использован выгодный природный ландшафт. Также решаются проблемы круглогодичного бесперебойного электроснабжения за счет дешевых возобновляемых местных источников энер-

гии, уменьшается необходимость в закупке электроэнергии на федеральном оптовом рынке электроэнергии, отпадет необходимость прокладки газопроводов к местам новых курортов. Попутно решаются и другие немаловажные проблемы. Например, останавливается промыв долины рекой, больше наполняется водой пойма реки, больше увлажняется земля по берегам.

...Он может часами говорить о своем деле, знает все особенности рек не только Кабардино-Балкарии, но и соседних регионов. Прав Ю. К. Альтудов и другие, которые говорят, что опыт и знания этого талантливого энергетика нужно использовать шире.

Сегодня Ахмед Цацуевич так же энергичен и напорист, как и в былые годы. За пределами своих изысканий, на которые он затрачивает львиную долю своего времени, он увлекается шахматами, любит конный спорт, ездит – когда возможно – на охоту, поддерживает добрые отношения с друзьями и коллегами, родственниками. Под хорошее настроение может спеть старинные кабардинские песни. Главное, настроен на результаты своей деятельности, на созидание.

Отзывы соратников о А. Ц. Хамукове

Губин Г. С., в 1992-2005 гг. – вице-президент КБР:

– Ахмед Цацуевич настоящий профессионал своего дела, достойный руководитель. Побольше бы таких руководителей, и республика, безусловно, процветала. Он пользовался безусловным уважением не только у нас в республике, но и далеко за ее пределами.

Помню, приезжал к нам его непосредственный руководитель Анатолий Федорович Дьяков и очень тепло отзывался о Хамукове, говорил, что в системе не так много людей, которые работают на перспективу. На самом деле, Ахмед Цацуевич был успешным руководителем, и он значительно опережал свое время.

Зумакулов Б. М., бывший первый секретарь Кабардино-Балкарского республиканского комитета КПРФ, в настоящее время – Уполномоченный по правам человека в КБР:

– Ахмед Цацуевич был крупным хозяйственным руководителем, умелым организатором производства. Он всегда выделялся авторитетным взглядом на события и факты, умел обобщать частные явления. Заслуга Хамукова в том, что он в сравнительно короткий срок сумел из придатка Ставропольэнерго превратить энергетическую систему Кабардино-Балкарии в современную высокотехнологичную и высокоэффективную систему.

Также он хороший товарищ, с ним приятно и комфортно общаться-

ся. Пользуясь случаем, сердечно поздравляю Ахмеда Цацуевича с юбилеем!

Альтудов Ю. К., ректор КБГУ им. Х. М Бербекова, 1995-2004; 2013-2015 гг. – первый заместитель Председателя Правительства КБР:

– Ахмед Цацуевич – многоопытный энергетик, человек с энциклопедическими знаниями в своей области и неутомимый труженик. С его именем связана история становления Каббалкэнерго, обретения им самостоятельности и укрепления материально-технической базы. Именно при нем мы в полной мере почувствовали эффективность нашей электроэнергетической системы, именно при нем наша система органически влилась в единую энергетическую систему России.

Многие идеи А. Ц. Хамукова нашли отражение в концепции развития гидроэнергетики северокавказского региона, что является ярким свидетельством эффективности его работ по развитию отрасли. Богатый опыт и обширные знания этого человека, считаю, бесценны и они не могут не заинтересовать экспертное сообщество. Надеемся, что они будут востребованы и на общероссийском уровне.

ДОРОГА ДОМОЙ

Новелла

В огромном заброшенном дворе одного из горных сел стоит высокий мужчина с развивающимися на ветру посеребренными волосами, держа в правой руке широкополую чёрную шляпу. Детские и отроческие воспоминания с неистовой силой проносятся в его голове. Он мечется как неприкаянный, расхаживая по двору. Вдруг остановился перед плотно закрытой дверью дома, на которой висел огромный амбарный замок, а стекла окон были разбиты... Заглянул внутрь, но ничего не увидел. Вслушался. Только ветер со свистом врывается в одно окно и вылетает из другого.

Тоскливый взгляд незнакомца устремлен вдаль, сокровенные думы пленяют сознание. Он медленно опустился на корточки, поцеловал камни фундамента и погладил их. Привстал, безмолвно обнял стены дома и долго стоял, прижавшись к ним. Непрошенные слезы застилали глаза, ком застрял в горле. Полный отчаяния и грусти, промолвил он: «Отец, мама, родные мои, простите вашего запутавшегося в жизненных перипетиях сына, простите ради Бога».

Мужские слёзы катились ручьём, ноги стали ватными, в груди сжало. Он сел на корточки, опустив голову, и долго оставался в таком состоянии неподвижным. Потом встал, еще раз окинул взглядом двор, а слезы все ещё лились, обжигая щеки. Мужчина, испытавший многое: трудности жизни, любовь и предательство, разочарования, впервые не стеснялся своих слез, не вытирал их, отдавшись теплым воспоминаниям, заветным чувствам...

Прислонившись спиной к стене дома, он долго смотрел на заросший крапивой двор, где когда-то под лучами солнца отец мастерил косовище, мать неподалеку пекла хлеб. Скромная невестка подметала двор. Босоногий мальчик соревновался с порывистым ветром и скакал на своем коне из прутика.

Когда, в какое время происходила это красивая зарисовка жизни, всплывающая перед глазами и нарушающая равновесие души?

Вчера, позавчера или много лет тому назад? Главное, это было, но ушло, ушло безвозвратно. И ничего с этим не поделаешь?! Вернуть бы хоть на мгновение время вспять. Услышать бы голос отца, почувствовать в лосах своих мягкие руки матери.

Эти зарисовки воспоминаний вытеснили другие картинки. Вот... ласточки, щебечущие под крышей. Они только окрепнут, научатся летать и улетят осваивать новые земли, строить новые гнезда и новую жизнь. В этом подлунном мире у каждого своя дорога и своя судьба.

Когда дети покидают отчий дом, остаются родители – отцы и матери, тоскующие по своим детям. С этого момента глаза родителей устремлены

вдаль, а души с трепетом и волнением ждут возвращения. Их изнуряет тяжелая болезнь, особенно маму. Именно у нее иссякают жизненные силы и интерес к самой жизни. Она ощущает себя больной, не может подняться с постели, не может понять и сказать, что болит, а врачам сложно поставить диагноз, диагноз столь тяжелой и непонятной болезни под названием тоска... тоска по детям.

А ведь правду говорят в народе, что материнская душа – в ребенке, а душа ребенка – в поле гуляет.

Мать, отец, умеющие сопереживать, радоваться, слушать и слышать свое чадо, ждут и не дождутся возвращения «блудного сына». «Увидеть бы свет своих очей», – повторяют без устали они и смотрят в надежде на дорогу.

Вот и нашего героя судьба закинула далеко от отцовского двора. Проходили дни, месяцы, годы. Но в какой-то момент душа воспарила и потянулась обратно. Вспомнились отец, мать, родное село, отчий дом, дорога, ведущая к нему. Теперь его разрывала изнутри тоска по родным местам, родным людям и звала обратно. И с этим зовом никак он не мог справиться, мысли занимала только дорога домой.

Много дорог исходил, много земель истоптал наш герой. Хорошего и плохого повидал. Богатым и влиятельным стал. Но нигде не нашел такого понимания, сопереживания, тепла, радости, покоя, как в отчем доме. Никто так не радовался его успехам, как родные люди.

Но путь домой оказался слишком долгим. Вернулся, но уже нет ласковой и доброй мамы, нет уважаемого, сильного и надежного отца. Сестра, брат тоже кто куда разбежались. Даже поговорить-то не с кем. Некому излить душу, передать нежные чувства, накопленные временем, по родным местам и близким людям. И эта потерянная связь с родными, измеряемая годами, давит и угнетает изнутри, нарушая покой.

Долго стоял во дворе мужчина, разрешая гладить ветру свои посеребренные волосы, и любовался то отчим домом, то двором. Потом надвинул глубоко свою шляпу. «Кто знает, когда я ещё вернусь сюда. Точно знаю, что вернусь, и тогда обязательно зажгу огонь в родном очаге. Но до тех пор, прошу тебя, не забывай, проведывай мой двор, потом споешь песню о заблудшем сыне», – так, завещав вольному ветру свой отчий дом, мужчина спешно вышел со двора.

Такова жизнь, одни приходят, другие уходят. Поколения сменяют поколения. Пока землю согревает солнце, пока луна освещает ночную тень, пока звезды горят в небе, мир останется миром. Как бы ты ни был далеко, даже за тридевять земель, за безбрежными морями и океанами, отчий дом останется в сердце навсегда. И ничто не сможет вырвать его из твоего сердца.

Перевод с балкарского Ларисы Ахатовой

ИЗ ИСТОРИИ КАБАРДИНСКОГО ТЕАТРА

Продолжаем знакомить вас с некоторыми отрывками из юбилейной работы, посвящённой истории Кабардинского государственного драматического театра им. А. А. Шогенцукова. В связи с публикацией выражаем нашу благодарность руководству театра и, в частности, директору КГДТ им. А. А. Шогенцукова Ирине Леусовне Паишовой за любезное согласие на публикацию некоторых выбранных материалов, а также зав. литературным отделом театра Виктории Кардановой – за большую работу по сбору и предоставлению материалов при подготовке юбилейной книги.

Театр в 1960-е годы

Шестидесятые годы прошлого столетия внесли в деятельность Кабардино-Балкарского государственного драматического театра значительные и во многом кардинальные изменения. Эти новшества и изменения касались, в том числе, и организационной стороны. Но главный сдвиг происходил в те годы в сознании всего советского народа, и как результат – в творческой составляющей и в самой мировоззренческой структуре восприятия и отображения окружающей действительности, что актуально для деятельности работников культуры и искусства.

Из организационных новшеств в первую очередь стоит отметить присвоение театру имени классика кабардинской литературы Али Асхадовича Шогенцукова. Это произошло 21 августа 1961 года по Указу Министерства культуры РСФСР. В те годы кабардинская и балкарская труппы не были разделены организационно – это был один Кабардино-Балкарский объединённый драматический театр с двумя национальными труппами. И вот теперь театр носил имя народного поэта Кабардино-Балкарии Али Шогенцукова.

Следующим новшеством стал приход в театр нового поколения артистов – в 1958 году состоялся выпуск второго потока кабардинской студии ГИТИСа, и вернувшиеся в Кабардино-Балкарию молодые выпускники составили в основном молодёжный костяк труппы, которая в числе прочих и стала определять во многом лицо Кабардинского театра 1960-х.

Вот их имена: *Ануар Тухужев, Асман Теуважев, Лена Маирова, Лидия Шугушева, Мухадин Секреков, Николай Макоев, Пиизаби Мисостишхов, Султан Каздохов, Тамара Ашнокова, Хамшаса Срукова, Хасан Кодзоков, Зоя Налоева, Анатолий Шереужев, Хабас Шогенов, Канишоуби Кушхов, Мухазир Урусов.*

Для более ясного понимания ситуации конца 1950-х – начала 1960-х годов прошлого века необходимо обратить внимание на общую картину тех лет, и в первую очередь это касается мировоззренческой и даже духовной составляющих. В политической, социальной и культурной жизни народа революции не произошло, зато это было время невиданной по масштабам реформы существующего общественно-политического строя. Можно сказать, что воздух тех лет был буквально пропитан совершенно новаторскими изменениями, веяниями и ожиданиями. Позже тот период в истории советской страны назовут «оттепелью» шестидесятых. И если людям старшего возраста, которые жили в ту пору, значение этого слова объяснять не нужно, то более поздние поколения могут до конца и не осознавать, чем была эта оттепель для всего народа.

Во-первых, резко и неуклонно изменился сам политический климат в стране. Государство отошло от репрессивно-карательных революционных методов управления и взяло курс на частичную демократизацию общественной жизни. Это и стало главным катализатором грандиозных изменений в политической, социальной и культурной жизни общества. Страна, победившая фашизм и теперь уверенно поднимающаяся из руин Второй мировой войны, не могла дальше жить и полноценно развиваться по старой довоенной тоталитарной модели управления и функционирования общественных институтов. Да и народ-победитель был теперь уже совершенно другой. Все и всё ждало и требовало перемен, и они наступили.

И в числе первых на эти изменения отозвались культура и искусство. Появляются неожиданно смелые прозаические литературные произведения, которыми заявили о себе писатели нового типа, бывшие фронтовики и дети военных лет. Наблюдается чрезвычайно бурный взлёт поэзии. На экраны выходят новые кинокартины, в которых поднимаются животрепещущие гуманистические вопросы. Советский театр по-новому интерпретирует и классику, и революционную героику и берётся за новые современные постановки.

Повторим, что «оттепель» шестидесятых прошлого века вовсе не означала радикальной смены общественно-политической формации, политического курса и сознания общества. Нет, это по-прежнему было общество, уверенно и неизменно строившее коммунизм и устремлённое в лучшее будущее, в эпоху окончательного торжества социальной справедливости и равенства. Правящая элита, политический режим и подавляющая часть народа, без сомнений, позиционировали себя как общество социалистическое.

И победа в невиданной войне, и полёт первого космического аппарата на орбиту Земли и, особенно, первый полёт в космос человека – советского парня Юрия Гагарина, – а также успехи в восстановлении

народного хозяйства и, конечно, успехи советской культуры – достаточно вспомнить гран-при Каннского кинофестиваля картине «Летят журавли» – всё это в совокупности придало той эпохе завидный по своему настрою оптимизм. Достаточно вспомнить тот факт, что комсомольцы шестидесятых писали коллективные письма комсомольцам восьмидесятых, начинавшиеся словами «Дорогие друзья, вот вы и живёте при коммунизме!».

Кабардино-Балкарский драматический театр и, в частности, кабардинская труппа театра, не оставался в стороне от веяний эпохи. Здесь в тот период ставилось много новых спектаклей, отзывавшихся на дух времени.

«Тайная свадьба»

В 1964 г. московский журналист и театровед Г. Юровский побывал в Нальчике на спектакле по пьесе Х. Дударова «Тайная свадьба», режиссёр-постановщик Мухамед Тубаев. Вот его некоторые заметки по поводу увиденного, опубликованные в журнале «Театральная жизнь» («Золотое яблоко нартов», № 15, 1967 г.): «Поглядывая на полупустой зал и часы, нет-нет и спрашивал себя: да виданное ли дело начинать с таким опозданием?! Оказалось, совершенно необходимо... Полчаса назад телефонистка с какого-то дорожного коммутатора передала, что колонна колхозных автомашин пробивается сквозь туман на горных перевалах. Но вот, наконец, пробились деревенские зрители – они вошли очень взволнованные, разодетые, охорашиваясь на ходу, и заполнился весь зал...

Давали «Тайную свадьбу». Автора, Хаути Дударова, и постановщика, заслуженного артиста РСФСР и народного артиста КБАССР Мухамеда Тубаева, я уже знал: вместе были на родине Куны (Куны Дышековой) в Чегеме. И теперь шло как бы продолжение беседы в ином плане, иными средствами.

«Тайная свадьба» даёт полное основание говорить о прекрасном единстве автора, актёра, режиссёра. Спектакль развивается, как музыкальная тема, как глубокое соавторство большого коллектива. Трудно что-либо выделить из актёрских удач. Но, пожалуй, первым на памяти великолепный дуэт: два старика – сваты Хангери (заслуженный артист РСФСР А. Тухужев) и Жангери (артист Л. Макоев).

Если справедливо изречение, что каждое искусство стремится высвиться до музыки, то работа постановщика М. Тубаева сравнима с большим дирижёрским талантом. Здесь должно упомянуть и главного режиссёра М. Толчинского, его творческий вклад, формирующий «почерк» театра».

Несомненно, первое, что приходит на ум при упоминании имени артиста Мурата Болова – это образ Ленина, сыгранный им неоднократно

в разных пьесах и постановках. «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше»: эти строки поэта как нельзя более точно передают актёрское и моральное кредо Мурата Хажмурзовича.

Разумеется, Мурат Болов на сцене Кабардинского Драмтеатра играл не только Вождя революции. За свою большую творческую карьеру он сыграл более 120 ролей по пьесам известных кабардинских, советских и иностранных драматургов. Талант его был многогранным, гибким, тонким. Ему одинаково хорошо удавались и эпическо-исторические, и драматические и комедийные персонажи. Но в памяти поколений Мурат Болов остался всё-таки Лениным – так мастерски и виртуозно он смог понять, осмыслить и передать образ лидера революции.

Родился Мурат в сел. Псыгансу в 1917 г. Начиная свою карьеру в искусстве в национальном танцевальном ансамбле. Затем в 1940 г. он оканчивает Государственный театральный институт им. А. Луначарского, и в том же году со своими товарищами выходит на сцену первого в Кабардино-Балкарии профессионального театра.

За годы, проведённые на сцене, Болов сыграл в пьесах известных кабардинских драматургов: Аскерби Шортанова, Зарамука Кардангушева, Мухамеда Тубаева, М. Шахапсоева. И в каждой роли его мастерство актёра глубоко и человечно, а образы многообразны и неповторимы. Зрителям он особенно запомнился в роли Заудина из пьесы З. Кардангушева «Каншоуби и Гошагаг». Но была и масса других выдающихся ролей, как, например, его работы в пьесах выдающегося русского классика драматургии А. Н. Островского: трепетный и легко ранимый молодой актёр Незнамов – «Без вины виноватые», непримиримый в борьбе за социальную справедливость Мелузов – «Таланты и поклонники», пронзительный Аристарх – «Горячее сердце», высокопорядочный и добрый, и вместе с тем наивный адвокат Маргаритка – «Поздняя любовь», и многие другие.

Серьёзной творческой работой стала его роль Андрея Громова, русского большевика, посланного партией укреплять Советскую власть на Кавказ в пьесе А. Шортанова «Посланец партии». Громов стал прообразом Сергея Мироновича Кирова. Зрители увидели на сцене решительного, мудрого посланца партии, навсегда ставшего другом кабардинцев, балкарцев и других горских народов Северного Кавказа. Были роли и совершенно иного плана, как, например его Андре Вокен, участник французского Сопrotивления из пьесы

*Мурат Болов
(1917-1982)*

прогрессивного американского драматурга Ирвина Шоу «Убийца».

Но вернёмся к образу Вождя революции. Говоря о своих работах в роли Ленина, Мурат Болов употребляет выражение: «Мне посчастливилось играть Ильича». Возможно, нынешнее молодое поколение не до конца поймёт, что в те времена значило исполнять роль Владимира Ильича Ленина. Это была колоссальная ответственность, и сфальсифицировать или ошибиться здесь было никак невозможно. И вместе с тем это была большая честь для актёра, которому доверялось играть Вождя мирового пролетариата. Вот что говорит в одном из материалов в прессе сам Мурат Хажмурзович Болов:

«С 1958 года в репертуар нашего Государственного драматического театра им. Али Шогенукова включаются пьесы, рассказывающие о Владимире Ильиче Ленине. Мне посчастливилось быть исполнителем роли Ильича в трёх наших спектаклях – “Кремлёвские куранты” Погодина, “Грозовой год” Кеплера и “Именем революции” Шатрова. Образ Владимира Ильича стал моим самым любимым, самым дорогим и близким источником творческого вдохновения. Ещё в 1938 году журнал “Театр” писал: “Показать на сцене образ Ленина – это значит показать самого большого положительного героя, какого знает человеческая история, это значит решить самую большую проблему, стоящую перед советским искусством”».

А ведь до этих спектаклей, до этой вехи в его биографии был и другой факт. В 1941 году совсем ещё юный Мурат Болов отправляется на фронт. Испытал всё – и горечь поражений и отступлений, а потом и радость побед и радость последней, самой главной победы в 1945 г. С оружием в руках прошёл он чуть ли не всю Европу, а мечтал об одном – поскорее бы весь этот ужас закончился и вернуться бы к любимому делу – сцене. И мечта и вера его в победу сбылись. В родной театр Мурат Хажмурзович вернулся в 1946 году.

И снова начались радостные, но и мучительные театральные будни – репетиции, прогоны, повторы, кропотливая работа над ролями и, наконец, выход перед зрителями. И аплодисменты, и крики «браво» являлись теми праздниками в жизни актёра, потому что живёт и работает он в главном для зрителя.

За свою многолетнюю и плодотворную карьеру Мурат Хажмурзович Болов был удостоен многих наград. Он – «Заслуженный артист Кабардино-Балкарской АССР» (1958), «Народный артист Кабардино-Балкарской АССР» (1968), «Заслуженный артист РСФСР» (1971).

Не стало Мурата Хажмурзовича в 1982 году. Но в памяти благодарных людей он так и остался артистом потрясающего дара, прекрасным товарищем и другом, соратником по сцене, а для зрителей – Муратом Боловым, который играл Ленина.

В числе новых постановок кабардинской труппы начала шестидесятых годов можно отметить спектакль по пьесе греческого драматурга Алексиса Парниса «Остров Афродиты», в которой рассказывалось о борьбе греков-киприотов за независимость от английских колонизаторов после Второй мировой войны. В спектакле были заняты ведущие артисты театра Б. Сибекова, К. Дышекова, М. Тубаев, К. Балкарова, Х. Товкуев и др.

«Оптимистическая трагедия»

Но наиболее значительным событием в театральной жизни того периода стала постановка пьесы «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского в 1962 году (постановщик – главный режиссёр театра, заслуженный деятель искусств РСФСР и КБАССР Л. Х. Эркенов). Главную роль комиссара попеременно играли две ведущие артистки театра, Казима Эркенова и Данитка Шортанова. Вот строки из архивных материалов республиканской прессы тех лет:

«Спектакль революционного накала. Пьеса Вишневского – произведение новаторское, ибо смело опровергает привычные каноны трагедийного жанра, убедительно доказывает, что этому жанру, как и любому другому, присущи жизнеутверждающие оптимистические идеи.

Театр точно и правильно прочёл пьесу. Он создал отличный спектакль, высокое качество которого прежде всего определяется слитностью актёрского воплощения художественных образов с режиссёрским замыслом.

Центральную роль комиссара на премьере спектакля играла артистка К. Эркенова. В обрисовке характера и поведения своей героини артистка очень тонко использовала принцип контрастности, являющийся одним из самых убедительных приёмов в любом искусстве.

На сцене последовательной чередой возникают и сменяют друг друга волнующие события, наполненные нюансами тончайших душевных переживаний, драматическими и трагическими конфликтами, борьбой людей за самую жизнь. И в этом океане бушующих человеческих страстей, способных, казалось бы, уничтожить всё соприкасающееся с ним, – огромная внутренняя сила хрупкой душевной женщины, как бы излучающей неиссякаемую животворную силу идейности. Сложный образ комиссара, созданный артисткой К. М. Эркеновой, – большая творческая удача актрисы и режиссуры.

Два образа трагедии – Вожак (народный артист РСФСР и КБАССР

*Казима Эркенова.
«Оптимистическая трагедия», 1962 г.*

Данитка Шортанова. «Оптимистическая трагедия», 1962 г.

М. К. Сонов) и Сиплый (заслуженный артист РСФСР и КБАССР А. М. Шериев) – воплощают в себе злое начало. М. К. Сонов своей игрой убеждает нас в неизбежности и справедливости гибели, ожидающей Вожака в его бесславной борьбе с комиссаром, убеждает всем строем бандитско-анархистского мышления этого «героя». С бессмысленной жестокостью он топит в морской пучине ни в чём не повинных матроса и старуху, жестоко казнит двух возвращающихся из германского плена раненых офицеров. Его идеология – убийства, ибо, как он говорит, «все лживые скоты. Все отравлены. Под корень всех рубить надо – в каждой старой жизни сидит».

Вожак понимает, что само появление в его отряде комиссара означает укрепление Советской власти, рост влияния партии в частях уже созданной Красной Армии; и чем яснее это понимание, тем больше злобы и желания как-то удержаться на поверхности, сохранить своё влияние в отряде. Но всё это – ничто в сравнении со страхом, поселившимся в душе Вожака. Всё это в исполнении Сонова звучит в сдержанных и зловеще угрюмых тонах очень лаконично, но с большой непосредственностью и художественной точностью, с лучшей стороны характеризующих высокие актёрские качества и культуру исполнителя.

Аскерби Шортанов с участниками спектакля «Оптимистическая трагедия», 1962 г.

Очень удался А. Шериеву образ Сиплого. С большим темпераментом исполняет роль Алексея заслуженный артист РСФСР и КБАССР Х. Товкуев. Запоминающиеся образы создали заслуженные артисты КБАССР В. Сонов (боцман), А. Тхазаплизев (старый матрос), заслуженный артист РСФСР и КБАССР Т. Жигунов (священнослужитель).

На хорошем уровне, но в несколько излишне-заострённом гротесковом ключе сыграна артистом С. Каздоховым роль главаря анархистов. Роль командира корабля исполняет заслуженный артист РСФСР и народный артист КБАССР М. М. Тубаев...

Исполнение остальных ролей показывает, что все участники спек-

такля проявили большую энергию в своих творческих поисках, активно работали над ролями, помогая этим полноценному ансамблевому звучанию спектакля.

На какие выводы наталкивает этот спектакль? Только работая над полноценными и масштабными произведениями классической и современной советской драматургии, решительно отвергая мелко-темные и ремесленнические пьесы, коллектив театра получает «энергетическую» зарядку, нужную для творческого роста своих актёров, режиссёров, художников».

Э. Черкасский
(«Кабардино-Балкарская правда». 24 апреля 1962 г.)

«Горячее сердце»

В 1965 г. кабардинская труппа вновь обратилась к драматургии А. Островского. Было уже отмечено, что обращение к классике является лучшим способом поддержания творческого и профессионального гудуса театрального коллектива. Шестидесятые годы прошлого столетия не стали исключением – несмотря на новые тенденции в театральной жизни страны и в частности, республики, когда литература и сцена обратились к современной тематике и стали появляться герои нового типа, театральные коллективы, как и кабардинская труппа, охотно и с удовольствием брались за постановку классики.

Спектакль «Горячее сердце» получился интересным, свежим. Пьеса была прочитана с ключевых позиций самого драматурга, и спектакль гармонично сочетал реалистические и гротесковые элементы не только в постановочных деталях, но и в актёрских работах: таковы исполнение роли Хлынова артистом М. Соновым и роли Курослепова артистом М. Секрековым.

«Ожившие страницы истории. Для национальных театров работа над этой комедией, как и вообще над пьесами великого драматурга, сопряжена с преодолением многих трудностей. Они вызываются некоторыми образными особенностями самого «театра Островского» – его глубоко русским речевым строем и множеством бытовых подробностей, важных для раскрытия характеров героев.

Хлынов М. Сонова очень эксцентричен. Мы видим удачливого подрячика из крестьян, цепко держащего в своих руках всё, что в эти руки попадает... М. Сонов создаёт очень подвижный сценический рисунок роли, безо всякого нажима наделяя своего героя кипучим темпераментом, высокомерным властолюбием, буйной страстью к разгульной жизни. Эксцентричность этого образа превосходно сочетается с гротесковым режиссёрским решением темы внутренней никчёмности внешне пышных проявлений хлыновщины. Всё здесь поэтому вос-

Спектакль «Горячее сердце», 1965 г.

принимается реалистично: нелепая дача Хлынова, с нелепым же наименованием «Станция Хлыновская»; безвкусовые колонны, не имеющие ничего общего с искусством, скульптуры двух львов, требующие пояснительной прутковской надписи: «се – лев, а не собака»; фантасмогорическая сцена в лесу, где «гуляет» Хлынов со своей челядью.

В таком большом и сложном спектакле, как в зеркале, отражаются многие важные качества талантливого коллектива кабардинской труппы: высокая работоспособность, стремление к ансамблевости и творческому росту».

Э. Черкасский

(«Кабардино-Балкарская правда». 13 апреля 1965 г.)

В 1967 году в Советском Союзе отмечалось 50-летие Октябрьской революции. Театры во всей стране ставили спектакли, посвящённые юбилейной дате. Пятидесятилетие Советской власти Кабардинский драматический театр отметил тремя спектаклями: «Буря» Х. Дударова, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Грозовой год» А. Каплера. Вот как оценил постановку спектакля «Поднятая целина» писатель, драматург, театральный режиссёр Аскерби Шортанов в своей книге «Кабардино-Балкарский театр»:

«Значительным явлением среди юбилейных спектаклей стала «Поднятая целина» (реж. С. Теуважев). Молодой режиссёр проявил творческую изобретательность, мизансцены строились им остро и динамично, всё подчинялось выявлению характеров. Художник И. Фаюткин создал интересное оформление. Без конструктивных нагромождений, сложных перемен декораций, посредством игры света и теней, цветовых ассоциаций он сумел передать степное раздолье донских полей, живописность казачьих станиц. Актёры прекрасно справились с поставленными перед ними задачами. Х. Товкуев передал страстность, непримиримость к врагам революции, мужественность, поэтичность Нагульнова. Можно со всей определённой уверенностью утверждать, что А. Тухужев (дед Щукарь) раскрыл свой талант с наибольшей глубиной и полнотой».

«Грозовой год»

Важным событием культурной жизни Кабардино-Балкарии стала также премьера спектакля «Грозовой год».

«...Нам думается, что театром сделан ещё один шаг к высотам сценического искусства. Это отчётливо выявилось в режиссуре и в мастерстве многих актёров, занятых в «Грозовой год». Можно с уверенностью сказать, что режиссёру-постановщику, заслуженному деятелю искусств РСФСР Леониду Эркенову удалось создать хороший в художественном отношении спектакль. Являясь плодом усилий всей кабардинской труппы, режиссёра, художника, спектакль непосредственно вовлекает зрителя в жизнь сцены. Создалась та особая радостная атмосфера, когда зрительный зал и сцена сливались в единое целое. Буквально с первых же слов Ленина (заслуженный артист КБАССР М. Болов) зрители чувствовали себя участниками развёртывающихся событий.

...Режиссёр спектакля Л. Эркенов и художник, заслуженный деятель искусств КБАССР С. Мальцов, создали на сцене такую обстановку, которая помогает артистам играть, а зрителям – воспринимать в полном объёме происходящее».

Б. Курашинов

(«Кабардино-Балкарская правда». 27 ноября 1965 г.)

«Адиюх»

В 1969 году Кабардинский драмтеатр работает над спектаклем по пьесе Залимхана Аксирова «Адиюх».

«Имя Залимхана Аксирова хорошо известно как в нашей республике, так и за её пределами. Кто не видел или не слышал про «Даханаго», про легенду и про спектакль, поставленный по его пьесе и вот уже много лет не сходящий со сцены! З. Аксиров после премьеры «Даханаго» подарил нам много произведений, неизменно встречающих одобрение зрителей и артистов. И вот драматург вновь обратился к народной легенде. На этот раз он переложил на язык драматургии сказание о кабардинской девушке Адиюх, о её горячей любви. Три месяца назад постановочная группа Кабардино-Балкарского драматического театра им. А. А. Шогенцукова во главе с заслуженным артистом РСФСР, режиссёром М. М. Тубаевым начала работу над пьесой.

“Адиюх” – подлинно народная драма, – говорит главный режиссёр театра, заслуженный деятель искусств РСФСР Л. Х. Эркенов, – поэтому актёры с увлечением работали над её образами”. На днях художественный совет принял спектакль. А потом состоялась премьера. Быть первыми зрителями посчастливилось жителям селения Шалущка.

Главная роль в спектакле поручена двум артисткам: М. Тхакаховой

и Т. Балкаровой. Образ возлюбленного Адююх создал заслуженный артист КБАССР П. Мисостишхов. В спектакле заняты народные артистки КБАССР К. Эркенова и К. Балкарова (княгиня), заслуженная артистка КБАССР Х. П. Карданова (Нашхо), народный артист КБАССР М. Х. Болов (Карамурза), заслуженный артист А. М. Тухужев (Хашир) и другие. Наибольшей удачей в «Адиюх», по словам главного режиссёра Л. Х. Эркенова, является мастерское исполнение роли Мышыркана заслуженным артистом КБАССР М. М. Секрековым. С этим вдумчивым интересным артистом очень легко работать. М. Секреков очень тонко владеет искусством перевоплощения. Ему одинаково хорошо удаются и комедийные, и драматические роли».

О. Николаева
Девушка из легенды. («Кабардино-Балкарская правда».
23 июля 1969 г.)

В 1967 году Кабардинскому театру исполнилось 30 лет. Этот юбилей совпадал с другим большим юбилеем, 50-летием Октябрьской революции и советского государства. А каждый юбилей – это веха для подведения итогов. Театровед Г. Юровский писал по этому поводу: *«В истории культуры 30 лет не велик срок, а свершения таковы, что просится слово – эпоха. Здесь открытие талантов (и каких!) у юношей и девушек из глухих сёл Кабарды и Балкарии, самозабвенная пора шлифовки самородков в Москве, в Театральном институте. И приход на кабардинскую сцену Шекспира и Гольдони, Островского и Гоголя...».*

Главное, что стоит отметить в работе кабардинской труппы 1960-х годов, это то, что коллектив театра давно уже не испытывал абсолютно никаких комплексов относительно своих провинциальности или профессионализма. Это был театр зрелый, со своей академической основой в виде московского театрального образования, а значит с живой связью с русской театральной традицией, а через неё и с мировой. Это был коллектив со своей сложившейся за годы традицией и преемственностью поколений, такой, которому по силам были сложные серьёзные постановки. И ещё такой, который с удивлением открывали для себя искушённые московские театральные критики, отзывавшиеся о работе кабардинской труппы в позитивных, благожелательных, а подчас и восторженных публикациях.

Сказать, что это был актёр популярный или любимый, значит сказать недостаточно, чтобы определить место этого человека в истории кабардинской сцены и даже в народе. Даже на бытовом уровне, пожалуй, ни одно застолье или посиделки при жизни и после его кончины не обходились и поныне не обходятся без того, чтобы не было упомянуто его имя, или не вспоминались его сценические образы или просто анекдотические случаи из жизни.

Да, это был актёр ярко выраженного комедийного плана. Но глубина его дарования была такова, что в иных ролях он преображался совершенно и до неузнаваемости – передавая и драматизм, а подчас и трагизм своих персонажей.

Али Матыкович был общенациональным любимцем. Рассказывают, что, когда администраторы КГДТ им. А. А. Шогенцукова приезжали в сёла договариваться о показе очередного спектакля, их не особо спрашивали, что за пьеса и о чём она, – первый вопрос был, играет ли Али Тухужев. Однако за легендарным фасадом общенационального комика скрывался очень серьёзный, интеллигентный, глубокий и во многом грустный человек. Грустный, потому что знал что-то такое, чего посчастливилось не знать молодому поколению, не видевшему той страшной войны.

Стоит только задуматься над военной биографией Тухужева! Он был призван в ряды Красной армии в 1940 году. А с началом войны он волею судьбы несколько раз оказывался в эпицентре самых кровопролитных и исторически важных сражений. Был ранен четырежды: каждый год войны и каждое великое сражение нашей армии оставили по одному шраму на теле, как памятные отметины. А закончил он войну под Варшавой.

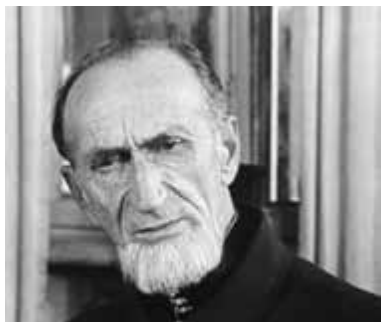
В одном из интервью журналисту Эдуарду Биттирову тогдашний руководитель театра Руслан Фиров поделился своими воспоминаниями о старшем коллеге: «Репетируя "Силу любви", мы без труда находили с Тухужевым общий язык. Никаких сложностей у нас не возникало. Старшие актёры относились к нам очень доброжелательно. Возможно, им не всё нравилось, но вели себя дипломатично. Конечно, в театре бывает всякое. Иногда старшие коллеги смотрят на молодёжь свысока... В результате творческий вакуум пытаются заполнить колкостями, интригами и высокомерием. Талантливому и востребованному артисту некогда заниматься подобной ерундой», – считает Фиров. Выйти на театральную сцену с Али Тухужевым ему так и не довелось, зато он

*Али Тухужев
(1917-1995)*

успел сняться с ним в нескольких картинах – в том числе «По следам Карабаира» и «Кольцо старого шейха»... «Али был человеком скромным и простым. Жил в обычной малогабаритной квартире, за материальными благами не гнался. Приоритетами для него всегда оставались семья, друзья и любимый театр. Он был героем того времени, и его любили все», – вспоминает художественный руководитель театра.

12 апреля 1995 года артиста не стало. С тех пор ежегодный Северо-Кавказский фестиваль артистов комедийного жанра «Улыбка друзей» носит имя Тухужева. Он любил повторять: «Для того чтобы

узнать, сколько человек прожил на этой земле, нужно посмотреть, сколько лет его будут помнить. Это может быть один день или сто лет». Согласно этой теории народный артист России Али Тухужев прожил очень долгую жизнь.

Он был разным, Али Матыкович Тухужев, и в жизни и на сцене, и в кино. Актёр комедийного амплуа, одним своим появлением взрывающий зал аплодисментами и смехом. Но его герой мог быть жесток и беспощаден, как Мулла в картине «По следам Карабаира» или Хан в фильме «Кольцо старого шейха».

Артист – это и отражение, и градус национального характера. Мы запомнили Али Тухужева именно таким, разным – весельчаком и балагуром, блестящим глубоким актёром, серьёзным и вдумчивым мужчиной, мудрым, но никогда не унывающим и в пожилые свои годы.

Его благородный труд был оценен по достоинству: Али Матыкович Тухужев – «Заслуженный артист КБАССР» (1950 г.), «Народный артист КБАССР» (1953 г.), «Заслуженный артист РСФСР» (1957 г.), «Народный артист РСФСР» (1971 г.), «Народный артист Абхазии» (1992 г.).

Он был в числе того самого, первого и легендарного выпуска ГИТИСа 1940 года, когда кабардинский театр только начинал свои первые шаги. Кроме прочих заслуг, Али Матыкович был награждён орденом Красной Звезды и пятью медалями.

Он ушёл от нас 12 апреля 1995 года. Но остался ярким явлением в истории Кабардинского драматического театра и в памяти благодарного народа.

В номере:

Юрий Тхагазитов. Художественное своеобразие диалогии «Вершины не спят» Алима Кешокова. <i>Статья</i>	2
Муталип Беппаев. Классик балкарской литературы. <i>Статья</i>	10
Мария Котлярова. Щедрая лира Керима. <i>Статья</i>	14
Керим Отаров. <i>Стихи</i>	19
Римма Шогенова. За грехи отца. <i>Повесть</i>	28
Василий Школьный. <i>Стихи</i>	40
Борис Балкаров. В начале было... <i>Рассказы</i>	49
Султан Пишибиев. Двое в масках. <i>Повесть</i>	60
Татьяна Подыман. <i>Стихи</i>	80
Евгения Фиешко. Алеша. Ножи... <i>Рассказы</i>	85
Роза Дахаева. <i>Стихи</i>	91
Людмила Шауцукова. Медовая история. <i>Рассказ</i>	97
Алим Алафаев. <i>Стихи</i>	104
Хасен Шериев. <i>Стихи</i>	116
Наталья Шинкарева. «Как слово наше...» <i>Статья</i>	126
Георгий Крапивин. Некоторые значения и датировки в «Сценах из рыцарских времён» и балладе о «Рыцаре бедном». <i>Статья</i>	130
Махти Улаков. Крупный ученый, талантливый организатор науки, общественный и политический деятель. <i>Статья</i>	157
Владимир Кудаев. След на земле. <i>Очерк</i>	163
Хыйса Османов. Дорога домой. <i>Новелла</i>	176
Алим Балкаров. Из истории кабардинского театра. <i>Очерк</i>	178

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии А. Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 30.04.2022. Подписано к печати 03.06.2022.
Выход в свет 30.06.2022. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 892 экз. Заказ №1149. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.
Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

Продолжается подписка на журнал «Литературная Кабардино-Балкария» –

единственное литературно-художественное и общественно-политическое издание на русском языке, охватывающее и поддерживающее единое культурное пространство, создаваемое усилиями деятелей искусства и культуры нашей республики.

На страницах «Литературной Кабардино-Балкарии» читатель всегда найдет современную прозу и поэтические подборки как известных мастеров литературы, так и тех, кому еще только предстоит обрести популярность.

Журнал стремится освещать широкий круг вопросов общественно-политической жизни, проблемы и достижения во всех отраслях народного хозяйства КБР.

В журнале печатаются как оригинальные произведения, так и переводные тексты авторов нашей республики, а также литераторов и журналистов братских республик Северного Кавказа, ближнего и дальнего зарубежья, ранее не издававшиеся на русском языке.

Аудиторию «Литературной Кабардино-Балкарии» составляют все категории читателей, объединенных любовью к литературе и равнодушных к событиям общественной жизни.

Журнал выходит шесть раз в год, каждые два месяца.

Стоимость одного номера по подписке в отделениях ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 месяцев – 105,09 руб., за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции: КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5, «Дом печати».

Телефоны редакции: 40-28-49; 42-75-22.

Сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru.

Подписной индекс П5892

